

ЛЕХАИМ N 1 (201)

**ЯНВАРЬ
2009г.**

**ТЕВЕТ
5769**

УСИЛЕНИЕ ПО ВСЕМ НАПРАВЛЕНИЯМ

לִיטוֹ אֲנֵהוּ אֵינִי עֹשֶׂה דְבָרִים

Мумбайские теракты встали в ряд самых страшных преступлений террористов против мирных граждан. Нынешняя трагедия превратилась еще и в одну из черных страниц Любавичского движения, поскольку представительство движения в Индии было в числе целей убийц. В этом еврейском центре погибли эмиссары Хабада раввин Гавриэль Гольцберг и его жена Ривка.

В истории Хабада нечто подобное уже случалось. В 1957 году террористы напали на школу в Кфар-Хабаде и хладнокровно убили четверых учеников и их преподавателя.

Подборку отрывков из писем и выступлений Любавичского Ребе, содержащих реакцию на трагедию 1957 года, мы представляем вашему вниманию.

Составитель и переводчик посвящает эту публикацию памяти раввина Гавриэля и рабанит Ривки Гольцберг. Пусть Всевышний взыщет за их невинную кровь.

Только сейчас я решил ответить на письма, связанные с терактом, потому что тяжело мне было писать об этом. Иные пытались объяснить произошедшее стихом из Торы <по поводу смерти сыновей первосвященника Аарона>: «Близкими мне освящусь <говорит Г-сподь>». Однако мне представляется, что и там данный стих суть не объяснение, а констатация воли Б-жьей, поэтому бессмысленно разяснять непонятное непонятым. Кроме того, объяснения причин горя содержат в себе попытку оправдать <гибель жертв>, я же считаю это абсолютно неверным.

Нет, не стоит пытаться объяснять причины несчастья, а вот следствия его должны быть для нас несомненны. Так было во времена египетского плена тысячелетия тому назад, когда для сынов Израиля было очевидно, что на преследования и унижения отвечать следует национальным усилением и увеличением, – так должно быть и сейчас. А

поиски причин «Б-жьего попустительства» следует отставить в сторону. Человеческому разуму не дано постичь это.

Я преисполнен великой надеждой, что не только община Хабада проникнется именно этим настроением, но и все, кто хоть как-то связан с осуществляемой Хабладом деятельностью. Ответом на трагедию должно стать укрепление и расширение Движения.

Утверждение же о том, что «в наше время даже традиционно настроенные евреи уже не наполнены животворящим светом иудаизма», представляется мне предвзятым, поскольку это вовсе не является отличительной чертой именно нашего времени, – бывало так и прежде. Кроме того, выводы из этого утверждения должны быть прямо противоположными тем, которые зачастую делаются сейчас. Именно низкое духовное состояние мира должно пробуждать дополнительный потенциал и ответственность за исправление такого положения. Следует раскрыть в себе не только явные способности, но и глубоко потаенные, не только улучшать окружающий мир, но и исправлять его. И именно так мудрецы понимают стих Горы «<мир>, который сотворил Г-сподь делать»: Б-г предназначтал, что на человеке лежит миссия участия в творении несовершенного мира путем его исправления. Исправление же мира следует начать с себя самого – со своего внутреннего мира. Собственно, в этом и заключен смысл нахождения души в теле – тело дает душе движение, сама же душа, как и ангелы, статична.

На этом пути человека подстерегает постоянный конфликт между духовным и телесным. Однако именно телесное является движущей силой духовного, второму не обойтись без первого. Этот процесс особенно тяжок в нашем поколении, еще не освободившемся от столь популярного в поколении предыдущем лживого воззрения материализма.

Реакцией на трагические события должно стать наше усиление по всем направлениям – духовное самосовершенствование, личное участие и материальная поддержка организаций, занимающихся благими делами.

Духовное самосовершенствование заключается в постоянных поисках истины в процессе изучения святых книг, в самоанализе, а главное, в сочувствии ближним.

Личное участие – это реальная деятельность на ниве добрых дел, когда человек спешит лично, собственными силами творить добро.

Материальная поддержка соответствующих организаций необходима потому, что вместе людям дано добиться гораздо большего, нежели поодиночке.

Только крепя братство друг с другом, в атмосфере истинной любви к ближнему, мы сможем удвоить наши силы.

В наших святых книгах неоднократно говорится о том, что после того как в мире проявляется качество суровости, приходит черед высшего милосердия. Все вместе мы должны молить Творца, чтобы Он явил миру Свое милосердие в явном и понятном виде, чтобы не знали мы больше горя и несчастий!

ПИСЬМО

Ааде Ёааид

Дорогой Мойшеле!

Пишу тебе это письмо, хотя прекрасно понимаю, что в два года дети еще не умеют читать. Не знаю даже, прочтешь ли ты то, что я пишу сейчас, когда подрастешь. И все-таки чувствую, что не писать не могу. Хотелось говорить с тобой, но получится, наверное, больше разговор с самим собой. Разговор, который начался в тот момент, когда я увидел в хронике новостей, как твоя няня Сандра вынесла тебя из мумбайского «Бейт Хабад», в одно мгновение ставшего из теплого еврейского дома средоточием ужаса, крови и смерти.

Моше Гольцберг.

Как бы ты ни был еще мал, Мойшеле, я понимаю, что вопросов у тебя сейчас накопилось много. Почему Б-г попустил убийство твоих родителей и их гостей? Почему убийцы пришли именно в ваш дом, в вашу синагогу? И вообще – почему они пришли убивать, что им мешает дать нам жить спокойно? Какой смысл в том, что твоя семья жила на краю света, в беспокойном месте, где то и дело случаются террористические нападения? Как трагедия твоих родителей отразится на остальных посланниках Ребе, на будущих посланниках?

И наконец, твой личный вопрос, который только ты сам можешь для себя решить. Должен ли ты сам стать посланником Ребе, как твой отец, должен ли, как он, ехать на всю жизнь в какую-то дальнюю экзотическую страну? Должен ли отправиться в

Индию, в тот самый «Бейт Хабад», который возглавлял твой отец и который, как уже решено, будет отныне носить имя твоих родителей?

Но есть один вопрос, на который ответ могу дать тебе я. Если ты спросишь себя, стал ли ты одинок, потеряв любимых папу и маму, твердо отвечу тебе: нет. Ты не одинок, Мойшеле, ты с нами. Мы все, посланники Ребе, чувствуем, что ты стал членом нашей семьи. Конечно, мы не можем физически быть с тобой, не можем целовать и обнимать тебя, как делали твои родители. Но мы думаем о тебе ежедневно. И поверь мне, Мойшеле, мы сделаем все, чтобы твоя жизнь была счастливой, комфортной, радостной.

В этом году день твоего рождения стал трагедией не только для твоих близких, но для всех нас, для всего Хабада, для всех евреев. В следующий твой день рождения, на твой опшерниш, когда ты пойдешь в хедер и когда будешь справлять бар мицву, – во все эти памятные дни твоей жизни каждый из нас будет думать о тебе, будет чувствовать горе и радость.

Да, и радость тоже. Радость за то, что ты, Мойшеле, чудом выжил в мумбайском аду. Ведь это действительно было чудо. Никто до сих пор не понимает, как это произошло. Никто не может даже представить себе, что ты увидел своими чистыми детскими глазами. Каким образом Б-г сделал так, что, когда ты плакал и звал свою няню Сандру, вдруг воцарилась тишина среди выстрелов и взрывов гранат, и Сандра, находившаяся этажом ниже, услышала твой зов, а эти нелюди не услышали, не увидели... В центре всего ужаса мумбайской резни ты – чудо, символ еврейского выживания, живое свидетельство того, что, несмотря на все страшные гонения и погромы, Б-г не оставляет Свой народ.

И здесь, среди наших чудес, ты не первый. Наша история знает немало примеров того, как еврейские дети невероятным образом спасались от убийц. Часто это происходило благодаря героизму взрослых людей, в том числе неевреев, которые рисковали своей жизнью, а порой и жертвовали собой ради спасения еврейского ребенка. Эти спасители своим примером показали, что в человеке заложен огромный потенциал добра. Когда человек его раскрывает – он и сам способен творить чудеса.

Так получилось, что как раз в тот день, когда террористы пришли в Мумбаи, я присутствовал на встрече одного из самых известных израильских раввинов, Меира Лау, с двумя дочерьми русского солдата Федора Михайличенко, который во время войны спас его от рук нацистов. Раввин Лау рассказал, что, когда начали бомбить лагерь, где его держали, Федор Михайличенко закрыл его собственным телом от снарядных осколков. Так он остался в живых, потом совершил алию, учился, стал раввином, был даже главным раввином Израиля, президентом мемориального комплекса «Яд ва-Шем»...

В доме раввина Лау собралась вся его большая семья, более 50 детей и внуков, и все они благодарили дочерей русского солдата за свою жизнь. Не только за жизнь своего отца и деда – но и за свою собственную! В годы войны Федор Михайличенко думал, что спасает жизнь одного еврейского мальчика – а на самом деле его героизм позволил родиться на свет десяткам людей, потомкам раввина Лау. Вот что значит талмудическая мудрость: спасающий одного человека спасает целый мир.

Это напоминает нам историю из Торы о другом ребенке – о том, кто первый носил имя, данное тебе родителями. Фараон повелел истребить всех еврейских младенцев мужского пола, одна женщина нарушила приказ, три месяца скрывала своего сына, а потом засмолила тростниковую корзинку, положила туда ребенка и пустила вниз по реке.

Дочь фараона увидела корзинку с младенцем и решила его спасти – опять же вопреки злой воле собственного отца. «И увидела младенца; и вот, дитя плачет; и сжалилась над ним».

Здесь мы видим, какими удивительными путями порой действует Б-г, когда хочет нас спасти. Когда мать рискует собой, чтобы ее ребенок остался в живых, – это понятно, это естественно, таковы все матери. Но вот появляется египетская принцесса – и тоже нарушает бесчеловечные приказы, хотя это грозило ей смертью. Мидраши говорят, что даже тот факт, что дочь фараона спустилась к Нилу, по водам которого плыла колыбель еврейского младенца, был по местным обычаям тяжким преступлением: Нил у египтян считался божеством.

А дальше произошла совершенно удивительная вещь. В книге Шмот мы читаем: «Она увидела корзинку среди тростника и послала рабыню свою взять ее». Что это за рабыня? В оригинале на иврите использовано слово «ама», которое имеет также значение «длань», рука. Наши мудрецы объясняют, что дочь фараона действительно протянула руку к корзинке – и Б-г чудесным образом удлинил эту руку – так, что она дотянулась и вытасила младенца.

Кстати, мидраши объясняют, что эта принцесса потом сама приняла еврейство и вышла замуж за еврея. Ее муж Калев вышел вслед за Моше из Египта и спустя 40 лет вошел в землю Израиля. Кроме него, такой чести удостоился только один сподвижник Моше, Йеошуа бин Нун.

В книге Диврей а-ямим эта женщина названа Батъя, то есть «дочь Б-га». И действительно – Б-г вошел в нее и сотворил чудо. Эта женщина спасла не только Моше, но весь еврейский народ. Ее заслуга – спасение жизней миллионов евреев во всех поколениях! Знала ли она, что спасенный ею ребенок выведет весь наш народ из рабства и получит святую Тору на горе Синай? Знал ли солдат Федор Михайличенко, каким вырастет спасенный им еврейский мальчик и какое у него будет потомство? Знает ли твоя няня Сандра, какой подвиг она совершила, бросившись под пули террористов, чтобы вынести тебя в безопасное место? Конечно же нет. Когда человек творит добро, он действует инстинктивно, повинуюсь той великой силе, которую Б-г вложил в его душу...

Здесь мне хочется вспомнить одну историю о нашем Ребе. Как-то один из его посланников организовал лекцию для общины, арендовал зал и пригласил множество людей. Но в самый последний момент на его город обрушилось стихийное бедствие, и приглашенные вынуждены были остаться дома. Вот выходит раввин к аудитории – а зал пуст, только одна женщина сидит в первом ряду! Можно себе представить, каково у бедняги было на душе... Но лекция готова, пусть даже один человек пришел, нельзя его разочаровывать! Раввин прочел лекцию, потом пригласил свою единственную слушательницу к накрытому столу, накормил, поговорил с ней по душам... Женщина отправилась домой довольная. А посланник сел писать письмо Ребе. Настроение у него было хуже некуда – вот об этом он и написал.

Прошло какое-то время, и наш посланник получает ответ. Ребе пишет: «Тебе не стоит огорчаться. Пусть ты в этот вечер помог только одной женщине, но вспомни историю нашего народа – и ты поймешь, что одна женщина может спасти всех евреев, всех их потомков, весь наш народ». Нам не дано узнать все последствия наших дел, писал Ребе, только Б-г знает всё. Поэтому человек никогда не должен опускать руки. То, что ты все-таки прочел лекцию, сделал то, что планировал, – это правильный путь. Не нам оценивать, что важно, а что нет. Надо просто делать все, что в твоих силах, в том месте, где ты находишься.

Всем известно, что Ребе посылал своих шлухим в самые отдаленные места, в том числе туда, где евреев очень мало. Кое-кто даже иронизировал на этот счет: дескать, возьмите такие города, как Нью-Йорк или Тель-Авив, там больше евреев, чем в ста городах, куда отправляются раввины Хабада! А Ребе на это отвечал: «Даже ради одного еврея, чтобы помочь ему, стоит ехать далеко».

При этом Ребе никогда не чувствовал удовлетворения от того, что уже сделано. Часто посланники, желая обрадовать его, с гордостью сообщали: «Вот у нас в школе учатся 400 детей, вот на праздник в нашу синагогу пришло 600 человек». На это Ребе каждый раз говорил, что в нашем деле – как в бизнесе: у кого есть сто, хочет двести, у кого набралось двести – хочет четыреста и так далее.

Почему он так реагировал на отчеты об успехах своих посланников? Почему бы просто не поблагодарить человека, поздравить, сделать ему приятное? Но Ребе ощущал евреев не просто как людей, а как своих детей – а это уже совсем другое отношение. Если, например, у одного отца пятеро детей, четверо из них во всем успешные, а пятый, скажем, плохо успевает в школе – радость отца никогда не будет полной. Наоборот, он не успокоится, пока все его дети не будут, наконец, обеспечены всем, пока каждый не добьется успеха!

Есть такая история о Мителер Ребе: он недавно женился и жил еще в доме Алтер Ребе. Однажды ночью он сидел и изучал Тору. Вдруг его ребенок вывалился из кровати и заплакал. Мителер Ребе был настолько сосредоточен на постижении мудрости Торы, что даже не услышал. Алтер Ребе, комната которого находилась во втором этаже, услышал детский плач, спустился, успокоил младенца и уложил его обратно в колыбель. А сыну своему сказал: «Даже когда ты занят самым важным, святыми делами, ты должен слышать плач ребенка». Если ребенок плачет – надо все отложить и заниматься им.

Это именно то чувство, которое охватило Батью, когда она увидела младенца Моше и пошла к реке его спасать. То чувство, которое испытывал Федор Михайличенко, когда закрыл собой еврейского мальчика Меира Лау. То, которое владело Сандрой, когда она, прижимая тебя к груди, выбиралась из захваченного террористами здания.

И это ответ для всех нас. Ответ на вопрос, надо ли продолжать миссию посланников в далеких городах, в экзотических странах, если там есть хотя бы один еврей, которому можно помочь. Надо, обязательно надо! Надо ли быть готовым рисковать собственной жизнью? Надо.

Это то, что делали твои родители, Мойшеле. Они отправились на всю жизнь в далекую страну, оставили родных, друзей – чтобы принести пользу другим людям. Кто спас одного человека – спас целый мир...

Когда Каин убил Авеля, Б-г сказал ему: «Кровь брата твоего вопиет из земли». Наши мудрецы разъясняют: это не только кровь Авеля, но и кровь его потомства, которому не довелось появиться на свет. Каин убил не только своего брата, но и всех людей, которые могли бы повести от него свой род. Убийца одного убивает сразу многих. И точно так же спасающий одного спасает весь его род – по сути, целый мир!

Поэтому наш ответ террористам, погубившим твоих родителей, должен быть таким: они хотят убивать, а мы будем делать все, чтобы помогать людям, спасать людей, улучшать человеческую жизнь, материально и духовно.

Террористы готовили свое преступление долго и тщательно. Они были согласны даже умереть – но ради какой цели? Чтобы убивать. Мы же покажем им, что готовы на все, чтобы давать людям жизнь, чтобы защищать добро, чтобы добавить света в этот мир. Чтобы продолжить дело твоих родителей, Мойшеле...

Когда ты вырастешь, ты, конечно же, будешь спрашивать у окружающих: а какими они были, мои родители? Что в них было особенного? Конечно, каждый, кто встречался с Гавриэлем-Ноахом и Ривкой, смогут вспомнить и рассказать тебе что-то свое. Я же больше всего запомнил две вещи. Во-первых, они помогали каждому, не задаваясь вопросом, что это за человек: хасид, не хасид, может быть, даже неверующий... И во-вторых, они помогали с радостью, бескорыстно, не думая о себе.

Есть два пути служения Б-гу. Одни выполняют заповеди и совершают добрые дела ради воздаяния. Другие – ради самого служения, потому что это доставляет им удовольствие. Наша Тора учит: служить Б-гу надо с радостью.

Почему это так? Ведь, казалось бы, важнее всего – сделать дело. Сотворить добро, оказать благодеяние, выполнить заповедь... Но тот, кто творит даже добрые дела ради воздаяния, делает это для себя, а не для Б-га. Самый высокий путь служения – это служение без личного интереса. Тогда уже неважно, какую работу ты выполняешь, кому надо помогать – все ты делаешь с удовольствием.

Именно такими были твои родители, Мойшеле. Они помогали всем, потому что хотели помогать, и само это дело, сама эта помощь доставляли им радость.

В эти дни, когда мы скорбим о жертвах теракта в Мумбаи, мы можем лучше понять то, о чем Ребе говорил много раз: «Главная наша задача не только в том, чтобы все евреи жили праведно, но и в том, чтобы весь мир верил в Б-га, чтобы каждый молодой человек знал, что он должен вести себя правильно не из-за полицейского на углу, а из-за Б-га в небесах. И эту идею мы обязаны распространять среди всех народов». Задача каждого – улучшать окружающий мир, дать всем людям понять, что человеческая жизнь является высшей ценностью. Делать все, чтобы люди на земле жили лучше в материальном и духовном плане.

Конечно, с террористами ведут борьбу государства, у которых есть спецслужбы, полиция, суды. Они могут арестовать убийцу и наказать его. Но одних наказаний недостаточно, чтобы искоренить террор, чтобы люди не вступали на тропу ненависти и насилия. Для этого необходимо воспитывать людей, начиная с детского возраста, чтобы они и сами отвергали убийство и передавали мораль и духовные ценности следующим поколениям. Каждый должен выполнять этот долг в своем маленьком мире – в семье, в общине, в городе. Каждый должен подавать личный пример, чтобы ему последовало как можно большее число людей.

Сегодня, после мумбайской трагедии, нам предстоит еще больше работы. Мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы наши моральные ценности, ценности жизни и добра, дошли до всех, до самых глухих углов. В этом будет наша самая главная победа над террористами. В этом наше самое страшное отмщение убийцам: если мы добьемся того, чтобы их дети выросли не такими, как они.

Я понимаю боль твоей утраты, Мойшеле, я сопереживаю ей. Но мы не знаем, почему Б-г решает, что этот человек будет жить дальше, а тот уйдет молодым. И поэтому наш ответ на горе и боль может быть только тем, к которому призывал Ребе: «Преврати

боль в действие». То, что существует террор, то, что существует зло, – для нас призыв делать еще больше добра, чтобы улучшить мир, чтобы очистить его от зла. Твои родители пошли на самопожертвование, чтобы добавить света в таком экзотическом месте, как Мумбаи, – город, который уж точно нельзя назвать еврейским или даже просто духовным центром. Они положили жизнь за то, чтобы и в Мумбаи женщины зажигали субботние свечи, чтобы мужчины надевали тфилин и совершали молитвы, чтобы дети с малых лет учились помогать нуждающимся.

Жизнь твоих родителей оказалась короткой. Но они прожили ее не зря, они прожили отпущенное им время по максимуму. И поэтому дело их будет продолжаться. И через наши действия они будут жить вечно.

Уверен, в конце концов победа будет за нами, за силами света и добра. Б-г иногда испытывает нас, на твою долю уже в таком малом возрасте выпало очень тяжелое испытание. Но я знаю: ты будешь жить так, чтобы твои родители Гавриэль-Ноах и Ривка гордились тобой.

* * *

И еще несколько слов, напоследок, к читателям. Уж прости меня, Мойшеле, но я без твоего разрешения решил разделить с ними это письмо. Сейчас объясню почему.

Когда люди узнали о мумбайской трагедии, ко мне подошел один еврей, далекий от хасидизма, и сказал: в этот день мы все хабадники. Он имел в виду, что, когда наши враги пытаются нас уничтожить, мы понимаем, что наша сила в единстве. И действительно, после теракта солидарность, которую мы ощутили от всех евреев в мире – и не только от евреев, – была беспрецедентной. Мы благодарны за теплые слова, за то сочувствие, которое увидели в эти дни.

Но просто проявить солидарность сейчас недостаточно. Нам нужно приложить еще больше усилий для выполнения тех задач, которые изо дня в день ставили перед собой твои папа и мама.

К сожалению, для многих только благодаря самопожертвованию твоих родителей стало известно, что такое Хабад, чем он занимается, в чем заключается миссия посланников Ребе. И как бы они ни относились к учению Ребе, они осознали, зачем это нужно.

Мы все понимаем, что нужно думать друг о друге, помогать друг другу, бороться с силами зла, доставлять свет в этот мир. Когда каждый из нас будет печься немного меньше о себе и чуть больше о других – нет сомнения, что этот свет будет ярче гореть вокруг нас. И горя не будет, и Б-г явит милосердие и дарует благополучие.

Крепко целую тебя, Мойшеле. И знай, что ты не просто ребенок, глядя на которого мы думаем обо всех этих вопросах. Прежде всего – ты наша надежда. Надежда нашего народа на светлую, счастливую жизнь.

начались потом, когда близкие друзья, пришедшие навестить страдальца, начали убеждать Иова, что все бедствия, постигшие его, – не что иное, как справедливое наказание за какие-то грехи. Поэтому Иов должен всего-навсего честно признаться в содеянном и покаяться.

Иов, однако, на явку с повинной не согласился и виновным себя не признал, утверждая, что его страдания – не наказание за грехи. Наконец в диалог вступил Сам Всевышний. И что же? «Сказал Г-сподь Элифазу Тайманскому: “Мой гнев разгорается на тебя и на двух твоих друзей за то, что вы говорили обо Мне не так верно, как Мой раб Иов”» (Иов, 42:7).

Иными словами, Всевышний признал реальность ситуации, при которой человек живет праведной, достойной жизнью – и на его долю выпадают тяжкие испытания.

Кстати, обратим внимание и на то, что в книге Иова нет ни одной из распространенных теорий, столь чтимых некоторыми популяризаторами иудаизма. В ней не сказано, что праведный Иов страдал за грехи своего поколения или своих предков, что его нынешние страдания стали искуплением его проступков в прошлой жизни, что Б-г наказывает Иова в этом мире, дабы увеличить его награду в мире грядущем, и т. д. и т. п.

Столкнувшись с проблемой страдания праведников, библейский Иов устоял в вере. Однако Элиша бен Авуя, прославленный мудрец, живший во II веке н. э., подобного испытания не выдержал. В Талмуде приведено три объяснения тому, почему этот знаток Торы стал отступником. Два из них имеют непосредственное отношение к нашей теме. Согласно первому, Элиша не выдержал зрелища казни рава Хуцпита, казненного за то, что нарушил римский запрет обучать Торе. На вопрос палачей, каково его последнее желание перед смертью, рав Хуцпит ответил: еще раз прочесть «Шма...» утром и вечером. После этого его сначала закидали камнями, а затем распяли.

Проходя мимо места казни, «Элиша увидел вырванный язык Хуцпита, который тащила свинья... Сказал он: “Язык, с которого сыпались перлы, ныне лижет прах?!” Тут же и согрешил» (Вавилонский Талмуд, Кидушин, 39б).

Другое объяснение его падения приведено в Иерусалимском Талмуде, в трактате Хагига. Как-то во время прогулки Элиша увидел еврея, взобравшегося на вершину пальмы. Еврей взял из гнезда птенцов, а их мать отпустил. Когда он спустился вниз, его укусила змея, и он умер.

Отпустить птицу, взяв ее птенцов, – одна из заповедей, за исполнение которой Тора обещает долголетие: «Если попадется тебе птичье гнездо... и мать сидит на птенцах или на яйцах, то не бери мать вместе с детьми. Отпустить должен ты мать. А птенцов можешь взять себе, ради твоего блага и продления твоих дней» (Дварим, 22:6, 7). Поэтому Элиша был потрясен увиденным: «В Писании читаем: отпусти мать ради твоего блага и продления твоих дней. Где же благо и где долголетие, обещанные этому человеку?» (Иерусалимский Талмуд, Хагига, 15).

Хотя Элиша бен Авуя стал отступником, его внуки (дети его дочери) были воспитаны равом Йеудой. Один из них, рав Яков, сам стал известным знатоком Торы. Однажды его спросили о награде за соблюдение заповедей. Подумав, он ответил: «“Награду за исполненную заповедь не обретешь в этом мире”. Он говорил: “Среди заповедей Торы, за исполнение которых обещана награда, нет ни одной, не связанной с

воскрешением из мертвых. О почитании отца и матери говорится: „...дабы продлились твои дни...“ (Шмот, 20:12). О птице в гнезде сказано: „Ради твоего блага и продления твоих дней“. Был случай, когда отец сказал сыну: „Лезь на дерево и принеси мне птенцов“. Сын взобрался на дерево, прогнал их мать, взял птенцов, а спускаясь, упал и расшибся насмерть. Где же благо, обещанное (за исполнение обеих заповедей) и где долголетие? Но не об этом мире сказано, а о мире грядущем, – дабы там ожидало тебя благо и там продлились твои дни”» (Вавилонский Талмуд, Кидушин, 39 б).

Слова реб Якова не вызвали возражений у его коллег. Напротив, один из мудрецов, рав Йосеф, выразил сожаление, что дед рава Якова, Элиша бен Авуя, не рассуждал подобным образом, – тогда он наверняка не стал бы отступником.

Разумеется, все сказанное выше не означает, что праведный, достойный человек непременно должен страдать. Напротив, он может прожить свою жизнь в счастье, любви и достатке. Однако нет прямой связи между соблюдением заповедей и благополучной жизнью в этом мире.

В Талмуде есть и другие схожие высказывания. К примеру, Рава (вавилонский мудрец IV века) говорил: «Сыновья, продолжительность жизни и пропитание (то есть заработок) зависят не от заслуг, а от удачи» (Вавилонский Талмуд, Моэд катан, 28а). «Заслуги», о которых в данном случае идет речь, – это как раз изучение Торы и соблюдение заповедей. В доказательство Рава приводил Рабу и рава Хисду. Оба были великими знатоками Торы и праведниками, чьи молитвы удостоивались немедленного ответа. При этом рав Хисда умер в возрасте девяноста двух лет настолько богатым, что кормил белым хлебом собак и сыграл в своем доме шестьдесят свадеб. Рава же дотянул только до сорока, жил впроголодь и похоронил всех своих детей (Вавилонский Талмуд, Моэд катан, 28а).

Таким образом, мы нашли «еврейский» ответ на вопрос, заданный в начале статьи. Однако мне кажется, что человек, задавший его, знал Талмуд гораздо лучше меня. И найти соответствующие цитаты не представляло для него большого труда. Поэтому рискну предположить, что на самом деле он хотел задать несколько другой вопрос: почему Б-г создал мир именно таким? Почему Он не вмешивается, позволяя праведникам страдать, а злодеям торжествовать?

Конечно, «правильного» ответа на этот вопрос не знает никто, поскольку «Мои пути – не ваши пути, и Мои мысли – не ваши мысли...» (Йешаяу, 55:8, 9). Тем не менее позволим себе привести некоторые соображения, высказанные в классических еврейских источниках.

Первое из них высказал рабби Ицхак Абуав, испанский раввин второй половины XIV века. По его мнению, если праведникам в этом мире будет выпадать только благо, а грешникам – одни страдания, это приведет к полному уничтожению естественного миропорядка. Ведь в этом случае праведники смогут безболезненно пить яд, падать с высокой скалы. Они будут засеивать бесплодное поле и снимать с него богатый урожай. Даже дождю придется выпадать избирательно – поливать поле праведника и не давать ни капли воды находящемуся рядом полю грешника. Иными словами, естественный порядок вещей, о котором сказано: «И увидел Б-г: все, что Он создал, очень хорошо...» (Берешит, 1:31), – будет полностью ниспровергнут (Ицхак Абуав, Менорат а-маор).

Другой ответ мы найдем в трудах Рамбама, величайшего раввина и философа Средневековья. А точнее – в его рассуждениях о свободе выбора.

По мнению Рамбама, человек – единственное создание, наделенное возможностью свободного выбора: «У каждого человека есть свобода выбора: если хочет идти по правильной дороге и быть праведником – он имеет возможность это сделать. А если хочет свернуть на дурную дорогу и быть злодеем – он имеет возможность это сделать... Человеку нет аналога в материальном мире в том, что человек сам, своим сознанием отличает плохое от хорошего и действует в соответствии со своей волей, и нет ничего, что могло бы удержать его от совершения хорошего или дурного поступка» (Мишне Тора, «Законы раскаяния», 5:1).

По мнению философа, свобода выбора, которая есть у человека, – не случайность, но часть изначального замысла Творца, пожелавшего создать человека непременно свободным: «Так же, как Создатель пожелал, чтобы огонь и воздух поднимались вверх, а земля и вода опускались вниз, чтобы сферы вращались по окружности и чтобы все остальные создания вели себя в соответствии с заложенными в них качествами, – так пожелал [Создатель], чтобы у человека была свобода выбора, чтобы все его поступки контролировал он сам, чтобы никто не вынуждал и не склонял его, но он сам, при помощи сознания, данного ему Г-сподом, совершал любые поступки, которые человек может совершить» (Мишне Тора, «Законы раскаяния», 5:8).

Подробное обсуждение философии Рамбама не входит в задачу этой статьи. Поэтому просто зафиксируем: Всевышний, по Рамбаму, хотел, чтобы человек был свободен и выбирал добро без принуждения.

А теперь вернемся к нашей проблеме. Допустим, награда за соблюдение заповедей и наказание за грехи придут уже в этом мире: все праведники будут благоденствовать, все злодеи – страдать и мучиться, каждое доброе дело – вознаграждаться, каждый недостойный поступок – незамедлительно караться. Можно ли будет в этом случае сказать, что человек обретет свободу выбора соблюдения заповедей и отказа от греха? Или же свободы в таком выборе будет не больше, чем в решении взрослого нормального человека не прыгать со скалы или не совать пальцы в розетку? Теоретически, конечно, такие поступки возможны, но кто же в здравом уме и твердой памяти сделает это?

Иными словами: если Всевышний, как считал Рамбам, хотел, чтобы соблюдение заповедей действительно было результатом свободного выбора, а не принуждения, Он должен был создать мир именно таким, каков он есть: существующим в соответствии с естественным порядком, при котором нет очевидной связи между праведностью и благополучием, соблюдением заповедей и процветанием.

Несомненно, этот мир получился жестоким, временами даже страшным. И многим из нас хотелось бы совсем другой жизни, в которой, как в сказке, добро всегда побеждало бы зло, праведники торжествовали, а злодеи несли заслуженное наказание. Однако за жизнь в таком мире человечеству пришлось бы заплатить своей свободой.

Возможно, многим эта цена не показалась бы чрезмерной, однако «наверху», похоже, считают иначе. По крайней мере, если верить Рамбаму.

РАББИ ЯАКОВ-ЙОСЕФ ИЗ ПОЛОННОГО

נַיִי יוֹסֵף אֶלְיָהוּ

Рабби Яаков-Йосеф а-коен был отпрыском знатного еврейского рода, потомком видных авторитетов традиции: среди его предков были каббалист рабби Шимшон из Острополя, каббалист и автор книги «Йесод Йосеф» рабби Йосеф Кац, а также составитель «Тосафот Йом Тов» рабби Йом Тов Липман Геллер.

Атмосфера дома, где рос рабби Яаков-Йосеф, была проникнута духом Талмуда и каббалы, этих двух основных сфер еврейской учености, и мальчик проявлял исключительные способности как в «пильпуле» – принятом в те времена способе изучения Талмуда, так и в глубинных каббалистических изысканиях. Но если в детстве он не отдавал особого предпочтения ни одной из этих областей, то, повзрослев и сформировавшись как личность, он явно предпочел изучение каббалы, в особенности лурианской. Впоследствии он вывел для себя определение, согласно которому «явная часть Торы является телом, а скрытая – каббала – душой».

Неизвестно, у кого он учился до встречи с Бааль-Шем-Товом: в своих сочинениях он часто упоминает разных раввинов своего поколения, но никто, кроме Бешта, не удостоивается титула «мой учитель» или «мой наставник», хотя и встречаются обобщенные высказывания типа «так слышал я от моих учителей» и т. п.

Местечко. Максимилиан Гиеримски.

1.

Рабби Яков-Йосеф рано прославился глубокими талмудическими познаниями и был приглашен раввином в Шаргород. В тех же краях уже действовал Бешт – кочуя из города в город, он «творил чудеса», раздавал талисманы и самодельные лекарства. Подобного рода люди странствовали в ту пору часто и не привлекали к себе особого внимания, оттого и к Бешту поначалу относились спокойно. Однако ситуация изменилась, когда стало ясно, что он не только «врачует», но и поучает народ, указывая такой путь служения Б-гу, который отличается от принятого. Тогда-то и начали раздаваться протестующие голоса недовольных раввинов. Одним из главных противников Бааль-Шема выступил рабби Яков-Йосеф. Странствуя, Бешт неоднократно посещал Шаргород, но городской раввин не только не соглашался на встречу с «чудотворцем», но и всячески старался умалить его влияние на народ. Бааль-Шем-Тов, напротив, искал возможность завоевать сердце раввина или, как говорят хасиды, «приподнять его». И вот как-то раз, придя рано утром в синагогу на молитву, рабби Яков-Йосеф обнаружил, что в здании нет никого, кроме служки, который объяснил, что вся община столпилась на площади, окружила Бешта и слушает его. Пораженный раввин решил узнать поближе, что же представляет собой этот проповедник, и пригласил Бааль-Шема к себе. С тех пор рабби Яков-Йосеф стал одним из его ближайших и любимых учеников, хотя до поры до времени их отношения оставались тайной для горожан, поскольку большинство из них, следуя недавним указаниям самого же раввина, были настроены против хасидизма и Бешта.

Неудивительно, что, когда факт превращения раввина в хасида стал общеизвестным, рабби Яков-Йосеф подвергся нападкам, кульминацией которых стало изгнание его из Шаргорода. Это произошло в пятницу, незадолго до наступления субботнего покоя, и беглецу пришлось искать пристанища в одной из окрестных деревень. Случившийся неподалеку Бешт «прозрел» беду своего друга и сказал товарищам: «Надо поехать в такую-то деревню, ибо я знаю, что он пребывает в великой печали. Проведем там субботу и развеем его тоску».

Некоторое время спустя рабби Яков-Йосеф был избран раввином Рашкова, а вскоре после того – Немирова, где он уже открыто начал вести хасидский образ жизни и проповедовал хасидизм при поддержке большинства еврейского населения города. Со временем он стал известен как один из столпов хасидизма и приобрел славу «чудотворца». Легенда гласит, что однажды своей молитвой он спас город от нашествия татар^[1].

Хасидские летописи доносят до нас распорядок его дня в те годы: «По целым дням он занимался изучением Торы, облачившись в талит и тфилин. Еще до завтрака он заканчивал ежедневный урок в семь листов Талмуда и не прерывал учение даже во время еды. После трапезы он ложился немного отдохнуть, но очень скоро просыпался и продолжал занятия до молитвы минха. Штудии продолжались и в темное время суток – не проходило ночи, включая субботние и праздничные, когда бы он не вставал в полночь, чтобы продолжить учебу». Он также активно исполнял заповедь о выкупе пленных и давал пожертвования, тогда как сам жил весьма стесненно, хоть и был неприхотлив. О его религиозном экстазе свидетельствовали: при молитве и исполнении заповедей тело рабби дрожало от напряжения. Он часто говорил, что «легче осмыслить десять оттенков талмудического высказывания, чем один раз по-настоящему помолиться Шмоне эзре».

О том, как истово он молился, можно судить по такому преданию. Рассказывали, что случилось рабби Зусе из Аниполя, ученику Межиричского магида,

молиться в некоей синагоге, и он почувствовал, что его молитва была в тот раз необычайно чистой и проникновенной, подобно молитве Бааль-Шем-Това. Рабби Зуся был изумлен и стал доискиваться причины этого происшествия. Оказалось, что на том самом месте в синагоге в свое время сидел и молился рабби Яков-Йосеф.

Будучи приверженцем лурианской каббалы, предписывающей истязание плоти, рабби Яков-Йосеф проводил много времени в постах, вопреки тому, что хасидизм не признает подобной практики. Он постился каждый день до захода солнца, а раз в месяц не притрагивался к пище целую неделю. Он считал, что материя и дух несовместимы, и одна живет за счет другого. Поэтому его кредо гласило: «Желающий жить да умрет. Пост и аскеза – залог жизни в этом и будущем мире». Тогда он еще не проникся одной из основополагающих идей хасидизма и не признавал, что тело и душа могут жить в гармонии, дополняя друг друга и используя материю в служении Г-споду.

Бааль-Шем-Тов резко порицал ученика за аскетизм и послал ему письмо следующего содержания:

Предполагаемый (по мнению современных исследователей, ошибочно) портрет Бааль-Шем-Това. Гравюра.

Возлюбленному моему, любимцу души моей, великому светочу, горы сворачивающему, венцу поколения, известному своим благочестием, совершенству мудрости, творящему необычайное, человеку, который ближе сердцу моему, чем брат родной, господину Йосефу а-коену.

Получив твое письмо, я увидел в первых строках, что ты считаешь, будто обязан поститься, и воспротивилась душа моя, прочтя слова эти. Заклинаю тебя ангелами небесными и именем Пресвятого, дабы не вводил ты себя в сию опасность. Ведь все это – от грусти и меланхолии, а Б-жественное присутствие снисходит не посредством печали, а лишь посредством радости исполнения заповедей, как я уже неоднократно тебе говорил, и да пребудут слова мои на сердце твоём.

А насчет мыслей, приводящих тебя к такому состоянию, дам совет, и да пребудет Всевышний с тобою, муж доблестный: каждое утро в час учебы прильни к буквам Торы в служении Творцу, да будет благословен Он и имя Его, и тогда силы суда будут «исправлены» в корне своем, и ослабят свои оковы, наложенные на тебя. А «от тела своего не отказывайся», не дай Б-г поститься больше, чем это положено и потребно. И

если послушаешься голоса моего, пребудет с тобою Всевышний. Здесь я заканчиваю и прощаюсь. Израэль Бешт.

Судя по письму, рабби Яков-Йосеф не был уверен в правильности своего поведения и искал совета. С одной стороны, собственная привычка и влияние наследия рабби Ицхака Лурии, с другой – Бешт и хасидизм. Выразив свои сомнения в письме к Бааль-Шему, он получил ясный и однозначный ответ, который, несомненно, повлиял на него в пользу хасидского подхода.

Со временем он во всем начал следовать Бешту. Учитель, со своей стороны, сознавал величие ученика и понимал, как много тот может дать хасидскому движению. Когда рабби Яков-Йосеф решил перебраться в Страну Израиля, Бешт отговорил его, рассчитывая на помощь в распространении своих идей. Вот отзыв о нем Бешта в письме шурина, рабби Аврааму-Гершону из Кут: «Деяния его желанны Всевышнему, и все его действия подчинены Б-жественной воле». Предание гласит, что Бешт как-то сказал: «Владыка мира! Не за свои деяния буду я просить у Тебя удела в будущем мире, а за то, что я дал Тебе такого Йоселе!» Даже рабби Борух из Меджибожа, который, как известно, резко высказывался почти обо всех цадиках, с похвалой пишет: «Известно мне, что раввину из Полонного являлся магид (вещающий ангел), который обучал его, но мой дед Бешт распознал, что этот магид не из тех, что сказывают истину. Он изгнал того магида и дал ему взамен другого, истинного». А Магид из Межирича, рабби Дов-Бер, друг рабби Якова-Йосефа, пишет, что к тому приходил сам пророк Элияу, и даже более глубокие ступени откровения были явлены ему. Из всего вышесказанного мы можем понять, как уважали и ценили рабби Якова-Йосефа учитель и друзья.

Торопись на шабат. Автор неизвестен.

2.

Седьмого числа месяца сиван 5520 (1760) года умер основатель хасидизма рабби Израэль Бааль-Шем-Тов. Его сын, рабби Гирш^[2], не обладал качествами,

требуемыми для того, чтобы занять место отца. Тогда последователи Бешта выбрали из своей среды Магида – рабби Дов-Бера из Межирича. Старейший из учеников, рабби Яков-Йосеф был обойден, так как по складу характера являлся скорее ученым и не обладал талантом вести за собой массы. Кроме того, его отличало еще одно неподходящее качество: суровость и нетерпимость; его раздражала каждая мелочь, идущая вразрез с его намерениями. Людская молва сохранила такой портрет: гневное выражение лица, строгий взгляд, брошенный из-под густых, низко нависающих бровей, обращал в бегство всякого, кто его удостаивался. Молодому движению, которое хотело разрушить крепость старого раввинизма и на его месте возвести новое здание хасидизма, требовался лидер, наделенный харизмой и могущий силой слова привлекать сторонников. Таким человеком оказался рабби Дов-Бер, и его резиденция в Межириче отныне стала для хасидов местом паломничества. Вначале рабби Якова-Йосефа глубоко оскорблял такой поворот вещей, и он часто возмущался прилюдно, но вскоре, посетив Межирич, смирился и сказал: «Я вижу, что после смерти Бешта Шхина взяла свою котомку и, покинув Меджибож, решила осесть в Межириче».

С тех пор он забыл всякую неприязнь к Магиду и стал его близким другом. Оба почувствовали, что, именно объединив усилия, они смогут укрепить хасидизм и превратить его в истинно народное и развивающееся движение. Они положили воплотить в жизнь известное утверждение Бешта, которое, как тот сообщал в письме рабби Аврааму-Гершону из Кут, было услышано им от самого Машиаха. «Поднявшись на небеса», Бешт задал Машиаху вопрос: «Когда же Господин явится?» В ответ прозвучало: «Когда разольются источники твои повсюду!» Этот девиз, в котором отразилась надежда на избавление еврейского народа и был намечен путь к осуществлению всех его чаяний, друзья воплощали каждый по-своему. И если рабби Дов-Бер использовал свой ораторский дар, зажигая сердца проповедями, то орудием рабби Якова-Йосефа стал литературный талант. Он записывал поучения Бешта, стараясь не упустить ни буквы, ни мысли из слов учителя, и давал к ним четкие, доступные пояснения, раскрывая и расширяя тему. Вскоре его признали наиболее квалифицированным знатоком учения и идей Бааль-Шем-Това, и многие обращались к нему с просьбой истолковать или прояснить те или иные положения хасидской мысли. Предание, восходящее к одному из учеников Межиричского магида, рабби Ейве, гласит: «Когда он [рабби Яков-Йосеф] толковал слова Бешта, уста его были подобны факелу и вокруг бушевал огонь. Тело его воспаряло над кроватью на высоту нескольких ладоней, и вещал он так, как Моше на горе Синай, а вокруг сияли молнии и грохотал гром». В ряде случаев он предпочитал не объяснять слова учителя, а просто отвечал: «Так слышал я из уст учителя моего слово в слово, и книга – не место это пояснять» – или цитировал стих Писания (Мишлей, 25:2): «Слава Всевышнего – скрывать дело». С целью разъяснения хасидских идей он, помимо слов Бешта, использовал в своих трудах цитаты из классических еврейских книг: «Море невухим»^[3], «Ховот а-левавот»^[4], «Мивхар пениним»^[5], «Сефер а-икарим»^[6], «А-Акеда»^[7], «Хесед ле-Авраам»^[8], «Олелот Эфраим»^[9], труды Рашаля^[10], Альшейха^[11], рабби Ицхака Лурии, рабби Хаима Виталя и Маарама Шифа. В качестве авторитетов упоминались также мудрецы последних поколений: Моариль Гусятнер, Моаран из Косиора, Моаран из Городка, рабби Менахем из Бер, рабби Шабтай из Рашкова и т. д. Его сочинения изобиловали также притчами и афоризмами.

В 1770 году в Полонном умер раввин Йеуда-Лейб, прозванный Обличителем, и рабби Якову-Йосефу предложили занять его место. Он с радостью согласился, поскольку городок находился недалеко от основных центров хасидизма на Волини и Подолье. Однако еще один хасидский раввин претендовал на эту вакансию – рабби Яков-Йосеф, по прозвищу Реб Ейва, из Острога. Легенда гласит, что Бешт явился к рабби Ейве во сне и сообщил, будто на Небесах решено, что в раввинском кресле Обличителя воссядет Яков-

Йосеф. Спящий возразил и напомнил, что именно так его и зовут, однако Бешт ответил, что правильный Яков-Йосеф должен быть коеном, и тем самым все сомнения разрешились. С тех пор и до наших дней имя рабби Якова-Йосефа прочно связано с Полонным. Там он целиком сосредоточился на хасидизме и каббале и приобрел имя столь достославное, что даже великий сефардский мистик, прежде считавший каббалу своей вотчиной, обратился к нему с письменной просьбой разрешить некий сложный вопрос.

Так и работали два друга над распространением идей Бешта: один сидел, затворившись в комнате, собирал материалы, корпел над источниками, составляя первые книги по хасидизму, другой ораторствовал перед массаами, рассылал посланников во все концы земли, собирал приверженцев, неся в мир новый свет. Но недолго длились спокойные дни – из Вильны, столицы литовского еврейства, главной обители раввинизма, на хасидов двинулась гроза. Хасидизм, который превознес сердце над разумом и предпочел мысль действию, встретил жестокий отпор со стороны раввинов Литвы, специализировавшихся в логических упражнениях над Талмудом и выводивших целые алахические кодексы из каждой буквы Писания. Восьмого дня месяца нисан 5532 (1772) года во всех синагогах был оглашен херем: хасидизм и его последователей публично предали анафеме. Этот акт отлучения хасидов был санкционирован высшими раввинскими судьями Вильны во главе с Виленским гаоном. В большой виленской синагоге зажгли тысячи свечей и под трубный звук шофара зачитали во всеуслышание слова херема, а списки с него разослали по всем крупным городам Литвы. С тех пор для хасидов настали черные дни гонений и унижений, но рабби Яков-Йосеф упомянул о тех событиях более чем лаконично: «Случилось в среде служителей Г-спода, когда страдали именно те, кто наиболее предан Б-гу».

Молодое движение оказалось в бедственном положении – не успев окрепнуть, оно подверглось остракизму. Вскоре после оглашения херема, 19 кислева 5573 (1773) года, умер рабби Дов-Бер, Межиричский магид, и хасиды лишились талантливого руководителя, наследника Бешта, сумевшего увлечь новым учением тысячи евреев. Противники хасидизма увидели в этой смерти знак Б-жий и признание правильности своих претензий к хасидизму, на их улицах царил праздник и веселье, а среди хасидов – грусть и уныние.

Митнагеды хорошо знали рабби Дов-Бера, но рабби Яков-Йосеф был известен лишь немногим. Они и не подозревали, что, закрывшись у себя дома, один из хасидов втайне готовит страшное оружие, которое, начав разить, превратит гонителей в гонимых, и свершится возмездие. Мы уже говорили: ораторский талант не был сильной стороной рабби из Полонного, но даром письменного слова он был наделен в высшей степени и смог использовать свои способности для спасения хасидизма от разгрома. Он нанес хулителям ответный удар и стал основоположником хасидской литературы.

Меламед и уснувший ученик.

Александр-Йосеф Камински.

3.

Говорят, чтобы построить храм, надо разрушить прежний. Рабби Яков-Йосеф выразил ту же мысль такими словами: «Хороший врач, желая полностью излечить больного, сначала должен вскрыть раны и язвы, и лишь потом начинать лечение. То же касается наставления человека на путь истинный: кто хочет исполнить заповедь «возлюби ближнего своего», должен вскрыть язвы грехов его, а лишь тогда тот излечится». Он и сам действовал по этой схеме – прежде чем вести народ дорогой бештовского хасидизма и исправлять деяния поколения, начал «вскрывать раны», разрушая старый храм, от которого не оставил камня на камне, развенчивая кумиров и не взирая на лица. Со скрупулезностью хирурга он «разобрал по косточкам» всех авторитетов последнего поколения и всех вождей предыдущих времен и не забыл никого: ни раввинов, ни проповедников, ни меламедов, ни канторов, ни старост. С сокрушением он писал: «Глаза наши видят раввинов и знатных представителей общин, про деяния которых даже писать стыдно». Одной из основных бед поколения он считал «чрезмерное обилие предводителей»: каждый хочет называться «главой» и указывать путь.

Он рисует общую картину, в которой критически отражает нравы раввинов того времени: «Эти раввины – “молодые лисы, портящие виноградники” (Шир а-ширим, 2:15), они работают ради наживы и подобны незрелым юнцам. <...> Поначалу они ходили по деревням, чтобы наблюдать [за исполнением Закона] и помогать людям; они разрешали себе брать подношения за потраченное время и потерю возможности найти постоянную работу. Теперь же, когда поколение измельчало и опустилось, пользы от них никакой, а в деревнях они появляются только с целью собрать подарки». Все, что их интересует, это талмудические баталии и деньги, «язвят друг друга жалами языков своих, дабы показать остроту ума и доказать, что они умнее прочих», каждый кичится собой и заявляет: «Я главнее и мудрее». Раввины «обхаживают богатых, и те потеряли всякое уважение к учености». С горькой иронией рабби Яков-Йосеф пишет, что «когда-то мудрецы, изучая Тору и выполняя заповеди, приближались к Б-гу. Если им и приходилось вещать перед толпой, перед простолюдными, духовная дистанция между ними была подобна расстоянию между западом и востоком, оттого им приходилось снимать с себя одеяние святости и облачаться в одежды простые и низкие, дабы иметь хоть что-либо общее со слушателями... И лишь посредством этих мирских одеяний они могли установить связь с народом, толковать людям Тору, законы и наставления, а слова их находили отклик в сердцах, и люди приближались к Б-гу. Так было прежде, но в наших поколениях всего этого не требуется: у них [раввинов] и так слишком много общего с простым людом».

Принятый в раввинизме стиль изучения Торы тоже вызывал его нарекания. Он ценил и почитал исключительно духовность, говоря что «душа, заключенная в буквах, является связующей силой [между духовным и материальным миром], это есть чистый, девственный свет, вглядываться в который нам строго запрещено, дано только знать о нем и верить в его существование». Он говорил: «Суть Торы не в процессе учения как таковом, а в том, чтобы посредством Торы прильнуть к Его великому и святому Имени, что и является основной целью всего сущего». Изучение Торы должно вестись «в трепете и любви, ради славы Его», но «если учащийся намерен лишь прославиться и возвеличиться с помощью Торы, она станет причиной его падения». Разумеется, он был против казуистики пильпуля, господствовавшего в раввинизме способа изучения Талмуда путем хитроумных логических построений, и против хилуким, принятого в те времена поиска тончайших нюансов в законах. «Среди раввинов распространилась язва, – жалуется рабби Яков-Йосеф, – во время самых важных проповедей в году, в Шабат а-гадоль (субботу перед праздником Песах) и в Шабат шува (субботу между Новолетием и Судным Днем), вместо того, чтобы показать народу, как можно усовершенствовать служение Б-гу, они занимаются отвлеченными рассуждениями и толкованиями с целью продемонстрировать остроту собственного ума и широту своих познаний». С иронией он толкует стих Торы (Шмот, 6:12) «ведь сыны Израиля не слушали меня»: «Изучающие Тору не слушали меня, когда я призывал их очистить помыслы свои. Школяры чем больше учатся, тем выше становятся в глазах своих, считая, что они выучили все, что требуется, хасиды же чем больше учатся, тем становятся скромнее».

Описывая современных ему меламедов (т. е. учителей первых лет обучения), он и тут не скупится на критику: «Чем целый год потеть, работая с учениками, им легче потрудиться несколько недель над тем, чтобы понравиться родителям мальчиков, тогда весь год можно особо не стараться».

Рабби Яков-Йосеф находит изъяны во всех еврейских представителях эпохи. В общих чертах он рисует такую картину поколения: «мудрецы и люди Б-гобоязненные, называвшиеся “главой общества”, оказались внизу; мудрость книжников прогнила, а Б-гобоязненные презираемы, юнцы обижают стариков, а неотесанное простонародье правит, опираясь на силу мошны». С теми, кто ищет чистоты и праведности, вечно воюют. Никто не может противостоять падению нравов; нет человека, занимающегося спасением поколения, всюду мерзость, а в молитве, основе служения, небрежение особенно значительно: «Все авторитеты на протяжении поколений писали, что шлиах цибур (кантор, ведущий молитву) должен быть лучшим представителем общества, а сейчас выбирают худших. <...> Пока кантор выводит мелодии, все остальные болтают о пустом, прерывая молитву в местах, где это запрещено, и тем причиняют вред его душе и своей». Уже по этим отдельным высказываниям мы видим, насколько презирал рабби Яков-Йосеф порядки, принятые в том поколении и публично порицаемых им предводителей народа.

יְאֹדָאֵן אֵינְיָא דְאֵינְיָא דְאֵינְיָא אֲדֵי אֲדֵי

יְדֵי אֵינְיָא דְאֵינְיָא דְאֵינְיָא

^[1] Как известно, одним из поводов к русско-турецкой войне 1735–1739 годов послужили набег крымских татар на Украину, которые периодически продолжались и после окончания войны.

^[2] О сыне Бешта, Цви Гирше, почти ничего не известно, и потомки основателя хасидизма ведут родословие от его дочери Адели: ее сыновья, рабби Моше-Хаим-Эфраим из Судилкова и рабби Борух из Меджибожа, а также ее внук, рабби Нахман из Брацлава, создали самостоятельные школы хасидизма.

^[3] «Море невухим» – философский трактат Рамбама.

^[4] «Ховот а-леавот» – первый известный еврейский труд по этике, автор – рабби Бахья ибн Пакуда (1050–1120).

^[5] «Мивхар пениним» – этический трактат, перевод с арабского, приписывается Шломо ибн Гвирилю (1021–1058).

^[6] «Сефер а-икарим» – философский трактат об основах веры рабби Йосефа Альбо (1380–1444).

^[7] «А-Акеда» – пространный философский комментарий на фрагменты из Торы рабби Ицхака Араме (1420–1494).

^[8] «Хесед ле-Авраам» – каббалистический труд, комментарий на книгу «Зоар», автор – рабби Авраам Азулай (1570–1644).

^[9] «Олелот Эфраим» – сборник проповедей рабби Эфраима-Шломо Лунчица (1550–1619), автора книги «Кли якар».

^[10] Рашаль, или Маарашаль, – рабби Шломо бен Йехиэль Лурия (1510–1573), один из поским, комментатор Талмуда и каббалист.

^[11] Рабби Моше Альшейх (1508–1600?) – мистик, философ, его комментарий к Торе уделяет большое внимание основам этики и воспитания

В ОКРЕСТНОСТЯХ ХАИМГРАДА

Èëÿ Èàðí áí èí

Путешествуя по Татарии, мы решили навестить ее соседку Удмуртию. Исполдволь открыли нам свою интереснейшую судьбу старинные города Сарапул и Воткинск, многообразием современной жизни порадовала оружейная цитадель России – Ижевск. Удмуртия – лесное царство, раскинувшееся между Уралом и Татарией, «связующее звено» между уральской промышленностью и волжским судоходством и торговлей, край оружейников и купцов, изобильной природы и щедрых людей.

В этом году Удмуртская Республика празднует юбилей – 450 лет присоединения к России. Как говорят здесь на официально-суконном, «добровольного вхождения». На самом деле акт этот был скорее вынужденный: когда Иван Грозный в 1552-м взял Казань, удмурты первыми из числа нетатарских народов Казанского ханства «били челом» суровому царю. Завершилось принятие удмуртов в российское подданство в 1558 году.

Этот исторический «катаклизм» поэтически осмыслил современный местный историк Алексей Шепталин в одной из строф, в народе именуемых «шепталинками»:

Í àðíààì ì ìíàèì ì ðèðíàèèííí èí÷ààòü

Èèçíüíà ÷àèèíá – íàò ìá:àèüí àé

ìíàíðè.

Óàì óòü ðíàèí ó íá ðòàèè ìíèèààòü

Í ðè÷èá – óèííí-óðíóçáí üÿ ðíàíðè...

СЕЛО ИЖЕВО

Столица республики тоже готовится к юбилею: вскоре городу исполнится 250 лет. По сути, история Ижевска есть история Ижевского завода. Или, как его еще называли, «села Ижева», стоящего на реке Иж.

Датой основания города считается 10 апреля 1760 года – день, когда начали строить плотину ижевского пруда. Ведь без плотины не было бы завода, а без завода – города, который со временем стал самым крупным поселением в Вятской губернии: в начале XX века по числу жителей он превосходил близлежащие губернские города!

Очень непростые тут сложились родственные связи... Местные поэты называют Ижевск «сыном Урала». А «отцом» города почему-то – горного инженера Андрея Дерябина. Именно он в 1807 году начал на базе железоделательного строительство оружейного завода, который превратился со временем в город и столицу края.

История Ижевска и вправду необычна. Заслуживают описания темпы развития «села Ижева», его влияние на жизнь региона, изменение местного экономического, социального и культурного «ландшафта». А кроме того, этнографической ситуации – массового притока на Ижевский завод людей самых разных национальностей и религий: лютеран, иудеев, католиков; обитателей местных краев – удмуртов, чувашей, татар...

ЕВРЕИ-ОРУЖЕЙНИКИ

История евреев Удмуртии начинается с николаевских кантонистов и, за нечастыми исключениями, весьма драматична.

Историк, профессор УдГУ Евгений Шумилов считает, что впервые евреев-рекрутов прислали в Ижевск, судя по всему, в начале 1830-х, а закончились такие акции в 1844 году. В целом же крепостной труд (кантонистов, мастеровых, приписных крестьян) использовался на Ижевском заводе дольше, чем где-либо в России, – до 1866 года!

Шумилов полагает: по сравнению с представителями других национальностей еврей-кантонисты в Ижевске «единственные подвергались дискриминации по “этнографическим” признакам. Запрещались специфические еврейские одежды, прически и обычаи».

Император Николай I повелеть соизволил: военным-евреям позволить иметь при себе жен и детей их, но с тем, чтоб они еврейские одежды не носили, а имели бы обыкновенное немецкое платье.

(Инспектор оружейных заводов России –

командиру Ижевского завода

генерал-лейтенанту И.А. Нератову

30 октября 1834 г.)

По данным архивов, в 1846 году здесь проживали 56 человек «еврейского закона». Для сравнения: лютеран было 62, католиков – 43. Всего же на Ижевском заводе в ту пору жили 18 177 человек.

В 1849-м в двух ротах (12-й и 13-й), ответственных за охрану Ижевского завода, состояли на службе 130 евреев. В 1853 году в 12-й роте числились 73 рядовых-иудея (плюс шесть принявших крещение), 72 крещеных полковых ученика и один крещеный унтер-офицер; жен их и детей – 31 человек. В 13-й роте – 61 рядовой-иудей (плюс девять крещеных), два музыканта-иудея, два полковых ученика-иудея (плюс 44 крещеных), жен и детей их – 30.

По этим цифрам можно представить себе и масштабы крещения среди кантонистов – как правило, насильственного.

Подверглись дискриминации и еврейские жены. 17 декабря 1852 года командир завода генерал-майор Кнуст издал приказ, «дублирующий» указ царский – «о запрещении женщинам-еврейкам брить головы при вступлении в брак».

Перед революцией 1917 года и после нее социальный состав и профессиональные интересы ижевских евреев изменились. В 1930–1940-х годах из них в основном состояла инженерная элита завода, а среди охранников евреев уже не было.

Евгений Шумилов рассказывает о выдающихся евреях-оружейниках, славно потрудившихся на благо Ижевска и всей страны: Абраме Быховском, в 1930-х – директоре Ижевского завода, Герое СоцТруда; Соломоне Гиндинсоне – главном инженере завода, лауреате Сталинской премии (благодаря его разработкам ижевцы смогли вооружать в день по целой дивизии!); Абраме Фишере, в 1947-м сменившем его на посту главного инженера, также лауреате Сталинской премии.

«ДОМ ДЛЯ ОЗНАЧЕННОГО ПРЕДМЕТА...»

Галина Земцова, директор архива Кировской области (бывшей Вятской губернии), рассказывает:

– В архивном фонде канцелярии вятского губернатора имеется «Статистическое описание Ижевского оружейного завода», составленное командиром Ижевского оружейного завода генерал-майором Кнустом 9 октября 1851 года, где в числе «деревянных казенных строений» значится «Еврейская синагога».

Таким образом, синагога в Ижевске существовала уже в середине XIX века. Располагалась она в бывшем доме Фридриха Дорнбуша, переданном еврейской религиозной общине в 1849 году. Каким же образом дом немца Дорнбуша, коллежского регистратора, помощника главного оружейного мастера, стал синагогой?

Ответ находим в рапорте командира завода Кнуста, поданном инспектору оружейных заводов Станичу в ноябре 1849-го. В документе говорится, что в подвижных инвалидных 12-й и 13-й ротах «в настоящее время находятся на службе 130 человек нижних чинов из евреев. При назначении им места для совершения богослужения встречается здесь крайнее затруднение <...> Посему я, имея в виду, что на обязанность мою возложено между прочим и доставление лицам иноверческого исповедания всех средств для выполнения обрядов их религии, старался отыскать удобное для помещения синагоги место с возможным сокращением необходимых для сего казенных издержек», – пишет Кнуст.

Таким местом и стал дом Дорнбуша. Согласно рапорту архитектора Ижевского завода Коковихина от 26 ноября 1849 года, «дом этот для означенного предмета оказался весьма удобен», в нем «могут для богомолья поместиться 150 нижних чинов из евреев, и кроме того остаются свободными кухня, сени и кладовая».

Судьба ижевской синагоги драматична. В мае 1923 года еврейские граждане Ижевска подписали договор с новыми властями о том, что приняли «в бессрочное, бесплатное пользование находящийся в гор. Ижевске по Нижнеузенькому проулку дом Еврейской синагоги».

Они обязались пользоваться им «исключительно для удовлетворения религиозных потребностей». А также не допускать там политических собраний, продажи листовок, произнесения проповедей и речей, «враждебных Советской власти и ее отдельным представителям». Кроме того, обязались не совершать «набатных тревог для созыва населения в целях возбуждения его против Советской власти», а посему исполнять приказы «относительно распорядка пользования колоколами».

На все согласились бедные ижевские евреи, чтобы оставили им синагогу! Даже отказались пользоваться колоколами, коих не было и быть не могло...

Старостой синагоги был Моисей Ашбель, шамесом – его сын, кондитер Арон Ашбель. Обязанности раввина исполнял Абрам Кремер, торговец галантереей.

Однако никакая лояльность не помогла. В 1930 году горсовет обратил внимание «на наличие в Ижевске 2-х вполне годных для жилья зданий, занимаемых не по назначению религиозными обществами евангельских христиан и еврейским».

Договор с властями был расторгнут, и согласно акту от 3 марта 1930 года дом по Узенькому переулку под № 22 был передан Горместхозу, и в здании Еврейского религиозного общества разместилась школа трудновоспитуемых детей...

Вторая ижевская синагога открылась весной 1917 года в Верхнем Узеньком переулке, между улицами Церковной и Госпитальной (ныне – Вадима Сивкова и Красноармейская). Но в 1927-м большевики решили, что иудеям достаточно одной. Ее же судьба нам уже известна.

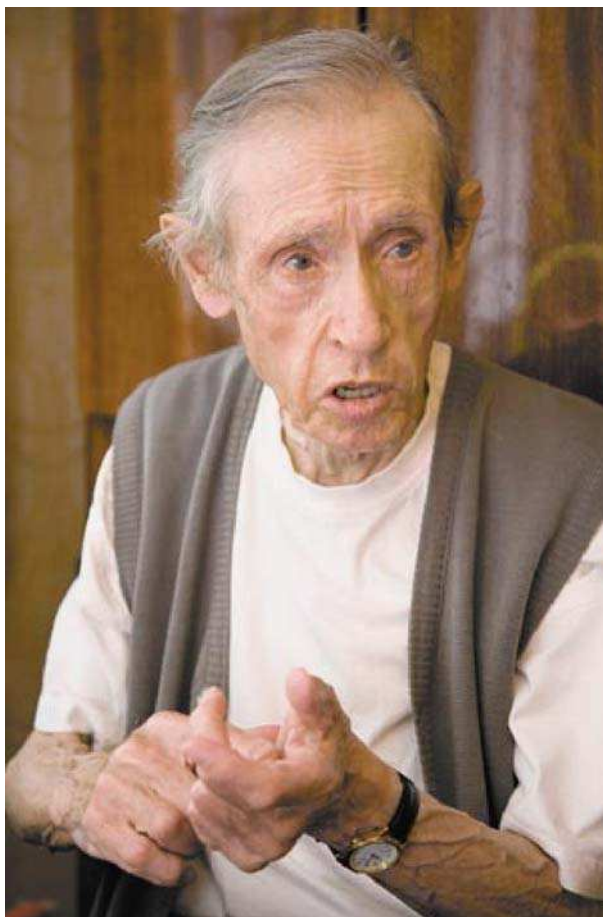
...Во время войны в ходе эвакуации в Ижевске оказались несколько тысяч евреев. Часть из них позднее так и осталась в столице оружейников: многим было просто некуда возвращаться.

Собирались верующие тайно в частных домах. Чаще всего местом для «подпольного» миньяна служил дом Питнера, эвакуированного из Польши еврея, который работал фотографом в своем маленьком ателье на Сенном рынке. В Ижевск он попал во время войны – был ранен и отправлен в тыл, в здешний госпиталь. В Западной Белоруссии фашисты уничтожили всю его семью: жену и пятерых детей... Старики говорят, что Питнер был для них как ребе, а его дом недалеко от рынка – как синагога.

РОЖДЕННЫЙ В БЕРЛИНЕ

Живет в Ижевске человек, в семейном архиве которого есть такое письмо:

Поделившись с нами воспоминаниями <...>, Вы дали целым поколениям возможность ощутить свою личную связь с историей. <...> В далеком будущем люди <...> будут слушать и учиться и всегда помнить о прошлом. Спасибо за <...> Ваше мужество, за Вашу душевную щедрость. С глубоким уважением, Стивен Спилберг.

С. Гринбаум.

Самуил Гринбаум – воплощенная память о Холокосте. И хотя ему уже 82, он помнит все, словно это было вчера: приход фашистов к власти, начало второй мировой, оккупацию Польши и многое другое...

В детстве его звали Зами. Они с папой Малехом, мамой Песлой и младшим братом Давидом жили в небольшой съемной квартирке в самом центре Берлина, рядом с Александерплац. Папа шил, мама вела дом, Зами ходил в школу. Обычная школа на Кайзерштрассе, но учились там только евреи, и учили их тоже евреи: «От немецких наша школа отличалась тем, что мы изучали Тору, иврит, читали сидур», – вспоминает Самуил Малехович.

Когда Зами было шесть лет, к власти пришел Гитлер: «Накануне выборов 30 января гитлеровцы в коричневых рубашках дубинками разгоняли выборщиков из других партий. На улицах появились эсэсовцы. Если видели еврея с бородой, могли поймать, ударить, отрезать бороду».

Позже он часто вспоминал бабушкины слова:

– Когда Гитлер взял власть, она сказала: «Пришел Аман, наступило черное время для евреев».

А потом началось:

– В 1934-м появился гитлерюгенд. Они маршировали по улицам в форме и пели песни о том, что евреев нужно вешать на телеграфных столбах. Везде висели большие

плакаты: «Евреи – наше несчастье! Нужно избавиться от евреев!» Позже, в 1938–1939 годах в парках появились объявления «Вход для евреев и собак запрещен».

Самуил Малехович помнит, как лет семи в первый раз пошел с отцом в синагогу. Это было роскошное здание на Ораниенбургерштрассе, с куполом, органом, хором и замечательным кантором. А через пять лет синагогу разграбили и подожгли. «В ноябре 1938-го по всей Германии прошли погромы – “Хрустальная ночь”. Громили еврейские магазины, били стекла, витрины. Мы жили на втором этаже, к нам прибежали родители отца, сидели все вместе. А когда они пришли в подвал, где у них была лавочка, там все было перевернуто, разбито, поломано...»

Родители Зами были родом из тогдашней Австро-Венгрии. Папа – из маленького городка Синява, мама – из Перемышля. Однажды осенней ночью 1938 года пришли из полиции и забрали отца: «Сказали взять белье и пищи на два дня. Мама побежала и узнала: забрали всех евреев-мужчин, которые были родом не отсюда – дедушку, дядю...»

Несколько десятков тысяч евреев посадили в вагоны, вывезли на границу Германии и Польши и там оставили: «Сутки евреи стояли под открытым небом, немцы стреляли в воздух, пугали, но поляки евреев к себе не пускали – говорили, у них самих безработица. Отец рассказывал, что из Берлина брали только мужчин, а из других городов – и женщин, и маленьких детей. А уже наступила осень, было холодно».

Под давлением Англии и Франции поляки все-таки разрешили временное поселение – в пограничной полосе создали лагерь для еврейских беженцев.

В марте 1939 года Зами исполнилось 13 лет – бар мицва, совершеннолетие. Он помнит, как читал молитвы, как ему подарили первые в жизни наручные часы. «А в мае мы уехали в Польшу к отцу. Польский пограничник отобрал новый костюм, который мы везли папе. Жили на границе, в лагере».

Германию Самуил покинул навсегда. Но с немцами еще довелось встретиться. В сентябре 1939-го началась вторая мировая. Гринбаумы жили тогда в польском Ярославле на реке Сан, у тракта на Львов: «Поляки, взорвав мост, ушли, а мы оказались прямо на линии фронта. Помню страшные ночи – город горел, нас бомбили, стреляли пулеметы, над головой летали немецкие самолеты...»

И вдруг в конце сентября немцы пошли назад. Семья оказалась на территории СССР, они уехали в город Рава-Руска, потом во Львов: «Жили в какой-то школе, еду брали у военных в полевых кухнях». В конце 1939 года в городе появились вербовщики, предложили ехать на Урал: «Я очень боялся немцев, поэтому уговорил родителей ехать».

В январе 1940-го оказались в Челябинской области, в Нижнем Тагиле. Тридцать градусов мороза и горы снега! Жили в бараке. Самуил работал на руднике, потом – на танковом заводе, резал металл. Как все, целый день – с восьми утра до восьми вечера. В 15 лет! Там, в Тагиле, их застал день 22 июня 1941-го:

– Было страшно. Мы видели фашизм своими глазами. Немцы были врагами евреев, мы от них бежали. А Советский Союз нас приютил. Я хорошо запомнил ту горечь, когда началась война, и радость, когда она кончилась... Бабушки с дедушками, дяди и тети, их семьи и дети остались в Польше – их всех уничтожили. А мы благодаря тому, что уехали, остались живы.

В 1943 году в Нижнем Тагиле умер отец. В 1944-м у Самуила обнаружили дистрофию и с танкового завода отпустили. Спас его... цирк! Самуил начал работать униформистом, потом администратором. Люди оказались очень хорошие, была еда, там наш герой и жил: «Ведь цирк – организация очень интернациональная».

В 1946 году мать с братом решили вернуться в Польшу: «А я Польшу очень не полюбил. Да и цирк стал мне родным домом. Поэтому я остался в России...»

В 1949 году Самуила пригласили работать в Ижевск. Тут он женился, родились две дочери. Стал сначала заместителем директора, а потом и директором Ижевского цирка. В этой должности проработал 25 лет.

Самуил Гринбаум показывает семейный альбом. Вот он рядом... с тигром. Тигр, кажется, улыбается. Гринбаум серьезен. «Это празднование моего юбилея, мне 80 лет».

В 2003 году в Ижевске возвели новое здание цирка. Гринбаум сначала его строил, а теперь работает там консультантом: «В новом цирке я пятый сезон. Это большая поддержка, и моральная, и финансовая. Но главное – я нужен!»

СКАЗКА О ЗОЛОТОЙ РЫБКЕ

Из удмуртской столицы мы направляемся в занесенный тополиным пухом старинный город Сарапул – старейший в Прикамье, упоминаемый в источниках XVI века. Речка Сарапулка впадает в Каму к югу от этих мест. Полагали, что название речки и близлежащей местности произошло от слова «сарапуть», по-чувашски – «желтая рыба». Алексей Шепталин считает: не желтая, а «яркая (красивая, золотая) рыба!» От болгарского «сарпула» – «красивая рыба». Или же от аналогичного тюркского слова, означающего «золотая монета (чешуя)».

Но в любом случае речь, видимо, идет о стерляди – рыбе, которую в старину звали сарапутью. И которая в изобилии водилась в Каме у села Вознесенского – предшественника города Сарапула. Стерлядь называли «царской рыбой» – считалось, вкуснее стерляжьей ухи ничего нет.

Долгое время Сарапул был центром всего Прикамского края. В 1797 году, с образованием Вятской губернии, стал одним из ее уездных городов. А в XIX веке, особенно со второй его половины, с развитием судоходства, – крупным ремесленным и торговым центром.

Кантонисты в Сарапуле не квартировали, но первые евреи появились в уезде, видимо, еще в начале XIX века. А оставаться на постоянное жительство приезжие переселенцы, в основном торговцы и ростовщики, стали с 1870-х. Со временем на Базарной площади появилась большая группа лабазов, именуемых «еврейскими рядами».

Согласно переписи 1897 года, в Сарапульском уезде проживали 546 иудеев, из них 221 – в самом городе. Если сравнить их количество на тот момент в разных уездах Вятской губернии (Малмыжском и Орловском – по одному иудею, в самой Вятке – 183), то Сарапул оказывался самым еврейским в Вятской губернии. Недаром его называли Хаимградом!

С середины XIX века в Сарапуле формировался достаточно влиятельный слой адвокатов, страховых агентов, журналистов из числа евреев. Здесь жили еврей-ювелиры, музыканты, преподаватели. И конечно же, такие известные люди, как дантист Голяндский, владелец магазинов Гольденберг, хозяин земской аптеки Францевич и уже знакомый нам Давид Ушеренко (см.: Лехаим, 2008, № 8).

Давид Ушеренко-младший рассказывает о деде:

– В 1863 году в составе батальона он был направлен на охрану Ижевского оружейного завода. Там он сосватал бабушку Геню-Рохл, когда той было 14 лет. Жалованье у деда было приличное (старшина-артиллерист получал так же, как пехотный полковник), вот и накопил капитал. Построил швейную фабрику, вел торговлю от Сарапула до Иркутска. Стал купцом I гильдии. Имел магазины в Ижевске, Казани, Томске. Потом перебрался в Сарапул.

Лет 30 назад Давид-младший с отцом Яковом побывали в Сарапуле, осмотрели здания, которыми владел дед, – фабрику, торговый дом... Примечательно, что в семье, где было, кстати, десять детей, трудились все. Летом ездили на покосы, зимой вывозили снег.

Строить фабрику Ушеренко решили в 1908-м. Время было тревожное, пахло войной. Меньше чем через год уже начали выпускать сапоги:

– Отец рассказывал, что треть российской армии носила сапоги, где на отворотах был маген Давид и клеймо «Ушеренко и сыновья». Когда началась первая мировая, сапоги для армии он отгружал баржами, отправлял по Каме и Волге.

Дед Давид умер в конце 1909-го. Каждому сыну он дал по 30 тыс. золотых рублей, а дочерям – по 10 тыс. Бабушка Геня-Рохл умерла в 1924 году...

Иудейская община в Сарапуле была зарегистрирована в 1888 году и стала первым неправославным религиозным объединением в городе. До революции она была значительно богаче ижевской. Раз в три года избирались раввин, староста и казначей.

В 1905–1910 годах сарапульским раввином был Нисон Блюмштейн. Впоследствии обязанности раввина исполнял врач-дантист Голяндский. С 1915 по 1926 год Еврейский молитвенный дом располагался во флигеле по адресу: Рождественская, 38 (позже – улица Карла Маркса). Здесь же работали еврейская школа и библиотека. Дом этот, увы, не сохранился.

Еврейское кладбище находилось в конце Мещанской улицы (впоследствии – Пролетарской), там, где ныне парк имени Ленина.

В 1923 году по представлению старосты Еврейского молитвенного дома Моисея Дубровского в Сарапульском окрисполкоме было зарегистрировано религиозное общество, утвержден его устав. В исполнительный комитет входили Абрам Шнеер, Яков Гертман, Борис Красик, Михаил Ильмер, Самуил Данишевский. Членами еврейского религиозного общества стали 60 человек в возрасте от 21 до 84 лет, «имеющие отношение к иудейскому культу от рождения». Увы, в 1929-м оно прекратило свое существование, причем вопреки воле «имеющих отношение к культу»...

...Интересная зарисовка встретила нас в газете «Прикамская жизнь» за 1914 год.

Пароход, на котором путешествовал Пуришкевич (лидер черносотенцев и депутат Госдумы), причалил к пристани Сарапула, но сам политик остался на борту. На вопрос капитана: «Отчего же, Владимир Митрофанович, вы не идете смотреть Сарапуль?» – Пуришкевич ответил: «Да что там смотреть-то? Одни евреи живут!»

Выяснилось, что все евреи города, узнав о приезде Пуришкевича, собрались в тот день на пристани, дабы выразить свой протест одиозному политику.

Как писала газета, тот по окончании путешествия написал жалобу на полицию Сарапула, обвиняя ее в излишне либеральном отношении к евреям, «заполонившим город».

К чести местного населения надо заметить, что, судя по архивным материалам, погромов и случаев откровенного антисемитизма в истории Удмуртии не наблюдалось.

«КЛАД НЕТЛЕННЫЙ»

С началом Великой Отечественной в Приуралье хлынул мощный поток беженцев из оккупированной Белоруссии, блокадного Ленинграда, осажденной Москвы. Во время войны здесь находилось более 2 тыс. евреев! Это был новый этап и в иудейской жизни Сарапула.

Собирались эвакуированные евреи на квартире Исаака Фишера на Красноармейской, 81. Это скромное помещение в годы войны дарило душевные силы оставившим свои дома обездоленным людям. Они называли его «теплым домом».

Мы на Красноармейской, 81. Вросшее в землю двухэтажное здание, потемневшие от старости бревна, маленькие окна... Как здесь, в убогой квартирке на первом этаже, десятки евреев могли собираться, отмечать праздники, радостные и грустные события?

Потом, в 1990-х, здесь же начиналось возрождение еврейской жизни Сарапула. Собирались у дочери Исаака, Розы Фишер. Несколько лет назад она умерла...

Свидетельницей же того, военного, возрождения в городе стала Стелла Иосифовна Гуткович, ветеран труда и активистка местной общины. Всю жизнь, с самой эвакуации в 1941-м, прожила она в Сарапуле, а родилась и провела детство в Харькове. Жизнь Стеллы Гуткович (в девичестве Липец, и не Стеллы, а Стеры, то есть Эстер) – увлекательная повесть о целом поколении.

С. Гуткович.

Семья Иосифа Липеца, отца Стеры, в годы войны приехала в Сарапул с Харьковской обувной фабрикой. Трагична история этой дружной семьи.

«У папы было пять братьев, – рассказывает Стелла Иосифовна. – Все женатые, всего у них было 18 детей. Жили в Барановичах, в Белоруссии. В июне 1941-го их всех уничтожили. Мой брат Абраша в войну проходил Барановичи. Он писал: там не осталось никого и ничего».

На фотографии, сделанной в Харькове, в 1941 году – мама Башева (она была одной из 13 детей бобрыйского лесопромышленника Евна Кацнельсона), папа Иосиф, бабушка Лея, братья Абраша, Кузя, Яша. В центре – любимица семьи, Стера.

Бабушка умрет через месяц в эвакуации; Яша погибнет в блокадном Ленинграде; Кузя – под Сталинградом...

Младший брат Абрам ушел на фронт в 1942-м, ему не было и 18-ти. Стелла показывает письмо:

22 февраля 1945 года. <...> Меня представили к награде за отличные боевые действия, я получил благодарность любимого Сталина за форсирование Одера и за расширение плацдарма, за последние 15 боевых дней на моем счету 5 орудий, 5 минометных батарей противника, 16 дзотов, 1 Фердинанд – танк, много пехоты

противника и лично из моего нагана убил 5 немецких вояк, они нашли себе могилу на ихней земле...

Абрам Липец погиб 3 мая, шести дней не дожив до Победы...

Мужество Стеллы Гуткович восхищает. Всю войну, с 15-ти лет, она трудилась для фронта – на сарапульском кожзаводе, на обувной фабрике. Той самой, что выпускала сапоги с клеймом «Ушеренко и сыновья»! Правда, штамповала Стелла на голенищах уже не шести-, а пятиконечные звезды...

Летом отправляли в колхоз – работала на тракторе, сеялке, веялке. Когда исполнилось 17, послали на лесоповал. Случалось, работали на 50-градусном морозе. Стелла отморозила ногу, хотели ампутировать. Не дала. На изуродованной ноге прошагала всю жизнь. И в свои 82 танцует! После войны пошла учиться, окончила техникум. Работала бухгалтером, воспитательницей, слесарем...

Дом на Красноармейской, 81.

Сегодня Стелла Иосифовна растит внуков (у нее трое детей, восемь внуков и две правнучки) и помогает евреям Сарапула. На ней держатся все благотворительные программы «Хеседа»:

– Патронажную работу с пожилыми людьми я без отпуска, без выходных веду с 1998 года. Каждого навещаю по три раза в неделю. Газеты принесешь, кому рыбу поджаришь, кому кашу сварить. Поговорим, посмеемся, песенку споем.

Себя Стелла пожилой не считает:

– На Песах рыбу фарширую и мацу пеку сама. Даже по телевидению показали, как я мацу пеку! За 18 минут надо тесто замесить, раскатать, испечь, не доливая воды, не посыпая мукой, не переворачивая. И она у меня такая то-о-оненькая!

Дочь нашей героини, Белла рассказывает:

У мамы энергии как у 30-летней! Я прихожу с работы – еле ноги волочу. А она – как пропеллер, «зажигает»! Все телефонные номера знает наизусть.

Председатель сарапульской общины Анатолий Русинов говорит, что Стеллу Иосифовну все зовут здесь «а идише маме». Правда, евреев в Сарапуле стало меньше – раньше на праздники приходило человек 50, теперь – не больше 25-ти...

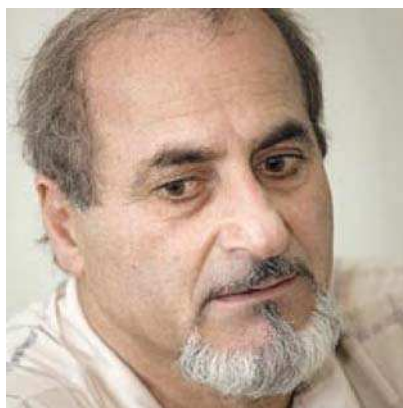
ВОТКИНСКИЙ ВЕТЕРАН

Две главные достопримечательности города Воткинска – Чайковский, который здесь родился, и завод, стоящий на берегу огромного Воткинского пруда (без которого, говорят, не было бы «Лебединого озера»). Отец будущего композитора с 1836 по 1848 год был начальником Воткинского завода. А он, оказывается, на два года старше Ижевского, заложен графом Шуваловым в 1758 году. Так что у завода и, соответственно, самого Воткинска в этом году юбилей – 250 лет со дня основания.

Город назван по реке Вотке, правому притоку Камы. А вотяками прежде величали удмуртов (Вотской автономной областью называлась Удмуртия в 1920–1934 годах).

Нашим гидом по еврейской истории

Воткинска стал уроженец Дербента Михаил Хананаев. Такая вот географическая «загогулина»! А встретились мы с ним в спорткомплексе «Юность», где Хананаев долгие десятилетия трудился тренером по плаванию, выведя в чемпионы многих мальчиков и девочек Воткинска.

М. Хананаев.

Встретились мы и с Идой Веревкиной (в девичестве Островской), Зельдой Дементьевой (урожденной Шустиной), Эсфирью Авдеевой (в прошлом Амбург) и другими «воткинками», объединенными ижевским «Хеседом». Таких в стотысячном городе всего человек 25, хотя не так давно было более ста. А в годы войны сюда из европейской части СССР эвакуировалось много сотен евреев. Местная публика называла их «выковырянные». Так и кричали при их приближении: «Выковырянных везут!»

«На Воткинском машзаводе должности начальников цехов, начальников производств, их замов в основном занимали евреи – Лучевский, Островский, Шехтман», – вспоминает Эсфирь Юзиковна.

«Но евреи боялись признаться в том, что они евреи. Некоторые боятся до сих пор, потому что этого не хотят их дети», – говорит Ида Иосифовна.

Михаил Хананаев знакомит нас с самым легендарным человеком в городе: Зиновий Майман – живая история Воткинска и местных евреев.

В этом году ему исполнилось 92 года. Секрет долголетия, считает Зиновий Айзикович, – в постоянной фиксации увиденного, записывании всех впечатлений. (Вот как! А я и не знал, что стою на верном пути к 120-ти!) Всю жизнь Майман не расстаётся с пером, бумагой и фотоаппаратом, создает альбомы, поэтические блокноты, фиксирует дорожные впечатления («Непутёвые заметки»), издал книгу «Мысли в рифму».

В стихах его – Воткинск, ставший вторым родным городом в долгой многотрудной жизни:

Í ûëàò íàø íðáá íîä çàéàò îì,

Íðáí æáá èëëíá è áááðíá

È èðáíí îð òóóóð çàéáí áí

Ðáëüáò çáí ëýí úõ ááðáí á

È ñáòýòíý ááëúá ñò áí ú

Áíí íá îòðáæáý çàéàò.

È òýí óòíý äëëí í úá òáí è

È áíí áí è áíí èøéáí -

Íàçáá...

З. Майман.

Отец нашего героя был сыном бердичевского раввина и шамесом синагоги на Подоле, поэтому к маленькому Зислу ходил меламед. Потом была учеба в школе-семилетке, в автошколе, на рабфаке. В 1940-м окончил Киевский политех, так называемую военную группу – стал командиром танкового взвода.

По иронии судьбы в Воткинск на Песах сейчас присылают мацу из Киева. Привет Майману из далекого детства!

После войны Зиновий Айзикович много раз навещал родной город, гулял по знакомым улицам, вспоминал близких. Из Киева его младший брат Хаим ушел на Финскую, потом – на Великую Отечественную, погиб на Синявинских высотах. Папу Айзика и маму Цилю фашисты расстреляли в Бабьем Яру...

Майман занимался дорожным строительством, работал на киевском заводе «Арсенал». 6 июля 1941 года с эшеленом арсенальцев отправился в эвакуацию. 17 июля прибыли по месту назначения. На Воткинском заводе работал главным технологом, замначальника цеха, начальником бюро нормативов. А параллельно преподавал в машиностроительном техникуме, в местном втузе.

За время войны на Воткинском заводе было изготовлено более 52 тыс. пушек, сотни тысяч корпусов мин, авиабомб и снарядов. Сегодня, стараниями людей, которые, как и Зиновий Айзикович, строили и развивали его в послевоенные годы, этот четырежды орденосный завод – одно из ведущих предприятий ракетно-космической отрасли.

...Его еврейское имя – Зисл, то есть «сладкий». И хотя прожитую жизнь сладкой не назовешь, прошагал он ее достойно. И этого достоинства до десятого десятка не утратил.

МОЛОДОСТЬ И МУДРОСТЬ

Именно эти качества успешно сочетаются в новом раввине Удмуртии и Ижевска Михоэле Урине, посланнике Любавичского Ребе, приехавшем сюда с женой Кейлой два года назад.

Раввин М. Урин.

17 декабря 2006 года на центральной площади Ижевска впервые в истории города была зажжена ханукальная менора. Множество людей, в том числе члены городской и республиканской администрации, собрались, чтобы увидеть это чудо. Праздник продолжился великолепным концертом в городской филармонии.

А потом были Пурим, Песах, Шавуот, Рош а-Шана, Суккот... В Ижевске начала возрождаться еврейская религиозная жизнь.

О раввине Михоэле Урине местные евреи отзываются с большим уважением: «Он молодой, но очень эрудированный, – говорит Михаил Хананаев. – Я далек от религии, но увидел, что он человек адекватный и очень грамотно преподносит нам истоки нашей веры, еврейскую историю и культуру. Прекрасно ладит и с молодежью, и со стариками».

Под стать раввину – молодой и энергичный председатель религиозной общины «Магендавид» Петр Дулисов, при заключении союза со Всевышним получивший имя Авроом. Коренной ижевец, он являет собой типичный пример «бааль тшува» – «вернувшегося к вере». Бабушка была родом из Коростеня, эвакуировалась во время войны. А сам Петр о своих еврейских истоках никогда не задумывался. Жил, учился, окончил Ижевский механический институт, пошел работать...

Но в свой час что-то «щелкнуло». Сначала репатрировалась мама, в 2005-м сам побывал в Израиле.

В ноябре 2007 года на общем собрании ижевской религиозной общины «Магендавид» Дулисов был избран ее председателем. И видимо, не зря: несмотря на молодость, он оказался очень заботливым «шефом»:

– Для меня важно организовать жизнь общины так, чтобы были нормальное помещение, тепло, свет, устроить людям праздник. А еще – открыть детский садик, получить землеотвод под синагогу...

П. Дулисов.

Да, обретение синагоги для ижевской общины – задача первоочередной важности. И на первый взгляд – архисложная. Главный вопрос: сохранилось ли хотя бы одно из двух существовавших когда-то зданий?

Свое расследование провел ижевский старшеклассник Яков Айзенберг. И хотя оговаривается, что «архивные документы не позволяют проследить, как долго служил синагогой дом Фридриха Дорнбуша», Яша установил здание, в котором, возможно, находилась ижевская синагога. Адрес: улица Свердлова, дом 7. Казалось бы, теперь слово за городскими властями.

Передо мной письмо из администрации Ижевска. А в нем – слова о том, что «не представляется возможным идентифицировать точное месторасположение здания синагоги», «определить его принадлежность по уровню собственности», потому что «в структуре администрации нет специалистов», могущих «дать точное заключение о месторасположении здания синагоги»... Верх иезуитства!

Рав Михоэль считает, что здания двух старых синагог в Ижевске не сохранились, цел лишь фундамент одной из них, и требовать возвращения несуществующих зданий бессмысленно. Нужно добиваться, чтобы общине выделили место для строительства новой синагоги. Пока «воз и ныне там», однако раввин Ижевска настроен решительно и готов сделать все, чтобы местные иудеи наконец обрели свой Дом.

Впрочем, хоть и не собственный, а арендуемый, но Дом молитвы и собраний у них появился. А с ним возможность в просторном и уютном помещении, в самом центре города, собираться на шабат, на молитву, отмечать все еврейские и семейные праздники.

В субботу с утра – молитва, трапеза; по вторникам – уроки Торы, изучение традиций. Приходят сюда люди в возрасте от 40 до 80 лет. Рав Михоэль объясняет: на иврите таких называют «плененными детьми», ибо они не виноваты в том, что не смогли раньше узнать об истории, традициях и законах еврейской жизни. И вот теперь наверстывают упущенное.

Здесь же работает воскресная школа – иврит, английский и традиции. Два раза в месяц ребецн Кейла собирает Женский клуб. По образованию она учитель, поэтому строит работу с учетом требований педагогики. Ижевские дамы по очереди готовят материалы к заседаниям клуба, выступают, спорят; в «повестке дня» – легкая трапеза. Приглашают они на свои встречи и специалистов разного профиля.

Ребецн Кейла.

Рав Михоэль рассказывает:

– В нашей общине много программ. Во-первых, благотворительные: выдаем продуктовые наборы ветеранам и нуждающимся семьям, помогаем малообеспеченным и многодетным семьям. Во-вторых, работают ульпан, курсы по изучению иврита, а также спортивный клуб (бассейн, тренажерный зал), молодежный клуб и программа STARS. В-третьих, мы проводим обряды – обрезания, бар и бат мицвы, хупы, йорцайта (годовщины смерти), еврейских похорон. Кроме того, работает благотворительная кошерная кухня, можно заказать кошерные обеды, ужины.

Официально в Удмуртии проживает порядка тысячи евреев, в информационной базе Общинного центра еврейской культуры – 1100 человек. Но, как и везде по России, количество евреев «латентно» – в реальности их намного больше.

Как утверждает юный исследователь еврейской истории Яков Айзенберг, по последним статистическим данным (2004 год) в Ижевске проживает 1296 евреев, в Сарапуле – 81, в Глазове – 129, в Воткинске – 227.

Вот как ведет подсчет рав Михоэль:

– Согласно результатам последней переписи населения, в Ижевске к евреям отнесли себя более тысячи человек. На самом деле нужно брать коэффициент три.

Это не «изобретение» ижевского раввина – это общеизвестный коэффициент применительно к России и странам СНГ. И практика подтверждает его правильность.

ЭТИ НЕУГОМОННЫЕ ЕВРЕИ...

Марк Гольдин – глава Общинного центра еврейской культуры (ОЦЕК), страстный охотник (ведь мы – в столице оружейников!) и заводила во многих интересных «еврейских делах».

А дел у Гольдина много. Например, буквально на днях должна заработать... керамическая мастерская!

– Еврейское ли дело – горшки лепить? – спрашиваю я Марка Эльевича.

– А это вовсе не горшки, – объясняет он, – а оригинальные художественные поделки. Они украсят дом и доставят радость любой еврейской женщине.

И показывает дивные «безделушки» – подвески, серьги, кулоны в форме звезды Давида, орнаментальные картины, инкрустированные эмалью ларцы...

Открывает Гольдин эту мастерскую при ДOME дружбы народов Удмуртии, привлекает для этого спонсоров и добывает немалые деньги. Возглавит работу оригинальный художник-керамист Лиза Левина.

...Марк Гольдин вспоминает, что возрождение еврейской жизни в Ижевске начиналось в 1990 году с объявления в газете «Неделя Удмуртии»: «Желающие изучать иврит могут позвонить по телефону...»

А в 1993 году 250 из двух тысяч проживавших в Удмуртии «официальных» евреев объединились в самостоятельное общество.

Марк Эльевич с гордостью показывает изданные ОЦЕК книги: воспоминания о детстве и юности Виктора Дарховичного – воспитанника одесского Еврейского сиротского дома; удивительные рассказы Григория Рубинштейна – геофизика и крымчанина, ставшего ижевцем... У Гольдина и в издательской деятельности большие планы.

И это все – помимо широкой благотворительной деятельности (при ОЦЕКе работает «всеудмуртский» фонд «Хесед Ариэль»), заседаний клубов (мужского «Хаверим», женского «Магендавид» и студенческого «Бейт Гилель»), выступлений танцевального ансамбля «Илан», занятий воскресной школы, работы библиотеки и многого другого.

– А «золотой фонд» нашей организации и всей еврейской общественной жизни – Клуб любителей еврейского анекдота, – добавляет Марк Гольдин. – Это они собрали деньги на помещение ОЦЕКа.

...Вот и окончилась наша поездка в Прикамье. Складывалось такое впечатление, что история евреев Удмуртии и Ижевска в частности – это история постоянных взлетов и падений: то жестоко притесняют, а то вроде бы начинают помогать. То насильно отрывают от корней, то вдруг за счет казны покупают здание под синагогу; заключают договор о безвозмездном его использовании, а потом выгоняют безо всяких на то оснований...

Так пусть для здешних евреев вновь начнется светлая полоса и вновь придет помощь. И от властей, и от соплеменников из других городов и весей, и от... самих себя: с Б-жьей помощью всё осилим.

КРОВЬ ЗА КРОВЬ, МИФ ЗА МИФ: НАВЕТЫ И ОТВЕТЫ

Àèèí à Çæáí èí à

Окончание. Начало в № 11, 12, 2008

Экклесия и Синагога в оформлении заглавной буквы Т (французский манускрипт). XIV век.

МЕССИАНСКИЙ ОСЕЛ И ВАННЫ ФАРАОНА

Иерусалимский исследователь Израэль Юваль, самый известный представитель анти-«слезного» подхода, изучая ответ средневековых евреев на обвинения в ритуальном убийстве, обнаруживает его удивительную слабовыраженность – и не только в реальной жизни, где это, в общем-то, неудивительно, но и в литературе^[1]. Три внятных ответа на эту проблему: мистический (легенды о големе, призванном «защитить евреев от всех зол и горестей, претерпеваемых ими от рук врагов», то есть в первую очередь – от наветов), силовой (предание о вормских парнасах, заколовших членов городского совета в ответ на обвинение в отравлении колодцев) и вербально-рациональный (логические опровержения навета, встречающиеся у еврейских авторов, начиная с испанского раввина Ицхака Авраванеля) – относятся к XVI–XVII векам и отражают менталитет евреев уже раннего Нового времени, а не Средневековья. Их предки же были склонны не столько к опровержению наветов, сколько к их отражению: вы нас убиваете и проливаете нашу кровь, значит, вы – убийцы, а мы – жертвы. Модель «зеркала», отражающего те или иные топосы, универсально свойственна любым отношениям «свой–чужой», а уж тем более – иудео-христианским, в которых большинство топосов – общие. Здесь можно вспомнить полемику о Verus Israel, «истинном Израиле»: на этот статус претендовали и евреи – по праву рождения, и христиане, полагающие, что, не приняв Иисуса, евреи перестали быть истинным избранным народом, «Израилем по духу», и остались лишь «Израилем по плоти». С этой полемикой тесно связана борьба за правильного тотемного первопредка: евреи называли себя потомками Яакова, или Израиля (бней Израэль), а христиан собирательно именовали Эдомом, потомками Эсава, или Эдома; последние же отвечали рокировкой праотцев. И еще один излюбленный парный символ в иудео-христианской полемике – Экклесия (Церковь) и Синагога. Персонифицированная Синагога на дюжинах

вitraжей и соборных порталов выглядит зеркальным отражением своей соседки Экклесии, за исключением ряда знаковых деталей: Экклесия стоит прямо и смотрит горделиво, держа в одной руке потир, а другой сжимая крестообразный посох, Синагога же незряча – завязаны глаза, не желающие видеть истину, – и вся скособочена, посох ее (или штандарт) сломан, с головы слетает корона, а из рук выпадают и бьются скрижали Завета – Ветхого, разумеется, потому и бьются. Список подобных двойников и перевертышей можно продолжить. Возвращаясь же к отзеркаливанию кровавого навета, вспомним, что у евреев был свой культ невинно (и кроваво) убиенных младенцев – детей мужеска полу, на регулярной основе истреблявшихся, «когда рабами были мы в Египте». Этот культ особенно заметен в позднесредневековых ашкеназских агадах, и исследователи^[2] резонно видят в нем реакцию на христианский кровавый навет. Одно из ритуальных блюд на пасхальном столе – харосет – современная агада предписывает вкушать в память о глине, из которой евреи в египетском рабстве изготавливали кирпичи, а средневековая агада – в память о крови убитых в том же рабстве еврейских младенцев. Эта же тема развивается и в агадических иллюстрациях: злобные египтяне топят младенцев в Ниле, а чаще – зарезают их, а кровь сливают в корыто, где фараон принимает ванну. Всем известно, что древние египтяне были знатными косметологами.

Отзеркаливание ритуального навета заметно и в литературе, – к примеру, в обсуждавшемся выше рассказе рабби Эфраима Боннского о навете в Блуа: еврейский нарратив тоже посвящен мученичеству и святости, только не виртуального младенца, чье утопление причудилось оруженосцу-подхалиму, а без вины виноватой еврейской общины, которая горела в огне, не сгорая, зато издавая сладкие звуки и источая сладкий же запах. Более доказательно, в экзегетической стилистике, отрицает и отражает кровавый навет Сефер ницахон яшан («Старая книга полемики») – основной памятник средневековой полемической литературы, обширная компиляция разнообразных антихристианских аргументов, составленная ашкеназским автором в конце XIII – начале XIV века. В полемическом комментарии на 12 главу книги Шмот еврейский экзегет разворачивает любопытную дискуссию о каннибализме, отталкиваясь от стиха «с пресным хлебом и с горькими травами пусть съедят его» (Шмот, 12:8). Стих на самом деле относится к предписаниям о пасхальном агнце, однако враждебный дискурс видит здесь намек на употребление евреями крови в Песах:

«С пресным хлебом и с горьким и травами пусть съедят его» – это относится к тому, что народы принуждают нас к тяжелому труду, наполняют горечью наши жизни и оскорбляют нас, говоря, будто мы едим людей и пьем кровь христианских детей. Действительно, еретик может попытаться подкрепить подобное утверждение, приведя тот довод, будто Йехезкель имеет в виду этот обычай, говоря Земле Израиля: «Так говорит Г-сподь Б-г: за то, что говорят о вас: “ты – земля, поедающая людей и делающая народ твой бездетным”...» Народ Израиля также называют «землей», как сказано: «Вы будете землю возделенной...» [Малахи, 3:12]; поэтому стих Йехезкеля должен относиться к народу Израиля. Ответ же на этот довод таков, что в Писании можно найти подтверждение и тому, что они [другие народы] тоже едят людей, как сказано: «Ибо они съели Якова...» [Ирмеяу, 10:25]^[3].

В дальнейшем комментарии на ту же главу Шмот наш автор продолжает тему еврейского мученичества среди народов, постулируя даже его обязательность для каждого еврея:

«Но оставшееся от него до утра сожгите на огне» [Шмот, 12:10]. Это означает, что никто не должен избежать страданий изгнания, ибо тот, кто

«останется» без страданий «до утра», то есть до утра избавления, будет «сожжен на огне», то есть отправится в ад^[4].

Зеркальный каннибализм возникает и совсем в другом месте, где полемист поначалу фундированно опровергает кровавый навет, а под конец опять возвращает его противнику:

Еретики гневят нас, возводя на нас напраслину, будто мы умертвляем их детей и поглощаем их кровь. Ответ им так: ни одному народу столь строго не воспрещено убийство, как нам, и запрет этот распространяется и на убийство неевреев, ибо в стихе «Не возжелай» указывается «[ничего, что у] ближнего твоего», а в стихах «Не убивай», «Не прелюбодействуй», «Не кради» не указывается «ближнего твоего». Это доказывает, что «Не убивай» относится к любому человеку. <...> Кроме того, нам более, чем любому другому народу, запрещена кровь, ибо даже мясо кошерно зарезанного животного мы солим, и промываем, и долго возимся с ним, с тем чтобы удалить остатки крови. Дело же в том, что вы выдумываете обвинения против нас с целью оправдать убиение нас; и то, что вы притесняете нас, допускаете убиение нас и истребляете нас из-за нашего страха Б-жьего, соответствует пророчеству Давида в 44 псалме, и он молился за нас, говоря: «Б-же, Царь мой! Даруй спасение Якову»^[5].

Сефер ницахон яшан содержит и другие весьма радикальные антихристианские пассажи, включая собственно диффамацию Христа, основанную на упоминавшемся выше (см. «Лехаим», 2008, № 11) трактате Толдот Йешу, который – если верить показаниям слуг – цитировали за пасхальным столом трентские евреи. «Йешу повешенный» объявляется магом, научившимся колдовству в Египте, а также «сыном буйным и непокорным», который заслуживал побоев камнями до смерти (Дварим, 21:18-21), но своим колдовством спасся от столь лютой смерти и был просто повешен на дереве, как предписывает соседний стих (Дварим, 21:22)^[6]. Если эти слова – признающие ответственность евреев за убийство Иисуса и легитимирующие его – шокируют вас как смелые до безумия, надо учесть, что большая часть представленных в Сефер ницахон ветус аргументов вряд ли когда-либо использовалась в реальных иудео-христианских диспутах, равно как и дерзкие насмешки трентских евреев – ежели они действительно звучали в подвале дома Самуила Нюрнбергского – не предназначались для посторонних ушей.

Еще один сюжет, демонстрирующий суровое отношение ашкеназских евреев к своему окружению, связан с представлениями о грядущем мессианском избавлении и участии, уготованной для неевреев:

Избавление, однако, вызовет крах, гибель, крушение и истребление всех народов – их самих, и ангелов, которые охраняют их, и их богов, как сказано: «посетит Г-сподь воинство выпретенное на высоте и царей земных на земле» [Йешаяу, 24:21]. И Ирмеяу сказал: «Не бойся, раб Мой Яков, говорит Г-сподь: ибо Я с тобою; Я истреблю все народы, к которым Я изгнал тебя, а тебя не истреблю...» [Ирмеяу, 46:28]. Теперь вы видите, что Г-сподь истребит все народы, кроме Израиля...^[7]

Ашкеназский эсхатологический сценарий, сопровождающий спасение евреев непременным уничтожением притеснявших их народов, Исраэль Юваль называет геула нокемет («мстительное избавление»), в отличие от куда более мягкого варианта, принятого среди сефардских евреев, – геула мегайерет («прозелитизирующее избавление»), при котором народы мира примут иудаизм и спасутся вместе с евреями^[8].

Та же геула нокемет, вкупе с жесткими антихристианскими пассажами, присутствует и в более ранних ашкеназских источниках, например в еврейских хрониках Первого крестового похода, описывающих погромы, учиненные крестоносцами в рейнских городах летом 1096 года:

И так драгоценные дети Сиона, жители Майнца, <...> принесли детей своих в жертву так же, как Авраам поступил с Ицхаком <...>. Отказываясь отвергнуть веру свою и заменить грозного Царя на омерзительного отпрыска нечистой и развратной женщины, они обнажили шеи свои для меча и отдали свои чистые души Отцу Небесному. <...> В один день <...> тысяча и сто святых душ были убиты и зарезаны, дети и младенцы, еще не грешившие и не преступившие, души невинных бедных людей. Сдержишься ли Ты после этого, о Г-сподь, ибо это за Тебя бесчисленные души приняли смерть! Отомсти за пролитую кровь рабов твоих, в наше время и на наших глазах! Аминь. И поскорее!^[9]

Призыву к мести предшествуют рассказы о мученичестве германских евреев, в том числе о случаях самоубийства и убийства ими собственных детей, с тем чтобы те не были насильственно крещены врагами:

Женщины с мужеством опоясывались оружием и убивали своих собственных сыновей и дочерей, а затем и самих себя. И многие мужчины собрались с силами и закололи жен, и детей, и младенцев. Самая нежная и мягкая из женщин зарезала свое любимое дитя.

...Госпожа Рахель <...> сказала своим подругам: «Есть у меня четыре ребенка. И не жалеете их, чтобы не пришли необрезанные и не захватили их живыми и не пошли бы они по их ложным путям. И с моими детьми, тоже, освятите Святое Имя Б-га»^[10].

Кровавая ванна фараона. Ксилография. Пасхальная агада, Венеция. 1609 год.

Юваль предположил, что подобные акты мученичества, по всей видимости, многочисленные и происходившие на глазах у крестоносцев и горожан, и послужили главным стимулом к возникновению ритуального навета: если евреи с такой готовностью убивают собственных детей, да еще и видят в этом религиозный подвиг, жертвоприношение своему Б-гу, то естественно ожидать от них насилия по отношению к христианским младенцам, тоже с ритуальными целями. Эта гипотеза, высказанная в статье 1993 года, вызвала резкий протест еврейской читающей публики: ведь вина за кровавый навет – пусть косвенно – возлагалась на самих евреев, на их аффективное религиозное поведение и неверно понятое благочестие, на устроенный ими инфантицид,

пробудивший в умах христиан, охваченных пламенем священной войны, страх инфантицида иного рода.

В той же работе Юваля содержался еще один достаточно радикальный тезис о том, что сугубая враждебность средневековых европейских евреев к своим соседям, отразившаяся в целом ряде источников – от еврейских хроник Крестовых походов и Сефер ницахон яшан до материалов Трентского дела, не являлась вполне естественной спонтанной реакцией на погромы, наветы и прочие преследования, а предшествовала им, будучи важным компонентом религиозной идеологии. Мотив мести неевреям в мессианские времена еще с X века присутствовал во многих ашкеназских литургических текстах и ритуалах, попав туда из раннесредневековой палестинской литургики и мидрашей. Литургия Йом Кипура включала в себя обязательное анафематствование неевреев, за пасхальным столом предвкушали многократное повторение для христиан казней египетских, а приход Мессии народная экзегеза рисовала следующим образом: Мессия является верхом на осле и сажает на него всех евреев, с тем чтобы отправиться – через моря-окияны – в Святую землю, неевреи же забираются на ослиный хвост, а осел, зайдя глубоко в море, опускает хвост в воду и все неевреи гибнут, как и положено по модели геула нокемет^[11].

Особое место в этом мессианском сценарии занимает кровь: враждебные народы подлежат истреблению, поскольку проливали кровь евреев, а кровь верных рабов Всевышнего должна быть отомщена – к этому призывает хронист, описывающий погромы крестоносцев, об этом же просит известная молитва Авину Малкейну: «Отец наш, Царь наш, отомсти на наших глазах за пролитую кровь рабов твоих». В этом контексте центральным является живописный образ порфириона – Б-жественного пурпурного одеяния, пропитанного невинной кровью евреев и потому служащего вещественным доказательством на Суде:

Совершит суд над народами, наполнив землю трупами» [Теилим, 109:7]. Сказали учителя наши: Святой, да будет благословен Он, взял от крови каждой души, что Эдом [т. е. христиане] убил в народе Израилевом, и погрузил в нее свой порфирион, пока не стал он цвета крови; а когда придет день Суда и воссядет Он на престоле вершить Суд над Эдомом, то наденет этот порфирион и укажет ему [Эдому] на каждого убитого праведника, что записан на нем, как сказано: «Совершит суд над народами, наполнив землю трупами». И тот же час Святой, да будет благословен Он, вдвойне отомстит ему [Эдому], как сказано: Г-споди, Б-же отмщений, Б-же отмщений, яви Себя!» [Теилим, 93:1]^[12].

Мессиянский осел (христианская версия).

Из *Detectum velum Mosaicum* Дитриха Шваба. 1666 год.

Акцентуация темы крови не осталась без последствий: и она внесла свою каплю в формирование христианского ответа на еврейскую схему «кровавое мученичество – кровавая месть» – этим ответом стал кровавый навет, подразумевающий мученичество христианского младенца и, естественно, месть за него, только в настоящем, а не в отдаленном мессиянском будущем.

Смелость Юваля, чьи концепции еще далеки от общеакадемической легитимации, была недавно превзойдена другим израильским исследователем, профессором Бар-Иланского университета Ариэлем Тоафом, специалистом по средневековому итальянскому еврейству. В своей книге «Кровавые Пасхи: Евреи Европы и ритуальное убийство» (2007)^[13], изданной, что примечательно, в Италии, а не в Израиле, Тоаф развивает то же направление, но идет дальше и обнаруживает у средневековых евреев не только ритуально и текстуально отработываемую ненависть к христианам, но и вполне криминальные действия – тем самым опровергая положения, аксиоматические для цитируемого выше Ицхака Бера, других классиков еврейской исторической науки и абсолютного большинства цивилизованных людей. Книга вызвала бурю возмущения в израильском обществе и академии^[14], а также резкий протест итальянского раввина, так что автор был вынужден отказаться от своих выводов и даже отозвать тираж; впрочем, текст был выложен в Интернет и теперь доступен всем желающим. В феврале 2008 года книга была переиздана – с сохранением скандального названия, но в ином переплете; Тоаф предпослал к ней новое введение, где скорректировал свою позицию: если раньше он утверждал, что евреи могли быть виновны в ритуальных убийствах, то сейчас самый радикальный его вывод состоит в том, что некоторые ашкеназские общины употребляли высушенную кровь христиан в медицинских и ритуальных целях и существовал целый черный рынок торговли этим веществом. Покупали ценный продукт у добровольных доноров, а жесткое библейское табу на кровь обходили на основании того, что она употреблялась в сухом виде, а также благодаря склонности ашкеназских авторитетов отдавать предпочтение обычаю перед законом (минъаг vs. алаха).

Книга Тоафа построена во многом на материалах Трентского дела и демонстрирует «раскавычивающий» подход к показаниям, полученным под пыткой. Неразрешимая в целом проблема верификации инквизиционных свидетельств здесь решается довольно однозначно: автор доверяет полученной инквизиторами информации и строит на ней свою теорию, подкрепляя ее по возможности и другими источниками. Рецензенты не преминули упрекнуть Тоафа в непрофессионализме, некритическом

отношении к источникам и «порочной историографической методе»; впрочем, надо сказать, что и Юваль местами доверяет враждебным свидетельствам крещеных евреев, но вспомним, что на доводы крещеных евреев опирался и император Фридрих II в своем опровержении кровавого навета.

**Обложки книги Ариэля Тоафа.
(первое и второе издания).**

При всех необходимых оговорках касательно этической сложности изучения подобных материй и технической сложности изучения подобных источников, последний вывод Тоафа вносит свежую струю в накаленные и неизменно мрачные дебаты о кровавом навете, предлагая третий ответ вместо бинарной альтернативы «виновен» / «не виновен». Ведь действительно, употребление крови, вполне распространенное, кстати, в магии и народной медицине, вовсе не должно быть сопряжено с убийством или насилием: у любого мальчика можно мирно купить несколько капель крови, выжатой из уколотого пальца.

История ритуального навета богата и многообразна и, хотелось бы надеяться, закончена. Историография ритуального навета не менее богата и многообразна и находится в самом своем расцвете, периоде освобождения от старых установок и генерации новых концепций. Пока можно, пожалуй, остановиться на следующей картине. Христиане и евреи, обычные соседи с длинной и сложной историей взаимоотношений, не исключаяющей близкородственных связей, общим подвалом и большими планами на чердак, зеркалили обоюдную враждебность и конкретные формы ее выражения; разница состояла лишь в том, что одни могли проявить ее в реальных действиях, а другие сублимировали в молитвах да обрядах.

^[1] См.: Yuval I. «They tell lies: you ate the man»: Jewish Reactions to Ritual Murder Accusations // *Religious Violence between Christians and Jews: Medieval Roots, Modern Perspectives*. Ed. A.S. Abulafia. N.-Y., 2002. P. 86–106.

^[2] Malkiel D. Infanticide in Passover Iconography // *Journal of the Warburg and Courtland Institutes*, 1993. Vol. 56. P. 85–99.

^[3] *The Jewish-Christian Debate in the High Middle Ages: A Critical Edition of the Nizzahon Vetus* / Ed. and trans. by D. Berger. Philadelphia, 1979. § 16.

^[4] *Ibid.*

^[5] *Ibid.* § 244.

^[6] *Ibid.* §§ 32, 52.

^[7] *Ibid.* § 242.

^[8] Юваль И. А-накам ве-а-клала, а-дам ве-а-алила: ме-алилот кдошим ле-алилот дам [Месть и проклятие, кровь и клевета: от мученичества к кровавым наветам] // *Цион*. Т. 58. № 1. 1993. С. 34–51; Он же. «Шней гоим бе-витнех». Йеудим ве-ноцрим: димуим ададим [«Два народа в чреве твоём»: представления евреев и христиан друг о друге]. Тель-Авив, 2000. Гл. 3.

^[9] Шломо бар Шимшон. Гзерот шнат татну [Гонения 1096 года] // Сефер гзерот Ашкеназ ве-Царфат / Под ред. А. Хабермана. Иерусалим, 1949. С. 31–32.

^[10] Там же. С. 31, 34.

^[11] Antonius Margarita. Ein kurzer Bericht und Anzaigung. Wien, 1541. Fol. Iv. Цит. по: Юваль И. «Шней гоим бе-витнех»... С. 142.

^[12] Ялькут Шимони, Теилим, 869.

^[13] Toaff A. Pasque di sangue. Ebrei d'Europa e omicidi rituali. Bologna, 2007.

^[14] См., например, разгромные отзывы крупного израильского медиевиста Кеннета Стоу в History News Network от 19.02.2007 (<http://hnn.us/articles/35496.html>) и видного специалиста по кровавому навету Ронни По-чия Хсиа в А-арец от 20.02.2007 (<http://www.haaretz.com/hasen/spages/827035.ht>).

ЕВРЕЙСКИЙ КАФКА: РАССКАЗ «СЕЛЬСКИЙ ВРАЧ»

לְעוֹף עֵינָי אֵיל

Как известно, только малая часть произведений Франца Кафки (1883–1924) была опубликована при жизни писателя. Среди них и сборник рассказов «Сельский врач», где интересующий нас рассказ стоит на втором месте. Этот сборник Кафка посвятил отцу, в связи с чем писал Макс Броду: «Не потому, что это помогло бы примириться с отцом, у этой вражды такие корни, что их так просто не выдерешь, но все-таки я бы кое-что сделал, пусть и не переселился бы в Палестину, но хоть провел бы пальцем по карте»^[1].

Учитывая, что в рассказах сборника мы не найдем ни слова ни о сионизме, ни о еврейском вопросе, кажется странным упоминание Палестины в одном ряду с взаимоотношениями с отцом – главнейшей экзистенциальной проблемой писателя. Это соседство, как учит нас практика еврейского чтения в бейт мидраше, требует осмысления.

Озадачивает и более поздняя, ретроспективная оценка собственного творчества, какую находим в «Дневниках» Кафки:

Временное удовлетворение я еще могу получать от таких работ, как «Сельский врач», при условии, если мне еще удастся что-нибудь подобное (очень маловероятно). Но счастлив я был бы только в том случае, если бы смог привести мир к чистоте, правде, незыблемости.

(25 сент. 1921)

Основатели еврейского издательского дома в Берлине Х. Вейцман, Л. Моцкин, М. Бубер (сидит).

Сопоставление ценностей – эстетика против этики – и предпочтение последней кажутся анахронизмом для западного литератора-модерниста начала XX века. Читателей проза Кафки привлекает прежде всего эстетическим совершенством, чему способствует не только рафинированная отделка и завершенность каждого абзаца, но и загадочность его произведений. Как высказался верный почитатель Кафки Герман Гессе: «Рассказы Кафки – не статьи о религиозных, метафизических или моральных проблемах, а поэтические произведения. Кто в состоянии просто читать поэта, то есть не задавая вопросов, не ожидая интеллектуального либо морального результата, кто готов воспринять то, что дает этот поэт, тому его произведение даст ответ на любые вопросы, какие только можно вообразить. Кафка сказал нам нечто не как теолог либо философ, но единственно как поэт»^[2].

И все же некоторые внелитературные признания Кафки, два из которых процитированы выше, стимулируют читателя искать в его рассказах смыслы, выходящие за рамки чисто эстетического переживания. Поэтому попробую реконструировать событийный контекст написания и первой публикации рассказа «Сельский врач».

Как уже отмечалось, рассказ «Сельский врач» («Ein Landarzt») увидел свет в одноименном сборнике в 1919 году. Однако Кафка, завершив его и еще несколько рассказов в январе – феврале 1917 года, был готов опубликовать их в еврейском ежемесячнике на немецком языке «Der Jude». К участию в этом журнале его редактор Мартин Бубер приглашал Кафку и раньше, но писатель тогда отказался, о чем уведомил редактора кратким письмом:

Многоуважаемый господин доктор,

Ваше предложение чрезвычайно мне льстит, но я не могу ответить на него положительно. Я – некоторая надежда велит мне, конечно, добавить «временно» – удручен и не очень-то уверен, что мне позволительно вещать, пусть даже самым тонким голосом, в этом обществе.

Но позвольте мне, многоуважаемый господин доктор, воспользоваться случаем и выразить мою благодарность за те послепуденные часы, которые я проводил у Вас почти два года тому назад. Запоздалая благодарность, но для меня она не слишком опоздала, поскольку память о тех совместных посиделках для меня никогда не потускнеет. Это во всех отношениях самое светлое и чистое воспоминание,

сохранившееся у меня от Берлина; часто наши встречи были для меня своего рода прибежищем, и что уж вовсе неоспоримо, из-за того, что я Вас тогда не отблагодарил, никто так и не узнал об этом сокровище¹³.

Теперь Кафка пребывал в ином настроении. 12 апреля 1917 года он писал Буберу: «Я посылаю рассказы... Один из них – “Новый адвокат”, другой – “Сельский врач”... Они позднее составят сборник под названием “Ответственность”». Бубер отобрал и опубликовал в «Der Jude» два рассказа: «Шакалы и арабы» и «Отчет для Академии». Он предложил дать им общее название «Аллегии», но Кафка отказался, согласившись только на название «Две истории о животных».

Здесь важны два обстоятельства: во-первых, изначально замышлявшееся название будущего сборника – «Ответственность» – свидетельствовало о том, насколько важен был для Кафки моральный аспект недавно оконченных рассказов, а во-вторых, он явно не желал представлять свои произведения как однозначное иносказание.

Для понимания творчества Кафки 1917 года было бы чрезвычайно полезно узнать о содержании бесед, которые они вели с Бубером в довоенном Берлине. За неимением такой возможности мы можем воспользоваться памятью другого человека из окружения Бубера тех лет – исследователя еврейской мистики Гершона Шолема, которого Бубер развернул к иудаизму и к сионизму. Цитируемый ниже фрагмент написан в 1953 году, и легко посчитать, что сказанное там в точности относится к столь памятному Кафке времени:

Он [Бубер] пробуждал сердца к возрождению творческого начала в народе Израиля. Его самого эта тяга привела к великим открытиям. Он искал источники «модернизма», а нашел старое-престарое, и новизна в этом старом очаровала и пленила его. Кто сегодня возьмет на себя смелость оценить, насколько он модернизировал старину и насколько старина повлияла на характер его новаций? Бубер, уроженец Восточной Галиции, открыл светоч, таящийся в хасидизме, величайшем творческом всплеске тех мест. Его открытие не было научным, историческим или критическим, его влекли эстетические и религиозные императивы творцов хасидизма, сочетание, наиболее характерное для Бубера той поры¹⁴.

Думаю, мы не ошибемся, если предположим, что Бубер с Кафкой говорили о современном содержании еврейства и его творческом потенциале, способном отвечать запросам европейски мыслящего и ассимилированного в культурном отношении еврея. Вероятно, Бубер говорил с Кафкой и о еврейских книгах, но каких? Касательно чтения Кафки военных лет его ближайший друг, Макс Брод, среди прочего сообщает: Кафка читает Библию¹⁵. А другой биограф, Клод Давид, добавляет:

Через актеров кафе «Савой», свободных от верований и обрядов, Кафка только что [в 1911 году] открыл для себя, чем был иудаизм и чем он еще, может быть, является. Он вспоминает истории, которые еще рассказывают в семье о его бабушке и бабушке и более далеких предках. Он начинает интересоваться историей евреев, и, будучи очень невежественным в этой области, он обращается к известным популярным работам – к «Истории еврейско-немецкой литературы» Пинеса, пятьсот страниц которой он читает на французском языке, «жадно, внимательно, с торопливостью и удовольствием, которых никогда не находил в других книгах»; к «Популярной истории евреев» Генриха Греца, три толстых тома которой он проглатывает за несколько дней, а также к другим трудам¹⁶.

Близкое знакомство Кафки с театральной труппой из Восточной Европы, игравшей на идише, заставило писателя заговорить о своем еврействе с друзьями и в публичных выступлениях^[7].

Тогда же Кафка познакомился с Георгом Лангером, другом и кузеном Макса Брода. Георг Лангер «обратился» в хасидизм и прожил многие годы в Белзе, при дворе цадика, а вернувшись в Прагу, продолжал носить лапсердак и скрупулезно соблюдал все религиозные предписания. Интересна динамика отношения Кафки к хасидам. Первый раз, в 1915 году, Кафка в сопровождении Лангера и Макса Брода идет на встречу с ребе из Белза, беженцем из Галиции, который принимал своих приверженцев в Жижкове, пригороде Праги. Макс Брод сообщает, что на обратном пути Кафка ему сказал: «Принимая все во внимание, можно подумать, что мы находимся в Африке среди племени дикарей. Вульгарное суеверие»^[8]. Но уже через год, снова оказавшись вместе с Лангером среди паствы цадика из Белза, прибывшего в Мариенбад, Кафка «преодолел в себе впечатление отчуждения; в подробном рассказе в письме Макс Броду исчезли всякие следы иронии. Раввин представляется ему султаном, похожим на тех, которых рисовал Густав Доре и которых Кафка видел в книгах, когда был маленьким»^[9].

Перемена в отношении Кафки к еврейской традиции, на мой взгляд, прямо сказалась на содержании рассказа «Сельский врач». Но прежде, чем перейти к его анализу, еще несколько фактов.

Вопрос о том, можно ли считать Кафку еврейским писателем, был поставлен еще в 1930-х годах, причем в довольно необычном контексте. Как известно, Кафка назначил своим душеприказчиком Макса Брода и завещал все неизданное сжечь, а Брод нарушил завет друга и издал все, что можно было подготовить к печати и опубликовать. В силу обстоятельств произведения Кафки впервые увидели свет в еврейском «Издательстве Шокена» в 1935 году и произвели фурор. Немецкий «поэт-экспрессионист Манфред Штурман с изумлением обнаружил: “Евреи – наследники сокровищницы немецкого языка”»^[10]. Клаус Манн охарактеризовал издание произведений Кафки как: «самые высокие и значительные книги, которые вышли в Германии»^[11]. Герман Гессе писал: «Работы Кафки свидетельствуют о нашем страдающем поколении, чья душа рвется на части... Младший брат Ницше и Кьеркегора... он одарен искусством выражать неуверенность и муку, его мастерство волшебным ключом открывает нам путь к сумятице и трагическим картинам, но также к красоте и утешению!»^[12]

Никто из критиков не назвал Кафку еврейским писателем. Напротив, их поражали его немецкость и универсализм. Однако для получения цензурного разрешения к сочинениям Кафки пришлось присовокупить предисловие, пояснявшее, что это еврей-издатель выпускает еврейские истории. Обратимся же к рассказу «Сельский врач»^[13] и посмотрим, позволительно ли отнести его к еврейской литературе.

В рассказе «Сельский врач» обращают на себя внимание некоторые странные и необязательные на первый взгляд детали: неожиданное в заснеженном пространстве сюжета сравнение лошадей с верблюдами, обидные песенки детей, а главное – навязчивое внимание рассказчика к шубе. Мотив шубы побуждает сопоставить текст Кафки с библейскими историями о пророке Элияу и его преемнике Элише. Вот что сказано о передаче «Духа Б-жьего», которым был осенен Элияу (II Млахим, 2):

1. И было: когда Г-сподь захотел вознести Элияу в буре на небо, шел Элияу с Элишей из Гильгала... 8. И взял Элияу плащ свой, и свернул, и ударил им по воде, и расступилась она, и перешли оба посуху. 9. И вот, когда они перешли, Элияу сказал

Элише: «Проси, что для тебя сделать, прежде чем я буду взят от тебя». И сказал Элиша: «Да будет, прошу, Дух, который на тебе, на мне вдвойне». 10. И сказал тот: «Трудного ты просишь. Если увидишь, как я буду взят от тебя, сбудется с тобой это, а не увидишь – не сбудется». 11. И было: идут они себе и беседуют, а тут – колесница огненная и огненные кони; и разделили их, и поднялся Элияу в буре на небо. 12. Элиша же, увидев это, воскликнул: «Отец мой, отец мой, колесница Израиля и конница его!» И не видел его более. И схватил он одежды свои и разодрал их надвое.

13. И поднял плащ Элияу, упавший с того, и пошел назад, и стал на берегу Иордана; ¹⁴. И взял плащ, упавший с Элияу, и ударил им по воде, и сказал: «Где Г-сподь, Б-г Элияу?» Ударил он по воде – расступилась она, и перешел Элиша. ¹⁵. И увидели его сыны пророческие, которые в Иерихоне, по ту сторону [Иордана], и сказали: «Покоится Дух [бывший на] Элияу, на Элише». И вышли навстречу ему, и поклонились ему до земли...

23. Когда он шел дорогою, малые дети вышли из города и насмеялись над ним и говорили ему: Иди, плешиивый! Иди, плешиивый!

24. И оглянулся он, и увидел их, и проклял их Именем Г-сподним...

Магический предмет, экспликация «Духа», бывшего на Элияу и перешедшего к Элише, – в русском переводе «плащ», а на иврите «адерет» – был одеянием из овечьих или козьих шкур, и позволительно распознать тот же символ в шубе врача. Слово «шуба» появляется в рассказе «Сельский врач» семь раз, чем ближе к концу, тем чаще. Однако смысл мотива проясняется лишь на фоне еще одной параллели с библейским текстом, а именно – с эпизодом, где Элиша возвращает к жизни умершего мальчика (II Млахим, 4):

32. И вошел Элиша в дом, и видит – мертвый отрок лежит на постели его. 33. И вошел, и закрыл дверь перед ними [матерью мальчика и слугой], и помолился Г-споду. 34. И поднялся на кровать, и возлег на мальчика, и приложил рот свой к его рту, и глаза свои к его глазам, и ладони свои к его ладоням, и простерся на нем; и стало теплым тело мальчика. 35. И встал, и прошелся по комнате взад и вперед, и опять поднялся на кровать и простерся на нем. И чихнул отрок раз семь, и открыл отрок глаза.

Нельзя не увидеть сходства между этим эпизодом и тем, как у Кафки деревенские жители укладывают врача в постель к больному: «...они берут меня за голову и за ноги и относят в постель. К стене, с той стороны, где рана, кладут меня. А потом все выходят из комнаты; дверь закрывается». Сходство проявляется и в том, что, подобно Элише, не знавшем о смерти мальчика, как сказано: «душа ее [матери] скорбит, а Г-сподь скрыл это от меня» (II Млахим, 4:27), врач в рассказе Кафки тоже сначала счел мальчика здоровым: «Все так, как я и предвидел: мальчик здоров».

На фоне сходства отчетливо проступает различие: пророк Элиша воскресил отрока, а сельский врач не помог больному. И тут стоит вернуться к мотиву шубы и проследить за появлением этого слова-символа в рассказе.

1. «<...> запахнувшись в шубу, с саквояжиком в руке, я стоял среди двора, готовый ехать» – первое упоминание нейтрально: шуба – атрибут врача, отправляющегося к больному зимним вечером.

2. «“Сейчас же еду домой”, – решаю я, <...> но позволяю сестре больного, которой кажется, что я оглушен духотой, снять с меня шубу». – Врач не распознал

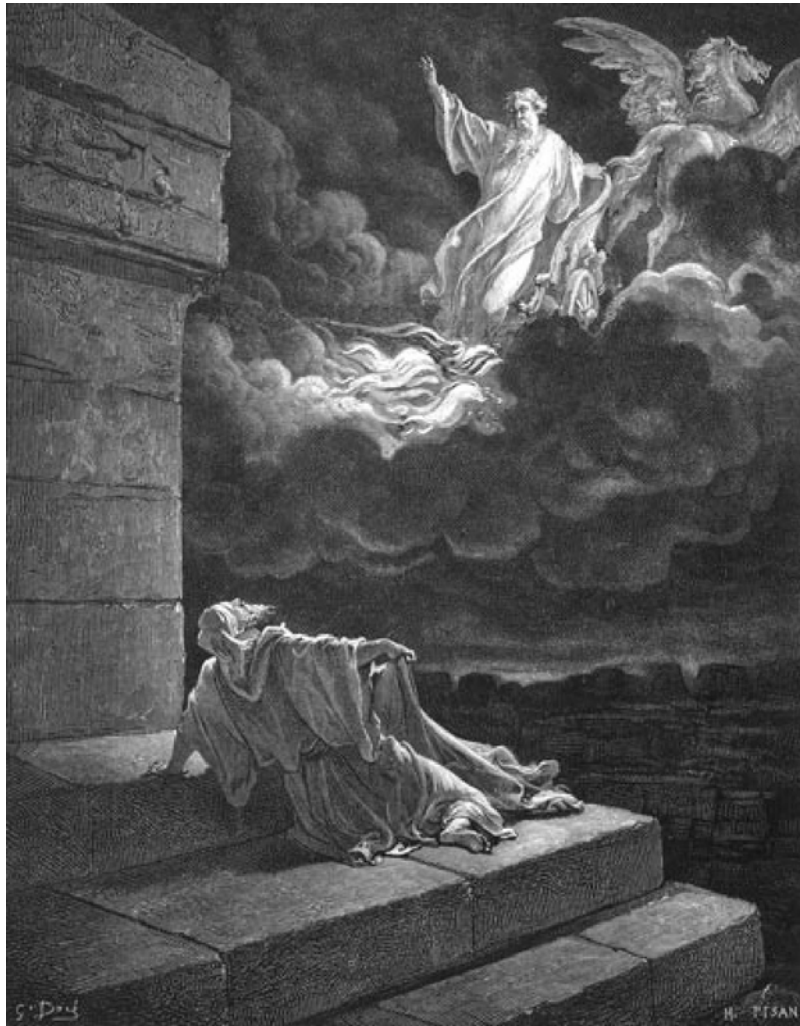
болезни, а потому не должен врачевать – и не мешает одному из окружающих снять с себя шубу.

3. «Что ж, пора кончать визит, снова меня зря потревожили <...> Но когда я захопываю саквояжик и кивком прошу подать мне шубу, между тем как семейство стоит и ждет <...> у меня возникает сомнение, а не болен ли в самом деле мальчик?» – Врач хочет надеть шубу и тут-то оказывается на высоте профессии: он подозревает, что проглядел болезнь и готов исправить свою ошибку. Иначе говоря, контакт с шубой делает врача врачом.

4. «Я собрал в охапку платье, шубу и саквояжик; одеваться я не стал, это бы меня задержало». – Врач уже признал свое профессиональное бессилие: он не помог мальчику, а шуба, между тем, так и не побывала на враче, хоть и находилась поблизости. Теперь он взял шубу, но все еще не надел ее.

5. «<...> я кинул свой узел в коляску; шуба пролетела мимо и только рукавом зацепилась за какой-то крючок. Ничего, сойдет».

6. «Упряжь волочитя по земле, лошади еле связаны друг с другом, коляска треплется из стороны в сторону, шуба последней бороздит снег». – Два последних контекста показывают, что врач не придает особого значения тому, чтобы надеть шубу. Он не чувствует нужды в ней, потому что полагает быстро оказаться дома и лечь в теплую постель; так шуба постепенно оказывается все дальше от героя.

Яков на пути в Египет. Гюстав Доре.

Прежде чем процитировать последний, седьмой фрагмент со словом «шуба», подведу предварительный итог: магический плащ, подхваченный Элишей, наделил его пророческим даром и способностью творить чудеса, в том числе исцелять больных. Писание, вообще говоря не отличающееся обилием подробностей, многократно сообщает о неколебимой вере общавшихся с Элишей в то, что перед ними «Б-жий человек». Так верят «сыны пророческие», так верит Шунамитянка, причем еще прежде, чем Элиша творит чудеса. Единственные, кто не распознает в Элише пророка, – это дети, поющие свою песенку-дразнилку. Писание умалчивает о судьбе адерет, но можно предположить, что Элиша не расставался с наследством Элияу.

Не так сложились обстоятельства, в которых оказался врач. Позвавшие его люди не верили в его способность исцелять. Как поет хор школьников во главе с учителем в дразнилке, сочиненной Кафкой:

Daçááí üòá ááá, è íí èññáèèò,

À íá èññáèèò, òàé óáéòá!

Ááüü yòí áðà:, áññá èèóü áðà:...

И сам герой тоже не верит в свое могущество. Неожиданно для человека науки, он начинает рассуждать о вере и религии: «Таковы люди в наших краях. Они требуют от врача невозможного. Старую веру они утратили, священник заперся у себя в четырех стенах и рвет в клочья церковные облачения; нынче ждут чудес от врача, от слабых рук хирурга». Здесь обращает на себя внимание еще один аналог адерет: «церковное облачение», которое лишившийся влияния и веры паствы священник рвет в клочья за не востребованностью.

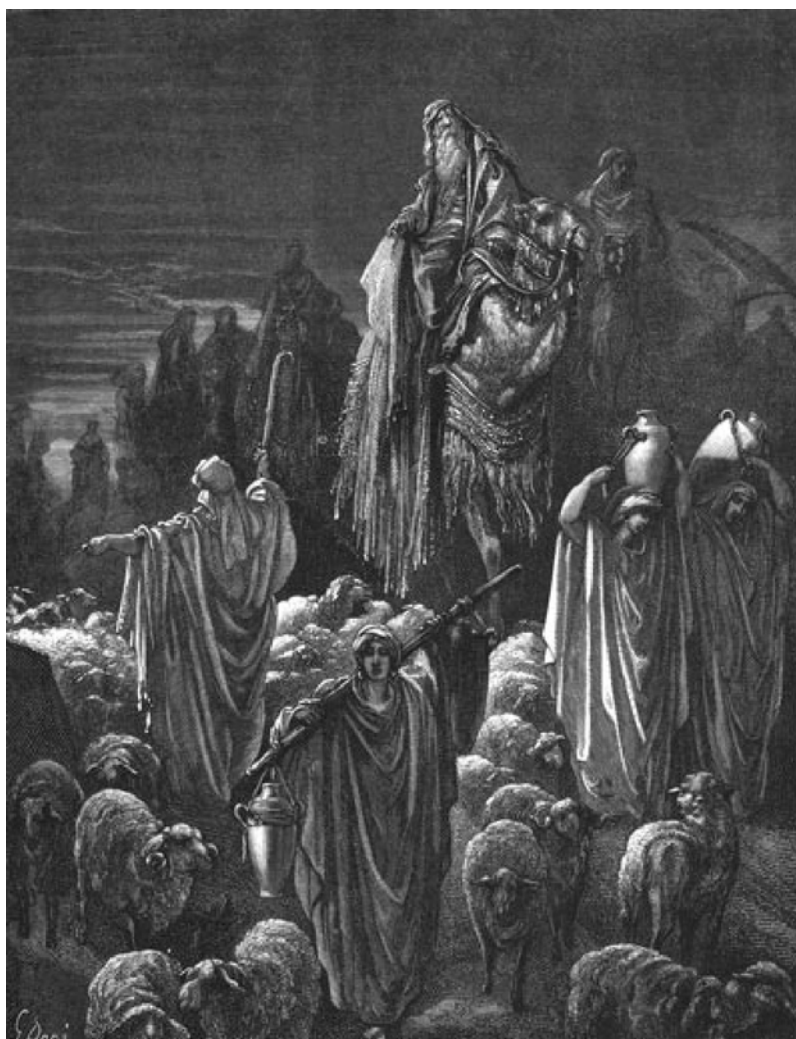
Кафка открыто вводит в рассказ актуальную для него проблематику: живучесть еврейской традиции и обращение к ней людей, воспитанных в духе рационализма. Отчаяние героя вызвано не тем только, что он не сумел исцелить больного. Его причина существенно глубже. Это – кризис веры и бесплодность безверия, о чем Кафка написал словами резонера на богато декорированной театральной сцене:

Голый, выставленный на мороз нашего злосчастного века, с земной коляской и неземными лошадьми, мыкаюсь я, старый человек, по свету. Шуба моя свисает с коляски, но мне ее не достать, и никто из этой проворной сволочи, моих пациентов, пальцем не шевельнет, чтобы ее поднять. Обманут! Обманут! Послушался ложной тревоги моего ночного колокольчика – и дела уже не поправишь!¹⁴

Это седьмое появление шубы в рассказе. А «проворная сволочь» отличается именно своей непроворностью, нежеланием обслужить и услужить, признать авторитет и подвигнуть на великое деяние.

В годы, предшествовавшие написанию рассказа, Кафка с увлечением слушает и читает хасидские истории, где часто фигурируют загадочные возницы, кони с «говорящими» кличками, символические вожжи и кнуты. Если принять, что Библия и хасидские истории служили подтекстами к рассказу, он естественным образом станет еврейским произведением, вопреки всему его христианско-европейскому антуражу. И сравнение точеных лошадиных морд с верблюдами покажется отзвуком ориентальной экзотики, ключиком-намеком, открывающим дверцу в сокрытый от беглого взгляда тайник.

Желая упредить скептическую критику моего еврейского прочтения рассказа Кафки, которое выявило в этом символическом, а не аллегорическом произведении пласт идей, будораживших тогдашнее еврейское общество: проблемы национальной и культурной идентичности, политической лояльности, религии и атеизма, приведу выдержку из замечательного эссе Вирджинии Вульф «The Russian Point of View»:

Элияу возносится в небо на огненной колеснице. Гюстав Доре.

Мы выносим суждение о целой литературе, когда с нее сняты покровы стиля. Когда вы заменяете каждое слово предложения с русского на английское, тем самым слегка изменяя смысл, звучание, весомость и относительную значимость слов в окружении их соседей и в более широком контексте, не остается ничего, кроме неотесанной, примитивной версии смысла. Подвергнутые такой обработке, которую можно уподобить землетрясению или железнодорожному крушению, русские писатели предстают лишенными не только платья, но и чего-то более неуловимого и существенного – своей манеры, своих идиосинкразий, неповторимых черт своего характера. Что остается – так это (как доказало фанатичное восхищение английской читательской публики) нечто чрезвычайно мощное и впечатляющее, но трудно ощущать уверенность – ведь в свете всех этих повреждений как слабо мы можем себе доверять! – что ты не приписываешь им свое, не искажаешь, не вычитываешь в них нечто совершенно ложное¹⁵.

Все вышесказанное справедливо и для моей интерпретации Кафки: любые рассуждения мало убеждают, коль скоро за точку отсчета принимается слово русского языка. Но если в работах разных переводчиков находишь словесные пересечения, подтверждающие твои выводы, отметить их делается труднее. Мне повезло. Образность и словарь рассказа «Сельский врач» повторены Кафкой в дневниковой записи:

Независимости не добьешься, если не обращать на это внимания, но не обращать на это внимания нельзя; независимости можно добиться только привлечением новых сил. Правда, здесь случаются неожиданности, с этим должен согласиться самый отчаявшийся человек; бывает, из ничего появляется нечто, из заброшенного свинарника вылезает кучер с лошадьми.

(27 үй á 1922)

Разрядкой я выделила слова, отсылающие к нашему рассказу: «Я по рассеянности толкнул ногой шаткую дверцу, ведущую в заброшенный свиной хлев. <...> В низеньком чуланчике, согнувшись в три погибели, сидел какой-то дюжий малый <...> и два могучих коня, прижав ноги к брюху и клоня точеные головы, как это делают верблюды, играя крутыми боками, едва-едва друг за дружкой протиснулись в дверной проем».

И наконец, цитата из тома разрозненных отрывков Кафки:

Не инертность, не злая воля, не неумелость... заставили меня потерпеть неудачу во всем или даже позволили мне потерпеть неудачу, а отсутствие почвы, воздуха, закона. <...> Меня не вела по жизни, по правде говоря, уже трясущаяся рука христианства, как Кьеркегора, и я не смог ухватиться за кончик ускользающего еврейского плаща, как это сделали сионисты. Я конец или начало ^[11] (разрядка моя. – З. К.).

«Ускользающий еврейский плащ» и «свисающая с коляски шуба, которую не достать» – равно метафоры, парафразирующие современным языком преимущественную духовную суть еврейства, наиболее ярко явленную у библейских пророков и ставшую центральной ценностью в хасидизме. В этом плане рассказ «Сельский врач» свидетельствует о бессилии героя, на которого возложена особая миссия ответственности за деревенских жителей, как на сынов Израилевых – за мироздание и человечество («быть царством священников и народом святым»). Стоящий за героем автор-еврей не может ни черпать из колодца традиции, ни соответствовать навязываемой ему новой универсалистско-ассимиляторской модели еврейского существования.

[1] Claude David. Franz Kafka. 1989. Гл. 13. Русск. пер. <http://vehi.net/kafka/biograf/13.html>.

[2] Г. Гессе. О толкованиях Кафки. 1956. Рус. пер.: <http://www.hesse.ru/books/articles/?ar=25>.

[3] Martin Buber. Briefwechsel, Band I: 1897–1918. Jerusalem, 1982. P. 373.

[4] Шолем Г. Дварим бе-го. Тель-Авив, 1975. С. 455.

[5] Брод М. О Франце Кафке. СПб., 2000. С. 178.

[6] Claude David. Гл. 7.

[7] Вайс Р. Современный еврейский литературный канон. М. – Иерусалим, 2008. С. 118–123.

[8] Claude David. Гл. 11.

[9] Там же.

[10] Давид Э. Сефер а-маасим. Тель-Авив, 2006. С. 255.

[11] Mann K. Dank für die Kafka-Ausgabe // Die Sammlung Literarische Monatschrift 11, 1935. S. 664.

[12] Давид Э. С. 246.

[13] Все цитаты из рассказа в переводе Р. Гальпериной взяты с сайта: http://lib.ru/KAFKA/kafka_vrach.txt.

[14] Неземные кони, аналог огненных коней, посланных с Небес за пророком Элияу, имеют в рассказе человеческие имена – Братец и Сестричка. Как кажется, образы этих коней – второй, наряду с шубой, ключевой еврейский мотив рассказа, но его анализ в свете хасидских историй выходит за рамки настоящей статьи.

[15] Woolf V. Mrs. Dalloway and Essays. Moscow, 1984. P. 250. (Перевод мой. – З. К.)

[16] Claude David. Гл. 13.

МЫ РЕШИЛИ ОСТАТЬСЯ

Беседу ведет Хана Гопин

Когда из жизни уходит человек, мир меняется. Поэт-метафизик Джон Донн говорил: «Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе, каждый человек есть часть Материка, часть Суши; и если Волной снесет в море береговой Утес, меньше станет Европа, и так же, если смочит край Мыса или разрушит Замок твой или Друга твоего; смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол: он звонит по Тебе». Когда из жизни уходит молодой человек или два молодых человека, как ушли раввин Гавриэль Гольцберг, руководивший центром Хабада в индийском Мумбаи, и его супруга Ривка Гольцберг, когда уходят так, как ушли они, материки не просто умаляются, – дают трещину. Сохранить их и единство человека со всем Человечеством возможно, если не забывать, помнить всех, кто был Его частью.

Еще вчера рабанит Ривка Гольцберг была частью Человечества, а сегодня, скорбя и вспоминая о ней, мы публикуем интервью, напечатанное в луганском журнале «Мир еврейской женщины» (2005, № 62), которое взяла у Ривки главный редактор журнала рабанит Хана Гопин. Это интервью называлось «Привет с Востока». Сегодня такое название показалось нам неуместным: мы его воспринимаем уже иначе. В этом коротеньком интервью уместилась вся жизнь Ривки Гольцберг, за исключением последних трех с лишним лет. А некоторые высказывания героини поражают своей судьбоносностью, например, такое: «<...> хасидское воспитание дало себя знать, и спустя некоторое время мы подумали: “Наверное, это испытание, которое должны выдержать!” Поэтому решено было остаться в Мумбаи». Формально это интервью еще вчера показалось бы нам незавершенным, однако сегодня, когда мы знаем, как оборвался земной путь Ривки, разговор о Хабаде, обрушившемся на Индию цунами и чудом

уцелевших еврейских туристах на «удивительно красивых» островах приобретает иной смысл и придает интервью завершенность, возможную только в случае ухода человека из жизни.

– Ривка, могли бы вы рассказать о себе и о своей семье?

– Я родилась в Афуле (Израиль), этот город расположен в Изреэльской долине. Мои родители – Шимон и Йеудит Розенберг – были посланы Ребе в Афулу тридцать три года назад. Я росла в атмосфере полной самоотдачи и помощи ближнему. В нашем доме всегда были гости. Я окончила хабадскую школу, а потом продолжила образование в педагогическом колледже «Бейт Ривка» в Кфар-Хабаде. Три года назад я вышла замуж за рава Гавриэля Гольцберга. После свадьбы мы поселились в Мигдаль-а-Эмек, там мой муж учил Тору в колеле, а я работала учительницей в школе. Сегодня мы живем в Индии, в промышленном и торговом центре Мумбаи. Мы руководим работой «Бейт Хабад».

– Как появилась идея отправиться в Индию?

– Еще до встречи с моим будущим мужем я знала, что выйду замуж за парня, одержимого идеей шлихута. Поэтому почти сразу после свадьбы мы обратились к лицам, отвечающим за работу с посланниками в Израиле и США, и начали интересоваться имеющимися вакансиями.

– Были ли у вас другие предложения, и если да, то почему вы выбрали Индию?

– У нас были заманчивые варианты и в Израиле, и в США (мой муж уроженец Нью-Йорка и свободно говорит по-английски). Также предлагали работать на Дальнем Востоке. Вначале мы всерьез рассматривали этот вариант, поскольку он нравился моему супругу. Но предложение открыть «Бейт Хабад» в совершенно новом месте, где ничего подобного (никаких ортодоксальных еврейских организаций) никогда ранее не было, восхитило нас. Для начала мы решили съездить туда на две недели, чтобы посмотреть город и условия. Что я могу вам сказать? Это был полный шок. Жуткая жара окутала нас сразу же, как только мы спустились по трапу. А запах, который витал повсюду... Я до сих пор не могу его описать. (Надо сказать, спустя полтора года, я почти привыкла и уже не замечаю его.) Мы вышли из аэропорта, молодая пара с маленьким ребенком, и мгновенно оказались окружены огромной толпой людей. Каждый предлагал нам помощь в качестве носильщика, чтобы заработать несколько монет. В конце концов мы смогли освободиться от них и взять такси, которое отвезло нас в отель в центре города. За две недели мы получили множество впечатлений. Их хватит на несколько длинных историй. В итоге мы единодушно пришли к выводу, что город нам не слишком нравится и мы не хотим оставаться здесь. Однако хасидское воспитание дало себя знать, и спустя некоторое время мы подумали: «Наверное, это испытание, которое должны выдержать!» Поэтому решено было остаться в Мумбаи.

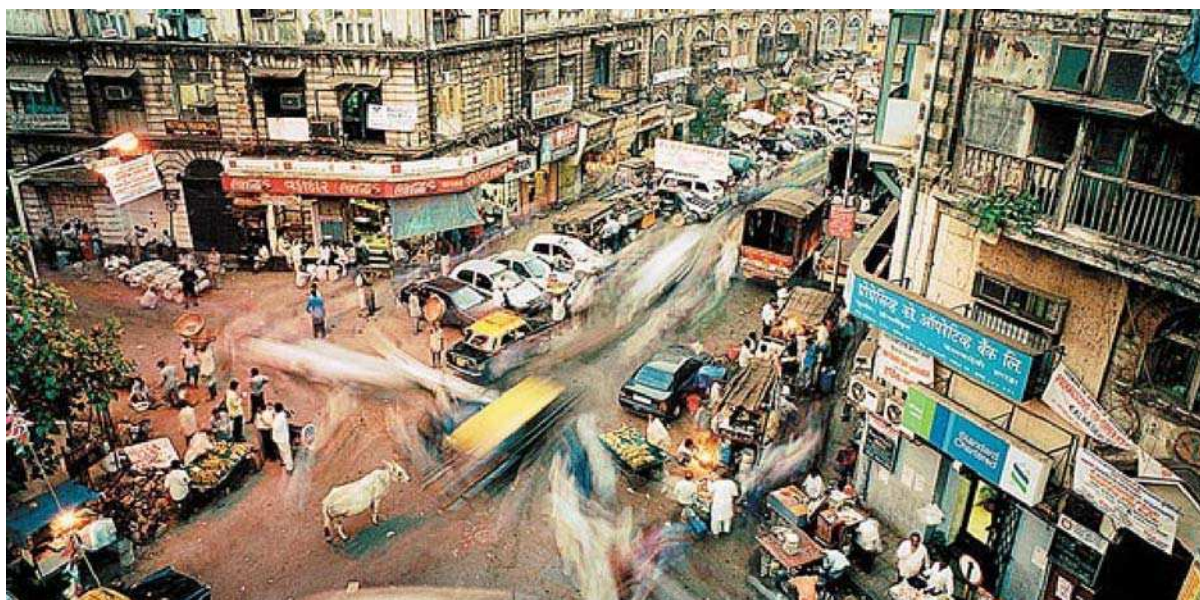
– Расскажите немного о стране: ее расположении, языке, экономическом и политическом положении.

– Британцы правили здесь до 1948 года. Их влияние ощущается до сих пор: в языке – очень много людей говорит по-английски, – в стиле, в сфере законодательства, в дорожном движении... Индия богата полезными ископаемыми, ее экономическое положение постепенно улучшается, хотя, возможно, это пока не совсем заметно. Деньги оседают у небольшой группы людей, составляющих верхушку политической и деловой

элиты и не доходят до нуждающихся. Индия – страна противоречий. Здесь небоскребы соседствуют с жалкими лачугами, богачи с оборванными нищими. Государство состоит из нескольких штатов (Махараштра, Гоа и других), почти в каждом из них свое наречие или язык. Языком международного общения является английский.

Погода у нас в Мумбаи жаркая и влажная круглый год. Чтобы было понятно, скажу так: в нашем гардеробе нет свитеров и пальто. Холодно не бывает! И всю работу кондиционеры.

В индийском обществе существовала кастовая система. Сегодняшним законом она запрещена, однако пережитки ее еще очень распространены. Еврейская община Индии сильно отличается от остальных общин мира. Местные евреи не называют себя иудеями. Они говорят: «сыны Израиля». Основателями общины стали семь еврейских семей, уцелевших во время кораблекрушения, которые сумели добраться до побережья и поселились в Мумбаи. Они хранили традиции, насколько могли. Было это еще в эпоху Второго храма.

– От чего вы испытали первый шок, когда прибыли на место?

– Вся Индия – это первый шок! Шум, давка, толчея, огромное количество домашних торговцев, инвалидов (которых таковыми умышленно делают родители). Вот, пожалуйста, восемь признаков типичного индуса. Первый: время на его ручных часах не совпадает со временем на часах его приятеля. Второй: он ценит и уважает все, что связано с любой духовной системой или религией. Третий: он не может сказать «нет». И даже если он не знает нужного пути, все равно поведет вас, пусть даже в противоположную сторону. Четвертый: он ест очень острые блюда. Пятый: предпочитает сидеть на полу (дада, и женщины тоже), а не на стульях. Шестой: он улыбчив и весел, независимо от того, богат он или беден. Седьмой: не стесняется просить «на чай», даже если выполняет работу за деньги, как, например, почтальон. Восьмой: индус носит дхути, традиционную одежду мужчин, – кусок ткани, обернутый вокруг бедер, напоминающий юбку. Женщины носят сари – длинную ткань, которая закрывает целиком все тело.

А вот три главные трудности на начальном этапе и как с ними справиться. Первая: поиск квартиры в Мумбаи. С этим сталкиваются все иностранцы. У нас это заняло три месяца. Мы почти что отчаялись, я уже хотела вернуться домой. Но мы взяли себя в

руки. И все от Всевышнего: нам удалось найти для «Бейт Хабад» прекрасный номер «пентхауз» в гостинице, напротив моря, по подходящей цене. Вторая: на чужого человека местные смотрят как на наживу. Когда тебе нужна помощь, ты не знаешь, на кого положиться. Помогут тебе или же попытаются выудить как можно больше денег?.. Это трудно понять тому, кто привык помогать безвозмездно. Третья: чувство, что твоя семья находится далеко. Но сегодня есть Интернет в режиме онлайн и телефон, и близкие люди всегда могут поддержать тебя. А когда становится совсем неважно, мы едем в Израиль навестить родных.

«Среди этих туристов были люди, посещавшие наш “Бейт Хабад”, они очень обрадовались, увидев моего мужа».

– Я слышала замечательную историю, которая произошла с вашим мужем, когда на Индию обрушилось цунами. Не могли бы вы ее рассказать?

– Полгода назад весь мир с тревогой и надеждой следил за последствиями цунами – ужасной катастрофы, обрушившейся на Таиланд, Индонезию и Индию. Индии принадлежит несколько удивительно красивых островов: Андаманские острова и Никобар, их посещает множество туристов. В результате цунами связь с островами прервалась. А в это время на Андаманских островах находилось около 120 евреев из Израиля и США. Телефоны в нашем офисе буквально разрывались от многочисленных звонков родственников этих людей, пытавшихся узнать хоть какую-нибудь информацию о своих близких. Мой муж решил, что должен лично поехать на место и узнать их судьбу. Вначале никто не соглашался доставить его на Андаману. Перевозчики были в шоке. В конце концов ему удалось попасть на остров, где он, к своей величайшей радости, узнал, что все еврейские туристы, слава Б-гу, целы и невредимы. Интересно, что они даже не знали, что произошло, не знали, что об их судьбе беспокоится столько людей. На Андамане привыкли, что связь с окружающим миром периодически пропадает на некоторое время. Среди этих туристов были люди, посещавшие наш «Бейт Хабад», они очень обрадовались, увидев моего мужа. Муж привез с собой спутниковый телефон, и туристы получили возможность позвонить своим близким, успокоить их. Многие с радостью согласились надеть тфилин. Была устроена благодарственная трапеза – за спасение, дарованное Всевышним. Ведь несколько соседних островов полностью оказались под водой.

ЯПОНСКИЕ БОТИНКИ, РУССКАЯ ШАПКА И ПАКИСТАНСКИЕ ТЕРРОРИСТЫ

На четыре вопроса отвечают: Александр Гольц, Яков Кедми, Леонид Радзиховский, Павел Фельгенгауэр

אֲנִי הָיוֹתִי בְּיָמַי אֶלֶּם אֶלֶּם אֶלֶּם אֶלֶּם

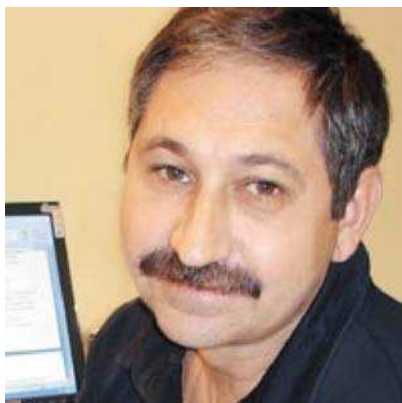
Помню, как родители пели, если было у них хорошее настроение: «Разодет я как картинка, я в японских ботинках, в русской шапке большой и с индийской душой». Знаменитая песенка Раджа Капура из не менее знаменитого фильма юности моих родителей вряд ли раскроет секрет индийской души... «Бродягу» мне удалось посмотреть в моей далекой юности, хоть не являюсь я поклонником индийского кино. Из всего фильма на годы запомнил деталь, поразившую правдивостью, а именно: как кинобродяга Радж Капур носил складень. Он носил его в приоткрытом положении, так, чтобы брючный ремень проходил между лезвием и рукояткой ножа. Как было мне, родившемуся на блатной Второй Параллельной, не оценить этой незаметной скромной детали, говорившей о многом, быть может, даже в некотором смысле и об индийской душе. Познать которую веками стремилось человечество, однажды спутавшее Америку с Индией.

Читая десятки сообщений о теракте в Мумбаи, я искал ту самую одну деталь, маленький штришок, с помощью которого можно было бы узнать хотя бы относительную правду о страшных событиях. И я нашел. Это были слова председателя общины «Кнесет Элияу» Соломона Софера, чья синагога расположена рядом с «Бейт Хабад». Я почувствовал, чего стоило ему произнести: «Я на сто процентов уверен в том, что теракт не был направлен именно против евреев, мусульмане никогда не причиняли нам вреда. Эта варварская акция направлена не против евреев, но против США, Англии и Израиля». С помощью этих слов председателя, вне всякого сомнения сказанных исключительно во имя безопасности и благополучия своей общины, я и сложил картину случившегося. Вот, значит, каково там индийским евреям, вот кем прикрылся председатель, вот, значит, против кого террористы. Мне скажут: Америку открыл. Да в том-то и дело, что не об открытии речь, скорее уж о закрытии. А тут еще и финансовый кризис на руку экстремистам грянул, и Россия, с колен поднявшись, готова возглавить фронт против мирового двора во главе с Мазарини-США.

Что ж, самое время сомалийских пиратов запускать, нападать на «Тадж-Махал» и еврейские центры. Тем паче что Америка, Англия и Израиль, упомянутые председателем, хоть и носят складные ножи, но как-то все не так в последнее время, и в ход пускают их все с меньшей охотой. Это чувствуют и террористы, и их вдохновители, прикрывающиеся исламом и тем самым дискредитирующие его. Допускаю, что я неправ. Возможно, мои собеседники поправят меня.

ОТДЕЛИТЬ ЕВРЕЕВ ОТ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ ОЧЕНЬ СЛОЖНО

*Àëàèñàí äð Áíëüü, çàì àíòèòàëüü äëàáííãã ðàààèòíðà èíòàðíàò-èçààíèëü
«Àæàáíí àáí ùé æóðíí àë»*

– Более двух суток полиция вела ожесточенные перестрелки с десятью террористами. Не говорит ли это в пользу того факта, что полиция Индии оказалась совершенно не готова к такого рода событиям?

– Это говорит, прежде всего, о том, что любая полиция любого города не слишком готова к отражению таких атак. Ведь надо иметь в виду, что проблема с подобного рода атаками заключается в том, что террористы просто прикрываются заложниками. В отличие от полиции, у террористов нет задачи спасти жизни заложников. И в этом, как мне кажется, главная проблема. Ведь речь не идет о бое, открытом бое, речь идет о том, чтобы полиция защитила заложников и спасла максимальное количество жизней. У террористов задача прямо противоположная и довольно легкая. Тут есть и еще один важный момент: любое боестолкновение такого рода дает шанс полиции лишь в случае, если противник собирается уйти живым. Здесь, как я понимаю, мы имели дело со смертниками. У них задача была убить максимальное количество мирных жителей и «героически» погибнуть при этом. Из чего напрашивается вывод: их вполне могло быть десять человек, но могло быть и больше.

– Нью-Дели потребовал от властей Исламабада выдачи наиболее одиозных главарей экстремистских и террористических групп, которые ведут подрывную деятельность против Индии. Какую позицию займет Пакистан?

– Я не специалист в индо-пакистанских отношениях, но, насколько я понимаю, ситуация такова, что Пакистан, может быть, и рад был бы выдать кого-нибудь, только этого «кого-нибудь» надо еще найти, надо арестовать. Экстремистские исламистские группировки являются головной болью нынешнего Исламабада. Поэтому, даже если отложить вопрос о престиже – а мы знаем, насколько сложны отношения между Индией и Пакистаном, – выдача пакистанских граждан Индии, да и не только Индии, любому другому государству уже сама по себе является проблемой. Подозреваю, сделать это, даже если бы Пакистан имел такую возможность, было бы весьма и весьма сложно.

– Индийскую няню Сандру, спасшую из захваченного террористами общинного центра Хабада двухлетнего Моше Гольцберга, собираются удостоить звания Праведницы народов мира. Вам не кажется, что следовало бы выдержать небольшую паузу, повременить хотя бы чуть-чуть и не пиарить с такой интенсивностью это бесспорно справедливое решение?

и конфликт примет менее угрожающие формы. Проблемой, и существенной проблемой, – как до теракта, так и в связи с ним – в данном случае является вот что: насколько реально сильным окажется нынешнее правительство Пакистана, сможет ли оно обеспечивать безопасность страны, его суверенность и устойчивое положение в регионе. Ни для кого ведь не является секретом, что на территории Пакистана уже не первый год активно действуют террористические группы, и поддерживаются они в значительной мере военным сообществом этой страны и ее спецслужбами. Не будем также забывать, что и «Талибан», как движение и как террористическая организация, был создан ими же, и его основной целью были и остаются операции в Индии, в основном в Кашмире. Вообще, смычка между террористами, экстремистскими мусульманскими движениями и представителями спецслужб Пакистана, работающая зачастую без какого-либо разрешения правительства, является сегодня чрезвычайно серьезной угрозой как для самого Пакистана, так и для сопредельных с ним государств. Естественно, специалисты, не понаслышке знакомые с этим регионом, тревожатся: а сможет ли Пакистан в какой-то момент противостоять им, хватит ли у него сил? Убедительным доказательством того, что сомнения эти отнюдь не беспочвенны, является тот факт, что жену нынешнего президента Азифа Али Зардари, премьер-министра Пакистана Беназир Бхутто, которая в свое время была наиболее вероятным кандидатом на пост главы страны, убили исламские террористы из Пакистана.

– Говорят, что израильские спецслужбы неоднократно предупреждали Индию о готовящихся терактах, однако власти Мумбаи то ли из-за кризиса, то ли из-за еще чего-то, нам пока что неведомого, сняли посты охраны у отелей, которые были захвачены террористами. Насколько спецслужба одной страны прислушивается к предупреждениям спецслужбы другой страны? Как бы повели себя израильские спецы, если бы их предупредили, скажем, из Москвы, о готовящемся, не дай Б-г, в Иерусалиме теракте?

– Вообще-то, обмен информацией между спецслужбами происходит постоянно. Если бы у израильских спецслужб была какая-то конкретная информация на тот момент, уверен, они бы предупредили индусов, но такой информации, к сожалению, не было, насколько мне известно. Предупреждение Индия получила не от Израиля, а от США. То, что ЦРУ предупреждало индусов, – стопроцентный факт. Собственно говоря, это не скрывали и сами индусы. Индийские спецслужбы получили информацию и еще от кого-то, но от кого конкретно – не знаю. Скорее всего, это могли быть европейские державы. Может, Англия, может, кто-то еще, у кого в этом регионе традиционно хорошо налаженные связи. Пакистан – страна достаточно удаленная от Израиля, чтобы держать там серьезную агентурную сеть. У американцев и сил, и интересов в этой стране больше. Еще раз повторю: во всем мире принято делиться подобного рода информацией. Но есть тут одно «но»... Далеко не всегда информация приходит в таком виде, чтобы ее можно было принять как достоверный факт. Достоверность информации напрямую зависит от ее источника, однако ни одна спецслужба никогда не раскроет другой спецслужбе свои источники информации. Уверен, Индия получила сотни сообщений о готовящемся теракте – как от своих спецслужб, так и от чужих. Задача в другом, и очень сложная, если к ней подходить с профессиональной точки зрения: на какое именно из сообщений следует незамедлительно отреагировать должным образом. То есть я хочу сказать, что если и были предупреждения насчет Мумбаи, то были еще десятки предупреждений, которые касались, скажем, Дели или Кашмира, других мест Индии... Как тут определишь, в каком именно месте произойдет теракт? Задним умом мы ведь все крепки. Никто сейчас не скажет, получила ли Индия ту самую конкретную информацию (в такое-то место в такое-то время придут такие-то люди, числом во столько-то человек...), после

обработки которой смело можно привести спецчасти в полную боевую готовность. Я думаю, такой информации у Индии не было.

– Я слышал, наши специалисты, имеются в виду российские, исходя из подсчета захваченных в Мумбаи объектов, количества жертв, общих масштабов нападения, оценили число террористов как не менее пятидесяти. С какой скоростью расстреливаются рожки, если стреляешь очередями, знают отслужившие в армии. На человека четыре-шесть рожков – и вот такое натворить? Изменился автомат Калашникова или изменились жертвы – пропал инстинкт самосохранения? А как вам нравится фраза индийских СМИ: «Полицейские двигаются с этажа на этаж, вступая в перестрелки с террористами»? Интересно, в «Гадж-Махале» и «Оберое» сколько этажей, по пять на брата что ли, и как разделились те самые десять-двенадцать вездесущих террористов?

– Как вы знаете, один из террористов захвачен живым и уже дает показания. По этим показаниям, вероятнее всего, непосредственно участвовавших в терактах было десять человек. По крайней мере, о десяти террористах сообщают спецслужбы Индии. Я сейчас не говорю о тех, кто был задействован в обеспечении логистики до или после операции, так как они не принимали непосредственного участия в самом теракте. Эти люди играли иную, не менее зловещую роль, и эта иная роль – специфическая проблема, которой мы сейчас здесь касаться не будем. Насчет российских спецслужб. Видите ли, надо всегда принимать во внимание условия той страны, в которой происходит теракт. Россия – не Индия. Мумбаи – не Петербург. Количество людей, находящихся на одном квадратном метре на вокзалах Мумбаи, да и в других общественных местах Индии, намного превышает то количество, которое могут представить себе московские специалисты. Когда террористы ведут пулеметный или автоматный огонь очередями по такому скоплению народа, понятно, каким может оказаться количество жертв. Так что тут дело не в инстинкте самосохранения и, конечно же, не в автомате Калашникова. Но если бы план террористов был осуществлен полностью и им бы удалось взорвать гостиницу, которая была частично заминирована, счет жертв мог перейти на тысячи. Но то, что они натворили вдесятером, – с их точки зрения, успех колоссальный. Для большего следовало провести более сложные теракты, иметь больше взрывчатки или людей. К счастью для нас, у них такой возможности не было.

– Обычно «Аль-Каида» прибегает к акциям самоубийц-шахидов, что же случилось на сей раз в Мумбаи? Тактика террористов напоминает федаинскую: боевики подвергаются риску, но не используют смертников. Группировка «Моджахеды Деккана», заявившая об ответственности за теракты, скорее всего, их не совершала, за терактами, возможно, стоит другая группировка – «Индийские моджахеды». А могло быть такое, чтобы в терактах участвовало несколько группировок или, скажем, объединенная пакистано-индийская? Ведь, во-первых, теракт имеет мало отношения к кашмирским событиям, как утверждает большая часть СМИ, во-вторых – и это отмечают многие, – состав террористов становится все более и более интернациональным. Почему боевикам было не объединить свои усилия, в отличие от антитеррористических подразделений?

– То, что современный террор широко использует разные национальные группировки и даже людей, принадлежащих к разным конфессиям, – факт общеизвестный. Россия с этим столкнулась еще во времена чеченских войн... Помимо Хаттаба на стороне чеченцев, в их лагерях проходили подготовку представители многих народов. Мусульманами были далеко не все. Были выходцы с Дальнего Востока и с Ближнего, были и европейцы, были люди даже из Северной Европы... Пока что

интернациональный террор существует, опять-таки к счастью для нас всех, на уровне профессиональной подготовки террористов, сбора информации и скупки тех или иных материалов. Провести же террористическую операцию несколькими группировками очень сложно, потому что участники этой операции будут разными людьми, проходившими разную подготовку, к тому же они могут преследовать как одни и те же цели, так и совершенно разные. Естественно, в первую очередь каждый постарается обезопасить свое подразделение, свою организацию от проникновения других спецслужб. Никто не может гарантировать, что другая организация не находится под колпаком, не используется в игре спецслужб. Поэтому террористы предпочитают не проводить совместные операции. Обычно сотрудничают до определенной точки, чтобы не раскрывать секреты раньше времени. В последнее время пытаются организовать антитеррористический интернационал. Но надо признать, он пока что недостаточно эффективен, о чем говорят результаты. Однако сегодня обмен информацией между спецслужбами разных стран – союзниками и не союзниками – более интенсивен, чем раньше, и, думаю, интенсивность его со временем будет только возрастать. Потому что террор становится общей проблемой, и никто не может гарантировать, что он не дойдет до него. Это уже поняли руководители всех стран. Поэтому приходится сотрудничать даже тем, кто считал или считает себя противниками. Даже индийские спецслужбы сотрудничают с пакистанскими. Я не буду распространяться о том, с кем сотрудничает Израиль, но, уверен, это вызвало бы удивление многих как внутри нашей страны, так и за рубежом. Можно сказать однозначно, что большинство террористов – мусульмане индийского происхождения. Но отличить мусульманина индийского происхождения от пакистанского трудно, потому что Пакистан и Индия одного корня/происхождения, и тот, кто финансировал эту организацию, тоже по происхождению из Индии, но живет в Пакистане. Так что перед нами проблема скорее географического характера, нежели политического. Большой разницы нет, откуда будет тот мусульманин-террорист – из Лахора и Карачи или из Дели и Мумбаи. Главное, что почти все террористы принадлежат к мусульманской общине и все они проходили подготовку в рамках одной террористической организации, которая находилась в Пакистане.

ЭТО ДЕЛО ИНДУСОВ, НО НИКАК НЕ ИЗРАИЛЬТЯН

Ἐὰν ἴεᾷ Δαῖσος ὀϊστῆεε, ἀοὶστᾷ ἄεεϊνῶ

– Оказывается, наши спецподразделения чем-то (хотел сказать «неуловимым», но не хочется ерничать, не тот случай) напоминают индийские: их спецсы так же, как наши, сразу пошли на штурм, прекрасно зная, что рискуют жизнями сотен заложников. Правда, есть, как мне кажется, и различия. Ну хотя бы... Министр внутренних дел Шиврадж Патил подал в отставку, некоторые СМИ пишут, что и советник по национальной безопасности последовал его примеру. У нас бы такое самобичевание не прокатило, у нас в таких случаях уходят на «тихое» повышение?.. Говорит ли это, что в Индии сегодня правильно оценивают случившееся?

– За свои ошибки люди должны отвечать, и если антитеррористическая операция оказалась проваленной, ответственный за нее должен подать в отставку. Это элементарное правило, работающее во многих странах, правда, из этого абсолютно не следует, что новый начальник будет лучше предыдущего. Но есть также и страны, в которых отставка представителей власти, крупных политических деятелей невозможна. Какая была провальная история в Германии, на Мюнхенской олимпиаде в 1972 году, когда погибли одиннадцать членов израильской олимпийской сборной и, кажется, один немецкий полицейский. Я что-то не помню, чтобы кто-то из руководителей той операции ушел в отставку. Впрочем, не стану врать, давно это было. Конечно, ясно, что после таких провальных операций начальники должны уходить или «их должны уходить» в отставку, и столь же очевидно, что в России пока в отставку никто уходить не будет. Понятно почему: в России нет выборов, нет обратной связи с обществом.

– Как вам кажется, насколько скрупулезно спланирована акция террористов? Еврейский «Бейт Хабад» подвергся атаке по случаю или Ципи Ливни права: он входил в планы преступников? Если так, можно ли сказать, что израильская разведка махнулась?

– Мне по этому поводу сказать что-либо трудно. Судя по тому, что это были исламские террористы, наверное, не случайно, что они напали на еврейский центр. А израильская разведка – что, следит за всеми террористами, что ли?! Я вот не уверен, что израильская разведка отслеживает работу еврейских центров по всему миру и жизнь

вокруг них. Честно говоря, мне кажется, странно было бы, если бы израильская разведка занималась делами не только Израиля, но и делами международных еврейских центров. Однако настаивать не стану, сказать здесь более того, что я уже сказал, не могу.

– Израильтяне не имеют привычки оставлять безнаказанными тех, кто покушается на жизни евреев – граждан Израиля и не только. Как будет на этот раз, ведь след «Аль-Каиды» очевиден?

– Начнем с того, что утверждать точно, чей это след – «Аль-Каиды» или «Хизбаллы», сегодня вряд ли кто возьмется. И потом, слухи о якобы вездесущей израильской разведке очень сильно преувеличены. Это бесспорно полезный пиар для израильтян, но, как мне кажется, не более того. Далеко не все террористы, действующие в Палестине против Израиля, умирают от рук еврейских мстителей. По крайней мере, мы знаем точно, что нынешний руководитель «Хизбаллы», заваривший пару лет назад всю эту кашу в Ливане, жив и здоров. Да, многих убивают, но далеко не всех. Опять же возвращаясь к мюнхенской истории. Не все организаторы ее погибли, один, по-моему, до сих пор жив. Это что касается тех, кто занимается террором непосредственно на территории Израиля. Что ж говорить о тех людях, которые нападают на евреев вне Израиля. Очевидно, что подавляющее большинство из них не попадает в зону действия израильской разведки. Не спорю, может быть, они этого боятся; если так, это очень хорошо. Или же взять для примера нацистских преступников. Все помнят арест и казнь Эйхмана, но сколько предпочитают не помнить о сотнях и тысячах нацистских преступников, благополучно живших и продолжающих жить в Германии, Латинской Америке и, между прочим, на Ближнем Востоке. Многих приютили и в Сирии, и в Египте. Так что я очень сомневаюсь, что израильская разведка займется поиском тех людей, которые организовывали бойню в Мумбаи. Думаю, что по закону, по справедливости, по здравому смыслу возмездием должна заняться индийская разведка. Вне зависимости от того, плохая она или хорошая. Давайте не будем забывать, что среди погибших евреев меньше, чем индусов. И не все они, насколько я знаю, являются гражданами Израиля. Это дело индусов, но никак не израильтян.

– Не кажется ли вам, что человечество, я имею в виду его здравомыслящую и совестливую часть, которой и брошен вызов, как-то начинает привыкать не только к «бульдозерным» терактам, но и к мегатерактам? Россия, например, счастлива, что среди пострадавших нет россиян. Все СМИ, передавая эту информацию, будто вздохнули с облегчением, принимая правила игры: «кто же следующий? чур, не мы!».

– Люди ко всему привыкают. Это, наверное, в определенном смысле естественно. Собственно говоря, вообще о России речь не идет, поскольку в России не наблюдается ни малейшего сочувствия к жертвам терактов в других странах. По поводу 11 сентября в России было лишь глумление и рассказы о том, что это организовали сами американцы. Более того, когда случились события на территории России, я имею в виду теракт в Осетии, в Беслане, – в Риме вышли демонстрации сотен и тысяч людей, в России же людей свозили на автобусах по приказу начальства и за отпускные или зарплату. Равнодушие жителей России как к чужим, так и к своим терактам общеизвестно. В России вообще кажется, что всем давно на всех наплевать. Что касается всего мира, утверждать не берусь – не знаю. Но я, пожалуй, соглашусь с вами: да, действительно начали привыкать и к масштабным терактам тоже. С другой стороны, евреям не привыкать, уж им-то точно известно, насколько человечество жалостливо и насколько склонно воспринимать чужую боль как свою. То же самое относится отнюдь не только к евреям. Еще в XIX веке говорили: права человека заканчиваются к востоку от Суэца. Попросту

говоря, понятие прав человека относилось только к европейцам. Азиаты, африканцы, жители третьего мира, подданные Российской империи в число людей, имеющих права с точки зрения европейского сознания, не входили. С точки зрения сознания неевропейского, и понятия такого, как права человека, не было. Поэтому массовая гибель людей в Азии, в Африке вообще никогда никого не интересовала. Теракты вызывают и эмоции, и интерес, и страх, и даже сочувствие к их жертвам. Это правда. Но в общем, несмотря на всю современную политкорректность, цена человеческой жизни к западу от Суэца, к востоку от него примерно так же соотносится, как уровень ВВП на душу населения в странах Западной Европы и в той же самой Индии.

ЭТО НАПАДЕНИЕ БЫЛО ПРОФЕССИОНАЛЬНО ПОДГОТОВЛЕНО

Ἰ ἀγαπᾷ Ὁ ἀέθιυαῖ ἀπόγῃ, ἀῖαῖ ἰ ὑέ ἰαῖσῃαῖαὸ ἀέυῖ «Ἰ ἰαῖέ ἀαῖαὸ ὑ»

– Мы, воспитанные на русской классике, часто говорим о слезе одного ребенка. В традициях многих народов, еврейского в том числе, насильственная смерть хотя бы одного человека являет собой уничтожение целого мира, огромного космоса, устроенного Б-гом. То, что произошло в Мумбаи, – вызов Всевышнему, мы все это понимаем, верующие и не очень. А вот является ли это вызовом целому человечеству, как красиво пишут большинство газет? Можно ли сказать, что вмняемая часть человечества этот вызов приняла? Какую тактику мы, вмняемые, избрали? Не напоминает ли вам она временами страусиную?

– Я не считаю, что это вызов человечеству, да и человечество, по-моему, тоже так не считает. А вот для Индии это серьезная травма. Это травма также и для людей, попавших в мумбайскую переделку. Безусловно, это травма для евреев, поскольку напали и на них тоже, причем как на евреев, а не случайных людей. Но напали на евреев как на евреев и в другие времена, и в других местах. Напали на протяжении многих веков. Из нападений, совершенных не так давно, так сказать в исторической близости от сегодняшних событий, возьмем хотя бы взрывы в Стамбуле. Конечно, то, что случилось в Мумбаи, ужасно, но я не думаю, чтобы это так уж сильно подействовало на человечество. Через неделю основная его масса перестанет думать об этом. Да и с новостных каналов эта история сойдет, уступив место другой, быть может, еще более ужасной, а та – другой. Нападение на Нью-Йорк «девять-одиннадцать» произвело на мир куда как большее впечатление, поскольку способ нападения оказался чрезвычайно эффективным и неожиданным, да и число жертв было больше. Мюнхенским событиям когда-то тоже все ужасались. Ну и что с того, как говорится. Ужасались, и дальше живут. В Израиле напали на аэропорты, школы и тоже убивали всех подряд, а вспомните о недавних «бульдозерных» нападениях в Иерусалиме. Так что теракт в Мумбаи не является чем-то из ряда вон выходящим в истории человечества. Наша история вообще состоит из

сплошной резни. Но бойни эти человечество не останавливали никогда и к серьезным размышлениям не приводили. После мумбайских событий ничего не изменится. Ну, может быть, Индия как-то задумается. Индийский спецназ оказался технически абсолютно не подготовленным к действиям в такой ситуации, сами индусы этого не отрицают, потому-то многие на верхах уже ушли в отставку. Индию ожидают серьезные проблемы, в том числе и организационного характера, не говоря уже о старой пакистанской вражде, до того момента как бы дремавшей. Хотя до войны с Пакистаном, думаю, не дойдет. Очевидно, что после случившегося Пакистан постарается хоть как-то сотрудничать с Индией. По крайней мере, пакистанские власти будут делать вид, что сотрудничают. А индусы должны учесть свои недавние ошибки в антитеррористической деятельности и спешно готовить спецподразделения по образцу, скажем, израильских или американских, чтобы в следующий раз не приходилось бросать в бой армейский спецназ, который создавался для иных целей.

– Известно, что министр обороны Израиля Эхуд Барак предлагал Индии помощь в проведении антитеррористической операции и освобождении заложников. Как известно, Индия отказалась. Что из этого вышло, мы тоже знаем. На ваш взгляд, почему в таких случаях принято отказываться от помощи?

– Точно сказать не могу, как вы понимаете, у меня нет информации, почему именно Индия решила отказаться от помощи Израиля, однако попытаюсь предположить. Чаще всего то, о чем мы с вами говорим, считается нарушением суверенитета, перекалыванием ответственности за исход операции на совершенно других людей, не являющихся гражданами страны. Это и юридически очень сложная процедура, требующая времени, которого, как вы понимаете, в такой момент нет ни у кого. Не понятно, как будут действовать чужие люди на чужой территории, с какой степенью профессионализма. А если по ходу боя пострадают ни в чем не повинные мирные граждане? Представьте себе, если бы израильские солдаты, не дай Б-г, убили по ошибке кого-нибудь из заложников, иностранца или индуса. А в Индии, между прочим, демократия, правовое государство – как бы потом это убийство юридически обосновывалось, фиксировалось? К этому следует прибавить и момент секретности операции, и амбиции начальников силовых ведомств. Впрочем, иногда приглашают специалистов как советников, но чтобы дать возможность действовать, применять оружие иностранному спецназу – почти нереально. К тому же в таких случаях необходимо единство командования, а когда в антитеррористической операции участвуют несколько стран, достаточно сложно его осуществить, сложно согласовывать все действия между подразделениями. Если вы помните, во время Олимпиады в Мюнхене немцы отказались от израильской помощи, и там тоже все закончилось катастрофой. Так что индийский случай не первый, и дело тут не только в самих индусах.

– Вы верите в то, что преступников было десять человек (это при том, что целей, как пишут, у террористов было девять)? И кто этот один, оказавшийся не у дел, где засел он, «мозговой центр», – в Пакистане? А может, в Иране, в котором, поговаривают, Буш, под занавес своего правления, готов выкинуть еще один фортель – принять решение об открытии в Тегеране миссии США? И если это случится, будет ли это дискредитацией Штатов или мир уже настолько привык к «двойным стандартам», что никто этого и не заметит?

– Насколько я слышал, их было пятнадцать. Во всяком случае, на том судне, которое они захватили, перебив экипаж, и на котором приплыли, – следы пребывания пятнадцати, а не десяти человек. Кстати, до сих пор не установленное число террористов тоже вызывает большие вопросы в Индии: если их было пятнадцать, где же остальные,

ведь убито всего девять и один взят в плен? Уже понятно, что эта организация пакистанского происхождения занималась в основном Кашмиром: борьбой за освобождение Кашмира от индусов. (В индийском секторе Кашмира большинство населения мусульмане.) А потом эта организация все больше стала связываться с «Аль-Каидой» и «Талибаном». Они предоставили помощь лидерам талибов и «Аль-Каиды», когда те бежали из Афганистана в 2001 году, после того как их вышибли американцы. Иран, скорее всего, не имеет к этому теракту никакого отношения. Если это талибы и «Аль-Каида», то, скорее всего, Иран напрямую с ними не связан, поскольку талибы – радикальные сунниты, а иранцы – шииты. Иногда, правда, они поддерживали друг друга, ну, скажем, в Ливане, но в принципе недолгобливают друг друга, если не сказать больше. Конечно, заподозрить и тех и других в любви к евреям нельзя, но и друг друга они не особо любят. Теперь об интересах в Тегеране. Это известная дипломатическая практика. Такая секция американцев есть в Гаване. Такая секция сегодня есть, например, у Грузии в России, хотя разорваны дипломатические отношения. Когда разорваны дипломатические отношения, создается так называемая «секция интересов». Формально она другого посольства другой страны. В США сейчас есть мнение, что надо попытаться договориться с Ираном, что иранские аятоллы – прагматики, что их больше интересует сохранение своей власти, что сейчас, когда упали цены на нефть, у них начнутся большие внутренние проблемы. Да и Израиль тоже полностью не отказывался от каких-то контактов с Ираном, и если такая возможность представится, будет и дальше контактировать. Правда, это не означает, что американская политика изменится и Америка плюнет на Израиль.

– Можно сказать, что этот теракт преследовал несколько целей, был задуман как средство нагнетания напряженности в регионе и одновременно использован для удара по евреям-хабадникам? Выходит, террористическую атаку можно провести не только против государства, но и, так сказать, точно, например, против конкретной организации или какого-нибудь крупного финансиста еврейского происхождения, не имеющего отношения к иудаизму, но зато имеющего отношение к нефти или гостиничному бизнесу? Но для этого надо выяснить хотя бы, когда и куда приедет этот гипотетический миллионер. И когда в «конкретной» организации соберется наибольшее количество ее членов. Судя по событиям в Мумбае, террористы уже имеют свои профессиональные разведподразделения?

– Это нападение было профессионально подготовлено. Мы имеем дело не с обычным терроризмом, с которым так часто сталкивались в последнее время. Хотя бульдозер с экскаватором, как мы теперь знаем, отличные орудия для убийства случайных прохожих. Скорее всего, Индия столкнулась с очень хорошо подготовленной диверсионной операцией, долго готовившейся, проведенной самоубийцами, понимавшими, что у них вряд ли будет возможность уйти живыми. Они были отлично вооружены, вели себя не столько как террористы, сколько как диверсанты, знали, что делают, все их маневры были вычислены наперед, я уж не говорю о тщательной спланированности самой диверсионной вылазки. Чтобы питаться и продолжать вести боевые действия, экстремисты взяли с собой только сухие фрукты. Не уверен, что в Мумбаи они нацеливались на финансистов. Их интересовали определенные объекты, конкретные – дом Хабада, дорогие отели, к примеру «Тадж-Махал», где всегда есть богатые люди, важные персоны, потому что это очень известный и очень дорогой отель. И нельзя забывать, что убивали не только евреев и иностранцев, убивали и простых индийских граждан.

Не так давно один уважаемый мною раввин, ученик другого уважаемого раввина, рассказал «буддийскую» историю, которой я поначалу не придал должного внимания, вернее, развернулась она полностью только после событий в Мумбаи. Кто-то из

общины задал раввину вопрос, что он думает по поводу уничтожения талибами доисламских объектов поклонения в Афганистане – уже обстрелянных гигантских статуй Будды в долине Бамиан. «Представляете мое положение, – говорил раввин, – с одной стороны, эти статуи действительно символы идолопоклонства, не совместимые с иудейским и исламским единобожием, с другой стороны, они являются культурным достоянием человечества и их обстрел – бесспорный акт вандализма!» Самое интересное, что я не помню, как раввин вышел из затруднительного положения, выход из него показался мне не столь важным. Теперь понимаю, почему эта история не имела конца. Любое ее окончание не очевидно и, по сути, подложно. Потому что вопрошающий нарушил один из основополагающих принципов – противопоставление добра и зла: столкнул добро с добром. Раввин это понял, задававший вопрос – нет, потому и довольствовался ответом. В нашей истории добро и зло противостоят друг другу, но конец истории почему-то тоже не очевиден. И у меня такое чувство, будто это я задал раввину тот вопрос, ответ на который окажется подложным для всех, кроме тех, кто стал жертвами этого теракта, и тех, кто станет жертвами следующих.

БИТВА С ДРАКОНОМ

יְעֹאֲבֵד אֱלֹהֵינוּ

В январе прошлого года умер Джордж Хабаш (1925–2008) — человек, ставший символом современного террора, во многом определивший его формы и содержание^[1]. Именно ему принадлежат идеи, ставшие сегодня банальностью: захват самолетов и атаки, направленные против гражданского населения – против случайных людей, имевших несчастье оказаться в выбранных террористами времени и месте. Джордж Хабаш это первый придумал. И первые опыты реализации принадлежат тоже ему. 11 сентября и бойня в Мумбаи несут явственный отпечаток его личности. Правда, Джордж Хабаш полагал, что случайные люди должны быть евреями; если под руку попался кто-то еще, печали большой не было, но все-таки целью были евреи. Ну так его теория была скорректирована: вовсе не обязательно евреи, но и евреи, как мы видим, – непременно.

МАЛЬЧИК, ПЕВШИЙ В ЦЕРКОВНОМ ХОРЕ

Сегодня к слову «террор» едва ли не автоматически добавляют: «исламский». При этом картина мира существенно упрощается, а исламские боевики не прочь присвоить себе чужую славу.

Между тем Джордж Хабаш – основатель и глава Национального фронта освобождения Палестины (НФОП – самая радикальная палестинская террористическая

организация) – не имел никакого отношения к исламу. Само имя именитого покойника – Джордж – однозначно говорит о том, что корни его совсем не мусульманские. Джордж Хабаш родился в арабской православной семье. В детстве пел в церковном хоре. Мать, как он вспоминал, постоянно молилась и учила его любви и милосердию.

У Голдинга в «Повелителе мух» показано, с какой легкостью становятся чудовищами мальчики, позавчера еще певшие ангельскими голосами в церковном хоре. Евреи для этой трансформации вовсе не так уж необходимы. Но это к слову.

Кстати сказать, лубянский патрон Джорджа Хабаша – глава советской внешней разведки генерал Петр Сахаровский (1909–1983), оспаривающий у своего поделщика лавры изобретателя захватов самолетов и других видов терактов, направленных против гражданского населения^[2], тоже ведь не под полумесяцем родился. Не знаю, пел ли и он в церковном хоре, но его деревенское детство без сомнения было православным, по-другому и быть не могло^[3]. И мать ходила с мальчиком к обедне и учила только хорошему.

В юности Джордж Хабаш сменил свою веру на национализм и марксизм. Однако парадоксальным образом она в трансформированном виде все равно продолжала оставаться в нем. «Я всегда считал себя добрым христианином, который помогает бедным. Когда оккупировали мою землю, у меня не осталось времени думать о религии»^[4]. Думать времени, может, и не оставалось (голова была не тем занята), а «добрым христианином» продолжал считать себя и тогда, когда устраивал кровавые теракты, захватывал самолеты, заложников.

В момент, когда пишутся эти строки, завершается процесс по делу молодежной банды, убивавшей в Москве по ночам одиноких прохожих с неславянской внешностью. Десятки убитых и раненых. Лидер группы Артур Рыно учился в иконописном училище. Мне трудно представить, что он не идентифицировал себя в той или иной форме с православием.

На самом деле все это прекрасно сочетается. Взять хотя бы Ивана Каляева или его товарища по партии Марию Бенеvскую, которая не расставалась с Евангелием. Уведи меня в стан погибающих за великое дело любви. Лозунг времени. Вообще, русское революционное сознание было религиозно окрашено. И у всех этих людей, как и у Джорджа Хабаша, было религиозное детство. Джордж Хабаш определил себя «добрым христианином», будучи уже пожилым человеком, давно утратившим детскую веру. Какой бы смысл он в это определение ни вкладывал (дело, конечно, не только в помощи бедным), в интервью с западным журналистом ему было важно подчеркнуть свою принадлежность к христианскому миру и его ценностям, которым он оставался верен (он так считал, на этом настаивал) на протяжении всей своей жизни. Подчеркнуть именно в контексте окружавшего его большого мусульманского мира, давление которого постоянно испытывал.

Во время Войны за независимость Джордж Хабаш был изгнан из своего дома, из своего города. Он был молодым человеком. Изгнание и страдания, которые он перенес, в значительной степени сформировали его личность. Повторял, должно быть: блаженны изгнанные правды ради – и, несомненно, относил это к себе. Изгнание было вызвано военными и политическими причинами и не имело евангельского смысла, но человеку свойственно возводить свои переживания к готовым архетипам. Джорджа Хабаша отпели в православной церкви, он похоронен на православном кладбище. Крест стоит на его могиле. Его называли «крестным отцом палестинского Сопротивления». Помимо общей

риторики и коннотации с мафией, словосочетание «крестный отец» приобретает применительно к Джорджу Хабашу и вполне отчетливые христианские коннотации.

В созданный Джорджем Хабашем Национальный фронт освобождения Палестины входили националисты левых убеждений с очень разным бэкграундом: его преемники Абу Али Мустафа и Ахмад Саадат, как явствует из их имен, были выходцами из мусульманской общины, но ядро организации на протяжении десятилетий состояло преимущественно из своих: интеллектуалов из состоятельных христианских семейств. Из пришлых был легендарный Ильич Рамирес Санчес – «Карлос Шакал». Но он все-таки работал в режиме кооперации.

В некоторых отношениях Джордж Хабаш и его товарищи были много ближе тем, кто возводил в конце 60-х баррикады в Париже, нежели коллегам из «Фатх», которые, впрочем, тоже были левыми, секулярными националистами. Баррикады в Париже и первый захват самолета боевиками НФОП датируются одним и тем же 1968 годом. События эти тонким образом связаны.

От «Хамас», тогда еще не существовавшего, революционеров марксистов-националистов отделяет бездна. Рамалла в глазах хамасовцев – символ цивилизационной мерзости. Газа в глазах секулярных палестинских арабов – символ ужаса, который ожидает их, если к власти придут религиозные ригористы. Президент Автономии Махмуд Аббас и бывший премьер-министр Автономии лидер «Хамас» Исмаил Хания учили разную диалектику в разных университетах: Аббас – в университете Дружбы народов имени Патриса Лумумбы в Москве, Хания – в Исламском университете в Газе. Джордж Хабаш закончил Американский университет в Бейруте – самое либеральное и тогда, и сейчас высшее учебное заведение на Ближнем Востоке, не считая израильских, разумеется. Генерал Сахаровский изучал науки в вечернем комвузе.

У палестинских секулярных революционеров могли быть общие политические взгляды и общая модель террористической деятельности, но у выходцев из мусульманской и христианской общин была совершенно разная культурная подоснова и экзистенциальный опыт, разный быт, разные праздники, разные тексты они учили в детстве, разные песенки пели, по-разному одевались, разное ели и пили, у них было разное представление о мире. Ясир Арафат и его наследник Махмуд Аббас не пели в детстве в церковном хоре. Все это много глубже идеологии. Так, Иван Каляев и Григорий (Гирш-Ицхок) Гершуни были членами одной террористической организации, делали одно общее дело, но их духовная жизнь была укоренена в разных мирах.

У арабов-христиан был опыт меньшинства, комплекс неполноценности, сплавленный опыт унижения и превосходства, желания доказать «всем»: и своим (как бы своим), и чужим поставленную под сомнение национальную состоятельность. Для их мусульманских соседей слова «мусульманин» и «араб» были синонимами, палестинские христиане были потомками крестоносцев, наследниками меченосной рати Европы.

Собственно арабский секулярный национализм возникает относительно поздно. Маркирующим признаком в мире ислама традиционно была не национальность, а религиозная принадлежность. Местные христиане были столь же (с некоторыми оговорками) второсортны, как и евреи. Их следующая из статуса зимми^[5] социальная второсортность была наглядным свидетельством не только исторических военных побед ислама, но и его метаисторического торжества. С другой стороны, у христиан были преимущества в силу их связи с западным миром, что не прибавляло им любви соседей.

Секулярный национализм был способом борьбы за равенство – проект, определенно не оказавшийся успешным.

Положение арабов-христиан в Палестине сегодня куда более проблематично, чем сто лет назад, куда более проблематично, чем пятьдесят лет назад, когда Джордж Хабаш начинал. Занимало ли это его в последние годы жизни? Джордж Хабаш полагал, что религия – отжившая, исторически обусловленная форма общественного сознания, что марксистская, националистическая революция решит проблемы арабского мира. Мечта его обернулась дымом. Он назвал свою партию «национальным фронтом». Сорок лет назад. Время оптимистической юности. Западное, европейское название, укорененное в европейской политической культуре, возникшее под другими небесами, дышащее иным воздухом. На последних выборах в Автономии, когда к власти пришел «Хамас» (2006), Национальный фронт боролся за голоса избирателей под названием: «Список “Мученика Абу Али Мустафы”». Смена названия как смена веков: совсем иная политическая риторика – местного (мусульманского) разлива. «Национальный фронт» перестал быть филологически конкурентоспособен, стал политическим и историческим анахронизмом.

«Добрый христианин» Джордж Хабаш, сколь бы ни преуспевал он в своем террористическом рвении, как бы ни боролся против сионизма и империализма, как бы ни стремился доказать, что он свой, – своим все равно не был: был бы своим, и доказывать ничего не надо. Думаю, это был один из важнейших факторов его крайней бескомпромиссности, делавший его экстремистом среди экстремистов. Усаме бен Ладену он представлялся, должно быть, каким-то странным мутантом.

Святой Георгий со змеем. Рафаэль.

ЗЕРКАЛО

Лод, где родился Джордж Хабаши и где провел детство, – согласно христианскому преданию, вошедшему, кажется, и в ислам, – место упокоения святого Георгия. Большая Советская Энциклопедия в электронном своем варианте, воспроизводя статью «Лод» из русскоязычной Википедии, в качестве «известных людей города» упоминает троих: рабби Акиву^[6], Джорджа Хабаши и святого Георгия – именно в такой удивительной последовательности. Эстетически сильное сочетание, особенно когда через запятую. Ряд вполне карнавальный и постмодернистский.

Англоязычная Википедия представляет свой вариант троицы почетных горожан: святой Георгий, Тамер Нафар и Джордж Хабаши. Тамер Нафар (1979) – славный арабский рэпер, популярный как среди арабов, так и среди евреев, как в Израиле, так и в Автономии. С успехом гастролировал с созданной им группой «ДАМ» на Западе. Хит Тамера Нафара «Так кто же террорист?» посвящен «интифаде Аль-Акса и израильским варварским методам ее подавления» (Википедия). Вопрос, поставленный в названии, оказывается, таким образом, риторическим. Уж во всяком случае не Джордж Хабаши.

Под гремевший рэп отвергнутый Википедией рабби Акива отправляется в свою ешиву, бормоча первый псалом. Но нас интересует сейчас не рабби Акива и даже не затмивший его рэпер, а святой Георгий.

Честертон, побывавший в Лод в начале века, писал в эссе «Битва с драконом»: «Вся эта красивая, пустынная земля звенит его (св. Георгия. – М. Г.) именем, как медный или бронзовый щит». В византийский период город назывался Георгиополисом, во времена крестоносцев – Сен-Джорджем (Святым Георгием). И поныне сохраняется традиция ежегодного паломничества к гробнице святого Георгия в одноименной церкви. Эта церковь – достопримечательность Лода: базилика была построена византийцами в VI веке, потом разрушена, на ее руинах крестоносцы возвели новую церковь, потом была разрушена и она и восстановлена в конце XIX века. Должно быть, именно в ней мальчик и пел. И конечно, иконописный образ святого Георгия, который он постоянно видел в церкви, был с детства запечатлен у него в сердце. И сохранен на всю жизнь.

Джордж – один из вариантов имени Георгий. У меня нет сомнений, что совпадение имени было для Джорджа Хабаши судьбоносным. Это было куда глубже марксизма и национализма. Героем был он сам, Джордж Хабаши, призванный свыше освободить прекрасную деву Палестину от чудовищного дракона империализма и сионизма. Гонитель Джорджа Хабаши король Хусейн^[7] обретает в этой мифологической проекции узнаваемые черты преследователя святого Георгия – злого императора Диоклетиана (царице Демьянице русского фольклора). Но с королем, даже с королем-гонителем, смириться все-таки можно, с драконом – нет.

Битва, которой Джордж Хабаши посвятил свою жизнь, разворачивалась в метафизическом или, что в данном случае одно и то же, в мифологическом пространстве. И это один из ключей к психологии его политической бескомпромиссности и радикализма. Герой не садится с драконом за стол переговоров, какие могут быть переговоры с драконом?! Герой не может признать право дракона на существование. Герой убивает дракона. Или погибает сам. Полно любовью Б-жье лоно, оно зовет нас всех равно, но перед пастию дракона ты понял: крест и меч одно. Нет большей любви, как если кто положит душу свою за друзей своих.

Троцкий побивает контрреволюцию. Большевистский плакат. 1918 год.

Идея, близкая русскому революционному сознанию. И образ святого Георгия, поражающего дракона, – тоже. Иван Каляев писал в стихотворении, посвященном убийству великого князя^[8]: «Я громом лукавого змея убил». Гром – брошенная в карету адская машина. В русском фольклоре святой Георгий (Егорий) – повелитель грома. Святому Георгию уподоблялся не только Каляев: расхожая метафора. На одном из послеоктябрьских большевистских плакатов – так и хочется сказать «икон» – изображен Троцкий в буденовке и в пенсне в виде святого Георгия, поражающего копьём дракона – мировую буржуазию. Все это на звездном фоне вечности. Политика, превращенная в метафизику.

Вот и Джордж Хабаш, драконоборец, был таков. И жизнь свою положить в битве с драконом был готов. Уж он бы израильтянам не сдался^[9]. Не сложилось: умер не в бою, как подобает герою, – в постели. Одних сразила пуля, других сгубила старость. Завидовал тем, кто от пули, не сомневаюсь, завидовал. Старость и болезни медленно душили его.

В посмертном существовании ему было предложено взглянуть в зеркало. Он увидел чешучайтую, с крылами летучей мыши, омерзительного вида рептилию, задохнулся от ужаса, выдохнул, отражение заволкло паровозным дымом.

Б-г знает, что увидит каждый из нас в этом зеркале.

Б-г – знает.

^[8] См.: Михаил Горелик. Зимний день в Эйлате. Лехаим. 2008. № 7.

^[9] См.: Михаил Горелик. Два бойца. Лехаим. 2008. № 9.

^[1] Лет сорок тому назад в институте, где я учился, на военной кафедре программирование преподавал майор Шураков. Он был яркий, талантливый человек. Однажды – не помню, по какому поводу, – он сказал: «Это надо знать, как “Отче наш”». Подивившись такой базовой модели знания в столь неподходящем (по моим представлениям) месте, я, не удержавшись, спросил: «А как “Отче наш”»? Вопрос майору определенно понравился. Улыбнувшись, он с видимым удовольствием, без запинки прочел, скорей уж отбарабанил, «Отче наш». И добавил: «Бабка в деревне учила». Шураков был лет на тридцать моложе Сахаровского – в отличие от Сахаровского он родился и всю жизнь прожил в стране победившего атеизма.

^[4] Цит. по: Скотт Маклеод. Отец современного терроризма был православным. В: InoPressa.

28.02.08.

^[5] Зимми – правовой статус евреев и христиан в исламском мире.

^[6] Рабби Акива (50–135) – один из самых известных мудрецов Талмуда.

^[7] См.: Михаил Горелик. Зимний день в Эйлате.

^[8] Великий князь Сергей Александрович (1857– 1905), генерал-губернатор Москвы (1891–1905 годы), видел свою главную цель в «ограждении Москвы от евреев» и весьма успешно ее реализовывал – этим и вошел в еврейскую историю. На его счету десятки тысяч высланных из Москвы евреев – первый опыт депортации. Выселение осуществлялось в бесчеловечной форме: по этапу, зимой, с уголовниками. В мотивации Ивана Каляева, убившего «лукавого змея», этот момент определенно отсутствовал. Дарю его составляющим мартиролог «умученных от жидов». В России есть монархисты, выступающие за канонизацию князя, именуя его «первым мучеником Царственного Дома», в этой среде существуют иконы с его изображением. Акунин, подаривший великому князю вторую жизнь («Коронация»), об изгнании евреев, кажется, не упоминает – князь был яркий человек: было о чем писать и кроме евреев.

^[9] Израильтянам сдался один из преемников Джорджа Хабаша Ахмад Саадат, незадолго до этого декларировавший свою готовность принять смерть мученика, но сионистскому врагу ни при каких обстоятельствах не сдаться. См.: Михаил Горелик. Зимний день в Эйлате.

МИР: 6 МИЛЛИАРДОВ ПОЛЮСОВ

Ėāī ēā Dāāçōīāēēē

Новый мировой порядок складывается так быстро и ловко, что невольно возникает вечный вопрос: кто же этот молчаливый строитель, этот Мировой Архитектор?

Впрочем, судите сами.

Взрывной рост экономики третьего мира – от Латинской Америки до Индии, от Юго-Восточной Азии до Южной Африки. Собственно, только основная масса Черной Африки и ухитрилась остаться – пока что – за пределами этого процесса.

Политкорректность, уже не де-юре, а и де-факто уравнивающая права людей, независимо от цвета кожи. Та же политкорректность, перенесенная в межгосударственные отношения, конечно, не уравнивала права США и Берега Слоновой Кости, но значительно их сблизила, что было абсолютно немыслимо еще недавно.

Наконец, всемирный кризис, который – по крайней мере на первом этапе – сильнее ударил по экономике Европы и США, чем по Китаю, Индии, да и России. Если первые перешли в зону рецессии, то у вторых просто замедлился рост.

Все это, идеально стыкуясь одно с другим, пересыпало мировую мозаику. И вот уже не просто на смену «однополярному» миру выходит «многополярный», а на смену европоцентричному миру приходит мир без центра.

Последнее и правда удивительно. Однополярный мир существует 17 лет – с распада СССР. А вот европоцентричный мир – это мир последних 500 лет, со времен эпохи Великих географических открытий (понятно, что США, с их англосаксонской политической культурой, тоже относятся к евромиру).

Россия долго мечтала вслух о гибели «однополярного» мира. Это была ложь: имелся в виду не «многополярный мир» (об этом никто всерьез и не думал), а просто

«вставить фитиль США», а если повезет, то и вернуться к счастью «двухполярного мира», когда СССР мог тешить себя иллюзиями равенства с США.

Так вот: сбылась мечта идиотов-геополитиков. Однополярного мира нет – а положение России стало только хуже. Если раньше она входила в элитный клуб мировых джентльменов, была хотя бы одной из «восьмерки» – то теперь она одна из «двадцатки». На пятки России наступают Мексика или Южная Африка – как сама Россия наступала последние годы на пятки Европы. Но дело даже не в темпах экономического развития – тут в ситуации кризиса все сразу свалилось в один клубок. Дело в том, что мировая табель о рангах оказалась под вопросом. И если США, Китай и ЕС несмотря ни на что остаются в особом, привилегированном положении, то вот место России в мировом ансамбле вообще зависло как компьютер. Она «важнее» Индии? А Японии? А Бразилии?

Вообще, по мере того как уравниваются права людей – не граждан той или иной страны, а «просто людей», – важнейшим показателем становится население страны.

В XIX – первой половине XX века было очевидно, что значение и права белого европейца просто несопоставимы со значением и правами «людей к Востоку от Суэца». Поэтому Китай и Индия, не говоря уж о Пакистане и Индонезии, весили на весах мировой политики, экономики, культуры куда меньше, чем Италия, Испания, Швеция – не говоря уж про Англию, Францию.

Теперь же «все смешалось в доме Облонских».

И скоро, пожалуй, при условности всех критериев, главным и бесспорным показателем останется только физическая численность людей. Людей – не ракет, не бомб, не золотовалютных резервов. Если так, то «политическая капитализация» России просто рухнет...

Тем более это относится к Израилю.

Сколько политически весит в мире Израиль, с его 7-миллионным населением (из них евреев около 6 млн)? Если считать как в XX веке – по ВВП, по развитию высоких технологий, по вкладу в мировую науку и культуру, по военной мощи, – то Израиль весит уж точно больше Ирана, скажем. Но по мере того как главным критерием будет становиться просто «биомасса равноправных людей», картина, очевидно, изменится – и изменится драматичным для Израиля образом. Европейский мизинец, воткнутый в азиатское брюхо, Израиль будет чувствовать себя в «прекрасном новом мире» куда менее уютно и надежно, чем сегодня.

Вот вам обратная сторона политкорректности, придуманной еврейскими интеллектуалами в Европе и материализованной благодаря резкому росту экономики стран третьего мира. А этот рост – тоже результат политики США, ЕС и транснациональных монополий, возглавлявшихся европейцами и американцами.

Как положено, господствующие классы сами воспитали себе могильщика, сами купили ему заступ, сами вложили в руки и научили пользоваться.

Остается надеяться, что белые люди (в частности, евреи), все-таки оправдают свою славу «самых умных» и найдут выход из мышеловки, в которую сами себя загнали.

«ПРАВОЕ ДЕЛО» НЕ ПРИ ДЕЛАХ

Айдеһ Ёеи

Ñ еіҫәи è іá еәдәр, ү әәи іá әиәе дәр.

Сергей Шнуров,

песня из кинофильма «День выборов»

Ну вот и появилась у нас новая правая партия – «Правое дело». «Новые» правые собираются защищать гражданские свободы (слова, собраний, вероисповедания, предпринимательства, волеизъявления). И представлять в Думе тех, кому все это дорого. Мне – дорого. Но «новые» правые моего голоса не получат. И, надеюсь, большинство граждан, для которых гражданские свободы и в самом деле не пустой звук, тоже откажут им в поддержке. Как бы ни уговаривала нас творческая элита: писатели, режиссеры, актеры, телеведущие и примкнувшие к ним политологи.

Не нужны мне «новые» правые. Начнем с того, что они вовсе не новые. Партия будет формироваться на основе СПС. А он мне давно уже не нужен. С тех пор как ушел в оппозицию. И дело не в моем отношении к власти. «Союз правых сил», если помните, шел на первые свои выборы под лозунгом «Кириенко – в Думу, Путина – в президенты». А потом выяснилось, что Сергея Кириенко и так неплохо кормят в правительстве, а Путин, по мнению СПС, оказался совсем не тот. Так вот, подчеркиваю, вне зависимости от деятельности Путина и моего отношения к нему, политическая партия, допускающая такого рода кадровые «загогулины» на выборах, права на жизнь не имеет. Ни в каком виде. И это чисто прагматический подход. Я не желаю, чтобы мои интересы в парламенте

представляли люди, доказавшие свою профессиональную несостоятельность, неискренность. Бездарность, если хотите.

Встав на путь прагматизма, давайте пойдём дальше. Какие цели ставит перед собой новая партия? Они хотят договориться с властью и лишь преодолеть семипроцентный барьер. Тогда лидеры получают думские мандаты, высокий социальный статус, персональные машины, хорошие зарплаты и прочие блага. Не сомневаюсь, что они будут изображать кипучую деятельность, предлагать законопроекты и поправки без малейшего шанса на их принятие. Так все это мы уже видели. Была в Думе такая партия «Яблоко». Она этим занималась полтора десятка лет. Потом избирателям этот цирк надоел, и они голосовать за «Яблоко» отказались. Ещё лет через десять-пятнадцать, когда вымрут старики, вслед за сгнившим фруктом на парламентскую свалку истории выкинут и коммунистов. А «Правому делу» место там отведено с момента создания.

Никаких гражданских свобод в Думе они не защитят. Для участия в принятии решений на выборах надо побеждать. Но ни один из лидеров партии пока не заявил о намерении получить большинство голосов. Они даже не мечтают о победе. Ещё бы, если бы они такую задачу поставили, с какой радости Кремлю помогать им? Разве в Кремле идиоты? Разве они хотят уступить свои места?

Проблема «правых», «либералов» и «демократов» вовсе не в отсутствии единства. И не в отсутствии доступа к СМИ или возможности маршировать по проспектам. «Правым», старым и новым нечего сказать людям. Возьмём последнюю предвыборную кампанию. Вот сидит в студии Григорий Явлинский и уныло твердит: мы против коррупции, мы против коррупции... Можно подумать, Путин и Медведев – «за»... Это понял даже главный идеолог СПС Леонид Гозман. Большой прогресс. А то ведь ещё при Ельцине генерал Коржаков втолковывал Немцову: собирать подписи против войны в Чечне бессмысленно, потому что против войны все подпишутся. И сам Коржаков. Кроме антивоенных лозунгов нужна была внятная программа: что делать с мятежной республикой? Ответа на этот вопрос у либералов не было. А было нечто в троцкистском стиле – ни мира, ни войны...

В многочисленных интервью Гозмана позитивной программы нет. Обсуждаются лишь схемы объединения: какие отделения войдут в новую структуру, кто и чем будет рулить...

Кстати, о рулевых. Одним из трёх сопредседателей стал Леонид Гозман. Мало того, что он несёт персональную ответственность за вышеперечисленные политические провалы СПС, он ещё и еврей. Говорить об этом не принято. Как же-с, политкорректность... Сейчас кто-нибудь прочтёт эти строки и как закричит: «Смотрите, Клинтон – еврей-антисемит!» Однако давайте без истерик, просто задумаемся о последствиях. И я даже не о том, что за ошибки одного высокопоставленного еврея расплачиваются потом все остальные. Просто, на мой взгляд, у политической партии во главе с евреем шансов на успех больше в Израиле, чем в России.

Вот только не надо сразу тыкать мне в лицо нового президента США. Как писал поэт, «мы не в Чикаго, моя дорогая». Американской демократии двести лет, а не двадцать. И до сих пор Америкой правили белые, англосаксы, протестанты. Правда, один раз выбрали католика Кеннеди. Его застрелили. Так что чем дело кончится теперь – неизвестно. Может быть, они уже готовы доверять правителю, несмотря на цвет его кожи. Хотя, подчеркиваю, я бы не спешил с выводами.

Править страной должны представители большинства, титульной нации. Политика – дело очень тонкое. Тут слишком многое зависит не только от профессиональных и моральных качеств, а в первую очередь от доверия. Доверяют же люди, как правило, своим. Им же и прощаются слабости, ошибки и даже преступления. Иным – нет. Борис Годунов был вполне успешным политиком. Но Пушкин припечатал: «вчерашний раб, татарин, зять Малюты, зять палача и сам в душе палач». Заметьте, не просто раб или палач, а еще и нацмен.

Властители, даже толковые и удачливые, но не принадлежащие к большинству, воспринимаются лишь как исключение. Некий странный выверт. И потому они – на перечет. Принадлежность к меньшинству автоматически снижает шансы победы на выборах. Это очевидно. Еврей Владимир Жириновский вот уже двадцать лет твердит лозунги вполне популярные. И регулярно участвует в выборах. Но не побеждает на них. Хотя, спору нет, человек яркий и талантливый. На прошлых выборах либералов вел к зияющим высотам глава «Гражданской силы» Михаил Барщевский. Казалось бы, все стартовые возможности для победы были: по телевизору его показывают часто, страна его знает. Говорить умеет. Ничем не замаран, не магнат-миллиардер, в приватизации не запачкан. А итог – 1%. Потому что чужак. Умный, интеллигентный. Юрист. Но не свой.

Может ли еврей в России заниматься политикой? Может. Но отдавая себе отчет: в этой сфере на главную роль он претендовать не должен. В лучшем случае – какое-нибудь двадцатое место в партийном списке. Должность одного из пяти заместителей министра. И это нормально! Это элементарный здравый смысл подсказывает. Хочется большего? Слава Б-гу, есть Государство Израиль. Вот там – пожалуйста, и в премьеры, и в президенты. Обратите внимание, ведь никто, кроме ярых антисемитов, не возмущается: мол, отчего там арабов не выбирают премьерями. Все понимают: Израиль – еврейское государство. Но тогда логично и за другими признавать такие же права. Россия – русское государство. С чего вдруг управлять им станет Леонид Гозман, будь он хоть семи пядей во лбу?

Так фокус в том, что Гозман и не собирается управлять Россией. Его личное лидерство в новой партии – лишь еще один знак того, что у «Правого дела» нет претензий на лидерство в обществе, нет серьезных претензий на власть.

Вы читали? *Ááíèèè Dîi àí íáñèèè*. Праведники в Содоме // 2008, № 10.

Реакция. Где евреев и спасли при немецкой оккупации всех до единого, так это в Албании. А в статье написано – только в Дании и Болгарии (не всех).

Á. Óáññí,

Èí òáñíáò

Наш ответ. Уважаемый господин Хассон!

Действительно, количество спасителей евреев в Албании поражает; в их число входил даже премьер-министр албанского марионеточного правительства периода немецкой оккупации страны Мустафа Круя. Многие авторы, пишущие об Албании, повторяют слова: Албания – единственная страна Европы, где число евреев после второй мировой войны оказалось больше, чем до нее. Однако утверждать, что албанцы спасли всех евреев страны, как мне представляется, нельзя. Согласно последней предвоенной переписи населения в Албании, в стране проживало 204 еврея. Перепись проводилась достаточно неаккуратно; но характерно, что немцы (в данном случае – Р. Коргерр) приняли эту оценку. С аннексией Албанией части Косово, Западной Македонии и куска Черногории в Албании добавилось еще около 500 евреев (это число включает также беженцев из других частей Югославии); почти все были в области Косово. Вдобавок в саму Албанию прибыло много беженцев из Югославии, рейха, Греции и Болгарии. Албанские власти, еще в 1941 году, т. е. при итальянской оккупации, создали для евреев-беженцев лагеря «Кавая» и «Шеяку». Именно албанские власти передали немцам 183 еврея-беженца из Сербии – все они попали в лагерь «Саймиште» под Белградом и погибли. В мае 1942 года в албанском же лагере «Берат» находилось 400 евреев – беженцы и мужчины-евреи из Приштины. Интернированием евреев Косово занималась добровольческая албанская дивизия СС «Скандербег». Только в Приштине в марте 1944 года члены дивизии интернировали и передали немцам 300 евреев. По оценке Герхарда Гримма, за время немецкой оккупации (она продлилась менее 14 месяцев) из «Великой Албании» был депортирован 591 еврей. Большинство из них были евреи из Косово или беженцы. Есть свидетельство о том, что в Берген-Бельзен было вывезено из Албании около 400 евреев, из которых до освобождения дожили около 100. Вероятно, среди них были и «коренные» евреи Албании. Многие евреи Албании – албанские, косовские и беженцы – были расстреляны или повешены итальянцами и немцами или умерли в лагерях на территории Албании. Итак, каковы бы ни были намерения албанцев, всех евреев они не спасли. Ситуация в Албании напоминает ситуацию в Болгарии. Албанцы спасли своих, «коренных» евреев, но не спасли евреев аннексированных территорий и беженцев. Однако численное соотношение между «своими» и «чужими» евреями в «Великой Албании» было иным, чем в «Великой Болгарии»: «чужих» было большинство. Покровительство албанцев простиралось на 200 евреев «старой» Албании, но не простиралось на 500 косовских евреев и неясное число беженцев. Из тех евреев, которые к середине 1941 года оказались на территории «Великой Албании», по крайней мере, две трети погибли. Вероятно, уместно сравнивать то, что случилось с евреями Албании, не с тем, что случилось в Дании, а с тем, что было в Норвегии.

Á. Dîi àí íáñèèè

Реакция. Ни в коем случае нельзя отменять 282-ю ст. УК. Это – оружие против пропаганды, наносящей обществу реальный вред. К сожалению, возможности статьи полностью не используются. А противоречие, о котором говорит автор, действительно есть, я имею в виду наличие в классических религиозных книгах текстов, формально подпадающих под определения статьи. Но есть и очевидный способ решения – законодательное закрепление статуса традиционных конфессий. Подчеркиваю: не религий, нет, а именно конфессий, конкретных организаций, имеющих государственную регистрацию. Деятельность таких организаций, доказавших на деле свою способность жить в мире, необходимо вывести из-под юрисдикции 282-й ст. Иначе светское государство, формально рассматривая религиозные организации как одну из разновидностей общественных, обязано либо запретить Библию, либо разрешить печатать «Майн Кампф» и любую порнографию. А ни то ни другое не отвечает интересам общества. Если выводить из-под юрисдикции все религиозные организации, никто не помешает желающим зарегистрировать Церковь святого Адольфа, а педофильские фото объявить священными изображениями. Государство не может и не должно влезать в вопросы веры, выяснять, какая религия «правильная», а какая «неправильная». В частности, абсурдно смотрятся заявления чиновников о том, что «подлинный ислам – религия мира и добра». С точки зрения власти не может быть «истинного» и «ложного» ислама, могут быть лишь организации, учение и практика которых либо приемлемы, либо нет. Поэтому для государства нет другого пути к здравому смыслу и выполнению своих обязанностей перед гражданами, кроме как законодательное закрепление особого статуса традиционных конфессий. Согласен, это будет выглядеть крайне нелиберально, зато способно принести реальную пользу.

Èëüü,

Èí ò áðí áò

КРУГОВАЯ ПОРУКА

(Тюремная запись)

Ñàì áí Ááòò

Семена Гехта можно назвать забытым писателем. В двадцатых годах его имя называли в ряду звезд русскоязычной еврейской литературы, рядом с И. Бабелем, И. Уткиным, А. Соболев. Сегодня знают его в основном литературоведы. Если же попытаться уточнить биографию или библиографию – возникает множество вопросов и открытий. И первых будет больше.

Как его имя? В разное время и в разных документах его называют Семеном, Соломоном, Авраамом. И лишь при публикации следственного дела из архива ФСБ загадка разрешилась. На вопрос следователя «Почему вы имеете два имени и отчества?» Гехт отвечает: «По старой еврейской традиции, если кто-либо из детей заболевает, ему дополнительно давалось новое имя. Таким образом, у меня с детства два имени: Авраам и Семен. Герш – в переводе с еврейского – Григорий. Этим отчеством я и величался. А литературные произведения подписывал “Семен Гехт”. Но в паспорте и по военному билету – Авраам Гершевич»^[1].

Официально дата и место рождения писателя: 1903, Одесса. Но в метрической книге раввина за 1903 год нет записи о рождении ни Семена, ни Авраама Гехта^[2]. По словам племянницы, он родился в конце 1900 года^[3].

Принято считать, что первая публикация – стихотворение «9 января», увидевшее свет 22 января 1922 года на страницах газеты «Известия Одесского губисполкома и губкома КП(б)У». Но впервые стихи (шараду) юного автора напечатал одесский детский журнал «Детство и отрочество» в 1912-м. Там же и данные об авторе «С. Гехт, 12 лет»^[4] (подтверждающие более раннюю дату рождения). Исследователи первой книгой указывают «Рассказы», вышедшие в серии «Библиотека “Огонька”» в 1925 году. Опять же в фондах Одесской публичной библиотеки есть неизвестная литературоведам книга Гехта «Круговая порука», изданная в Самаре в 1925 году^[5]. Она не вошла ни в одну библиографию. Возможно, рассказ в какой-то мере автобиографический – это позволяют предположить строчки из его стихов: «И в тюрьме, что похожа была на сераль / (Часовой – и на шомполе солнце полудня), – / Где засовы тяжки и решетчата сталь, / Я познал одиночество, скуку и будни»^[6]. Как бы то ни было, рассказ этот заслуживает внимания.

– Бежать не советую. Верная смерть. Как в аптеке. – Комендант проткнул булавкой протокол и выдвинул ящик. – Можете идти.

Никто не решался выйти первым. Всех было пятеро. Фамилии их существовали еще в препроводительных, но имена их стерлись, и остались только клички. Общая – Арестантский Интернационал, отдельные: Пермьяк, Вотяк, Чухонец, Мордвин и Еврей. Они не понимали друг друга, слабо усваивали слова коменданта и не догадывались, за что карает их правосудие.

– Зайцев, – крикнул комендант.

– Я! – ответил конвоир и хлопнул каблуками сапог.

– Отведи их в камеру.

– В тридцать первую?

Комендант кивнул глазами.

Арестанты просияли. Значит, есть конвой, значит, опять тишина и отдых.

Но Зайцев, выйдя во двор, остановился.

– Шагайте, любимчики, фавориты, можно сказать, – небось дорогу сами найдете, – он усмехнулся, – поди не убежете. Кругова-то порука – не кот начихал.

Они вошли в общую камеру и сами заперли дверь – этого требовал комендант, – потом они захлопнули окна, не обведенные решетками, – этого он тоже требовал. Пермьяк затянул пермяцкую песню о пермяцкой корове, съевшей семь стогов сена, но чухонец ткнул его коленом в бок. Комендант запрещал петь песни. Они сидели молча. Потом они завалились на нары. Никто из них не мог спать – каждый вспоминал лицо и слова коменданта. Он говорил так.

– Вам всем сидеть у меня полгода. Полгода. – Он отсчитал шесть патронных гильз. – Месяц вы уже отмахали. – Он выбросил одну гильзу за окно – осталось пять, он заново отсчитал их. – Никакого конвоя я вам не дам. Часовой – нет, караул – нет... (Это они понимали и так.) Можете бежать когда угодно. Но... – Комендант поднялся на стуле и

хлопнул кулаком по протоколу. Взметнулась пыль, и все пятеро чихнули. Комендант освирепел.

– Не зубоскалить!

Он оглянул всех: никто не смеялся.

– Но, – продолжал он, – если один из вас убежит (это слово они понимали тоже), оставшимся сидеть два лишних года. Два года, – и он выдвинул вперед два пальца. Все пятеро побледнели. Они знали, что пальцы и гильзы – это не одно и то же.

– А беглеца все одно поймаем. Факт. Расстрел на месте. – Комендант отстегнул кобуру и погладил рукой черный наган. – Круговая порука, сукины дети, поняли, а? Зайцев, объясни.

И Зайцев объяснял:

– Круговая-то порука, товарищи, это не кот начихал, круговая-то порука – хитрая штука.

В камере было электричество, но комендант приказал его не зажигать. Ослушание грозило новой карой. Было темно и хотелось говорить. Но они не понимали друг друга. Зевая и вытягиваясь, они начали обыденную переключку.

– Даешь! – кричал вотяк, указывая на площадь за окном.

– Берешь! – отвечал чухонец.

– Огребашь, – подхватывал пермяк.

– Не лапай – не купишь! – выкрикивал еврей и указывал, смеясь, в сторону комендантского флигеля.

Мордвин молчал.

Этот вечер был такой же, как все последующие. Они вели счет дням, потому что были арестантами. Но ничем, конечно, не отличался один день от другого. Было то, что должно было быть: от постоянных дум в сердце тоска и злоба, от забот – в волосах седина и гниды.

Если бы в камере был календарь, он был бы тощ, как фараонова скотина, потому что был декабрь.

Комендант мог выбросить в снег две патронные гильзы, прошло два месяца.

– Мороз-то, братишки, – сказал вотяк на вотяцком языке, но все поняли.

– Окаянный, – ответил пермяк, – держись.

– А-ах ты, у-ух ты, – подхватил чухонец.

– Печечку бы! Дровечек бы! Огонечка бы! – вскричал еврей.

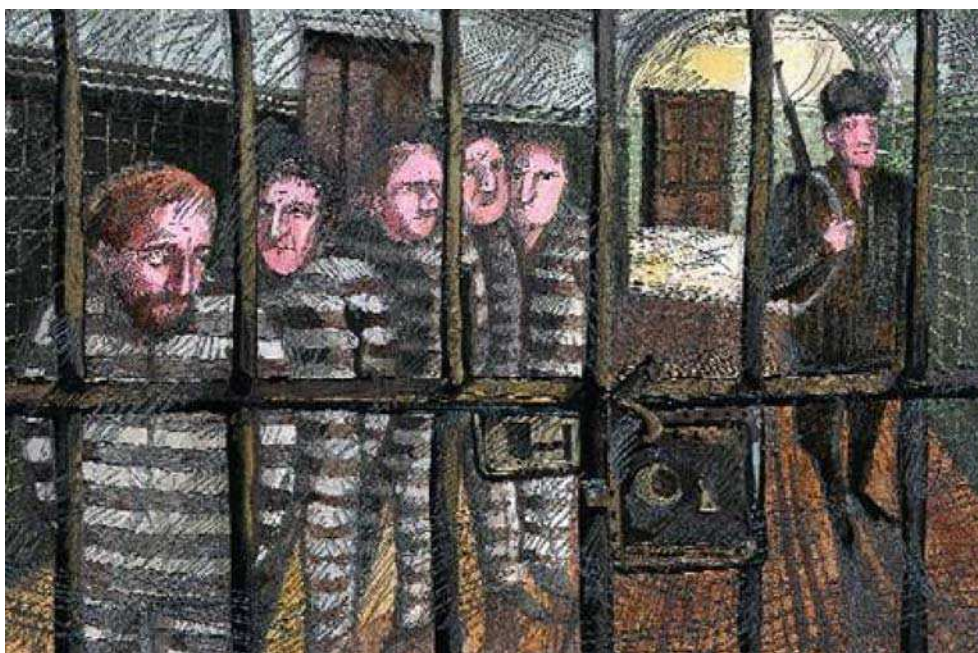
Мордвин молчал.

В двенадцать часов в камеру постучал Зайцев.

– Можно? – спросил он.

Все видели, как он скалил зубы за дверьми, и все молчали. Он вошел раскачиваясь и важничая.

– Ну, ребяташки, спокойной ночи. Прошу не тревожить.

И ушел довольный собой.

Во втором часу вотяк разбудил пермяка. Пермяк спал крепко, он видел во сне пермяцкую корову, съевшую семь стогов сена. Вотяк пощекотал его под мышками.

– А? Что такое? – пробормотал пермяк.

– Садись, говорить будем, – шепнул ему на ухо вотяк. Пермяк не понимал. Тогда вотяк указал ему на площадь.

– Много... много верста... Вятка?

Пермяк рассмеялся и хлопнул раз ладошами. Это означало тысячу.

– Ах, Вятка! Вятка – мать, Вятка – жена, дом – Вятка, дети – Вятка. Ах, Вятка.

Пермяк задумался.

– А тебе Пермь? Пермь – дом, Пермь – жена? А?

– Не. Зуздинский.

– Близко Зуздинский. Совсем Вятка.

Они оглянулись. Тупыми и сонными глазами смотрел на них мордвин.

«У, сука, молчит всегда, тикать хочет», – подумал вотяк и уткнулся носом в полушубок. Пермяк захрапел. Мордвин не спал всю ночь. Они думают, что он дурачок, он всегда ведь молчит. О, он покажет им завтра, понимает он или нет. Улыбаясь, он плевал сквозь щели досок на нижние нары.

На нижних нарах спали чухонец и еврей.

Еврей видел каждую ночь, как чухонец подкрадывался к окну и полз бесшумно назад. Он следил за ним уже девятый день и знал, что этой ночью будет то же самое.

Когда луна выкатилась на площадь и отразилась в снегу, чухонец ощупал спящего соседа, темные нары и, спустившись, заковылял к мерзлому окну.

Еврей стиснул зубы, дыша носом в кулак. Чухонец вскарабкался на подоконник и прилип лбом к фанере.

«Вот оно как», – подумал еврей и соскользнул с нар.

Мордвин приподнялся и тяжело вздохнул, закрыв полотенцем рот. Он стал переводить глаза, ворочая зрачками с одного на другого. «Мать ты моя милая, – подумал он, – и эти тоже. Вот будет работка».

– Нильзя, товарищи, – яростно закричал он, – комендант – нильзя.

Чухонец юркнул на нары, еврей

полез под полушубок, кашляя. Вотяк захрапел, и пермяк запел сквозь сон пермяцкую песню. Мордвин улыбнулся и, утомленный, растянулся плашмя.

Комендант любил пить по утрам горячий кофе. Он пил его всегда, спеша и захлебываясь, обжигая десны, губы и усы.

Утром следующего дня коменданту не суждено было допить своего кофе горячим.

– В чем дело, Зайцев? – спросил он конвоира, который отругивался натошак.

– Секреты пошли, интернационал каторжный, – ответил Зайцев, – кажинный хочет вас видеть. Просили докладать.

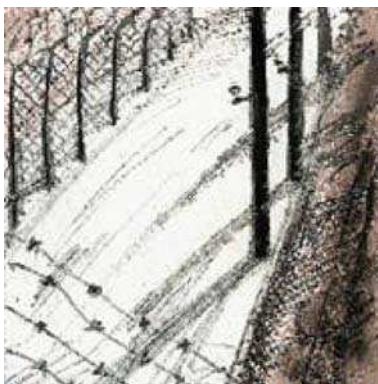
– А ты не расспрашивал?

– Куды там. По особому, говорят, делу. Кажинный в одиночку.

– Что ж,пусти.

Первым вошел вотяк. Он заговорил по-вотяцки, быстро двигая губами и нараспев. Комендант понял. Вотяк убеждал его дать конвой для мордвина. Вотяк говорил, что мордвин хочет бежать и он, вотяк, за него не ручается.

Комендант кликнул Зайцева.

– Отведи его в одиночку и запри, – сказал он, – и позови следующего.

Мордвин не говорил ничего. Он только назвал своих друзей, отсчитав их по пальцам одной ладони. Потом он указал правой рукой на площадь и левой похлопал по пятке. Выждав, он потряс кулаком и опять начал загибать пальцы.

– Ладно, – сказал комендант, – отведи его, Зайцев.

Еврей вошел, робко оглядываясь. Он знал о плохом отношении к нему начальства. Комендант не любил его более всех. Он наступил ему на ногу и спросил:

– Ну, что, узи? Как поживаешь, узи? Что скажешь, узи?

Еврей назвал чухонца, и комендант успокоился.

Он не видел его горячих жестов и не слышал его колючих слов, но только спросил погоду:

– Кончил, узи? Ух ты, пейсатый-волосатый, матери твоей хрен.

Еврей опомнился только тогда, когда конвоир запер за ним третью камеру.

Чухонца и пермяка комендант выслушивать не стал. Уставив в их лбы два нагана, он сам отвел их в камеру и повернул дважды ключ.

Все пятеро сидели в одиночных, и каждый думал с удовольствием о том, что теперь он отвечает только за себя. Тяжкая забота отлегла. Им стало совсем легко, и они начали весело переключаться.

– Дашь! – орал вотяк.

– Берешь! – отвечал чухонец.

– Огребашь, – подхватывал пермяк.

– Не лапай – не купишь! – выкрикивал еврей.

Мордвин пел и плакал.

Вечером того же дня их всех расстреляли на Воловьевой площадке. Зайцев взвалил мокрые трупы на шарабан, покрыл брезентом и отвез в каменоломни, на свалку.

А протокол стал еще более запыленным, так как комендант сделал наискось химическим карандашом пометку «исполнено» и сдал его в архив.

Í ðáññéñíáçá è ííáñ òíáçà òáéñòá

^[1] Шульман Э. Опасность, или Поучительная история. Из архива ФСБ. По материалам одного следственного дела // Вопросы литературы. 2006. № 2, март – апрель. С. 265.

^[2] Государственный архив Одесской области. Ф. 39. Оп. 5. Д. 107.

^[3] Яворская А. Материалы к биографии Семена Гехта // Дом князя Гагарина: Сборник статей и публикаций. Вып. 3. Одесса, 2004. Т. 2. С. 200.

^[4] Гехт С. Звериное рычание будет первый слог // Детство и отрочество. 1912. № 8. С. 14.

^[5] Гехт С. Круговая порука (тюремная запись) // Исаковский М., Бродяга А. Стихи. Самара, 1925. (Общедоступн. б-чка крестьянского журнала «Сеятель правды», вып. № 13.) [14 стр.]

^[6] Гехт С. Бытие // Силуэты. 1923. № 4, январь. С. 4.

СКАЗАЛ СТАРИК МОЛОДОМУ

ГОД 1973-й

אֲדִי הָיִיאַ בּוֹיָעָד

1.

Старик был его двоюродным дедом, грузный, упрямый, с подагрическими пальцами еврей; когда его нежно любимую двадцатитрехлетнюю дочь задавил автобус на Боллс-Понд-роуд, в Долстоне^[1], дед перестал выкуривать сорок сигарет в день и вернулся к религиозным ритуалам старозаветного иудаизма.

Молодой человек, его внучатый племянник, словно существо с другой планеты, был жестким продуктом века компьютеров, разветвленных корпораций, «мозговых трестов», эпохи «человека реалистически мыслящего».

Старик играл в карты, болтал, ворчал и был глух. Он вообще плохо слышал и не слышал, как сам перебивает других, а когда ему на это указывали, отвечал детским хихиканьем и виновато морщил лицо.

Молодой человек, отпрыск родителей-леваков, колебался между унаследованной гуманностью и «реалиями управления», которым его обучали в университете. Говорил он быстро, громко, с американским акцентом, радостно надыхавшись им, словно свежим морским воздухом, во время продолжительных каникул в Штатах, где «все происходит», «тогда как здешняя страна, эта дурацкая, старомодная колониальная насадка, ленива, бестолкова, мертва, как потухший вулкан!».

Старик отказывался от любой еды, кроме кошерной, а потом сомневался, кошерная ли она была; хвастался фотографиями детей и внуков, с которыми жил в провинции; любил прогуляться по Вест-Энду, выпить кофе в кондитерской или съесть сэндвич с солониной в «надежной» закуской; надеялся – в восемьдесят два года – найти вторую жену в синагоге или где-нибудь; и, по-видимому, был счастлив, хотя удивлялся тому, что еще жив.

Молодой человек был беспокоен, раздражителен с подругами, которых не мог понять, потому что в его мире единственными проблемами, требовавшими решения, были организационные. У него случались приступы депрессии и эгоизма, сменявшиеся вспышками любви и великодушия; свои доводы он подкреплял заимствованиями из источников, которых не читал, а только знал о них понаслышке, справедливо полагая, что родители и другие оппоненты о них даже не слышали и смолкнут перед высшим знанием. Он как будто слегка негодовал на то, что помещен на эту планету, хотя во Вселенной должны быть места получше.

Двоюродный дед обитал в заскорузлом мире стариков, утренних молитв, библейских пророков и туманных надежд на Обетованную землю. Нетерпеливый внучатый племянник жил в сложном мире европейских рынков, этики профита и

компетентных мужчин в очках с прямоугольной оправой. Старик внимал и верил только голосу желудка и других первичных потребностей. Молодой человек внимал и верил только специалистам.

Они взирали друг на друга, эти двое, соединенные силой своих различий; общими у них были только серые глаза – родовой признак, – и старик видел, что перед ним:

– Образованный парень? Очень хорошо! Очень хорошо быть образованным! И я бы хотел быть образованным. Думаешь, я всю жизнь был портным? Я не скажу, что всю жизнь был портным, я был и коммивояжером, продавал вещи стареньким душкам, от двери к двери, вот почему я бодрый и здоровый – свежий воздух! Смотри! – Он стучал себя в грудь и похохатывал, чтобы спрятать свою несостоятельность перед лицом университетского парня.

Университетского парня подмывало сбежать от общения с этим уже недолговечным пережитком тяжелого еврейского прошлого, о котором он знал, но, подобно своим родителям, сам его не пережил. Его раздражало избыточное добродушие старика, коробило его невежество и то, с какой убежденностью он цеплялся за примитивные религиозные догмы, и смущало, что у них нет общей территории, на которой он мог бы остановить неиссякающий поток стариковского вздора.

– Это все надувательская машина, понимаешь ты? – твердил старик. – Всё правительство, советы всякие. Разбойники! Паразиты! – Его особенно забавляло это слово из его революционной молодости, когда и он, и сестра, и братья все были членами Еврейского рабочего союза^[2]. – Видишь, я не забыл! Паразиты! Гангстеры!

Его сестра Сара, бабка молодого человека, пыталась оградить внука от стариковских дурачеств.

– Отстань ты от него. Что он знает о Бунде? Твой мир не его мир.

– Его что?

– Его мир. Мир!

– А что с его миром?

– Я говорю, это другой мир.

– Другой? Где? Где он? Я не знаю другого мира. Меня не учили в школе другому миру. Б-г создал только один мир. В Библии сказано. В Библии говорится: «и Б-г сотворил небо и землю в одном мире».

– Не «в одном мире», – поправил внучатый племянник. – Просто «небо и землю». В Библии ничего не говорится об «одном мире».

– А о «земле» что-нибудь говорится? Больше, чем одна «земля»?

Нечем крыть.

– И почему он носит пуловеры с дырками?

– Спроси его, – сказала бабушка молодого человека.

Амос – так его звали – счел, что против него сговорились.

– Послушайте, хрычи. Я вырос из того возраста, когда заботился о нарядах. Когда-то не заботился, потом заботился, а теперь опять не забочусь. – Амос все время беспокойно двигался, словно порывался куда-то пойти, что-то сделать, а его задерживали, и ему не терпелось, словно в его теле заработал стартер. Поэтому трудно было понять, насколько он серьезен в любом вопросе и насколько уверен. Особенно беспокоились его глаза, стремясь узнать, как его воспринимают. – Одежда – это вещи, которые ты натяливаешь, чтобы не мерзнуть. Важно только, чтобы подходили по размеру. Так?

– Я всегда хорошо одевался. – Старик как будто ничего не услышал. – А на него посмотрите. Рубашка в розовую клетку, на галстуке другая клетка, на брюках – еще другая.

– Я люблю клетчатое. Ну и что?

– И цвета не подходят.

– Я дальтоник.

– Клетки, клетки – я не удивляюсь! Я удивляюсь, что ты еще не косой! – Старик ужасно веселился. И все слышал!

Нечем крыть.

Больше всего злил его смех.

Смех каждый раз был не к месту и, как правило, без причины. Как и все в нем, смех был разрозненный, детский и виновато-подобострастный, дабы собеседнику стало совестно оттого, что он обладает кое-какими знаниями, кое-каким умом.

– Так скажу, – говорит он, – я старик. – И смеется. – Он думает, что никогда не будет стариком. – И смеется. И тычет в бок. А потом кричит, как будто не он, а внучатый племянник глух. – Мы все стареем, понимаешь? Такова жизнь, я говорю. Б-г ее такой создал! – Смеется. И тычет в бок. Трясет пальцем. – Но я не жалею. Жаловаться? Кто жалуется? Я прожил хорошую жизнь. Долгую жизнь. Мне восемьдесят два года, не забывай, и, даст Б-г, доживу до ста. И что ты тогда скажешь? – Опять смеется и тычет в бок, но теперь поднимая брови, а молодой человек ерзает и мрачно молчит, в негодовании оттого, что нечем ответить и надо – этого ожидают от него – уважить старость.

Но нельзя сказать, что старик совершенно не сознавал своего слабоумия и не воспринимал окружающий мир. Потому и похихатывал неуверенно: понимал, во что он превратился, и прятал это под смехом. Он обводил взглядом семью, отчасти чтобы увидеть, кто над ним смеется, отчасти с просьбой о помощи – какой, он, конечно, сам не знал, – может быть, чтобы спасли его от старческой бестолковости, потому что кому этого хочется и кто не чувствует происходящего с собой? Поэтому и бегали его серые глаза, такие же серые, как у внучатого племянника, и пытались понять, что думают о нем

родные, а сам он, не в силах себе помочь, все болтал и болтал перед несчастным молодым пленником.

– Он ничего не говорит! – смеялся упрямый старик. – Что ты делаешь? Ты меня анализируешь? Анализируешь, что я говорю? Посмотрите на него – сидит и думает важные мысли. Ты думаешь важные мысли? Так скажи мне эти важные мысли.

– Дядя Мартин, у человека весь день мысли.

– О деньгах мысли? Ты думаешь о деньгах? У него не хватает денег?

Молодой человек пожимал плечами, но, помня, что старикам надо оказывать почтение, улыбался вместе с остальными родственниками и громким голосом поправлял его, хотя и подозревал, что дед прекрасно слышит все, что хочет и когда хочет.

– Прекрасный у вас парень. Он прекрасный парень. – Старик явно был рад, что его терпят. – Очень хороший, очень хороший, очень, очень. Но тебе нельзя так много думать. – Он засмеялся.

За первые три недели после приезда он успел встретиться со всей родней. Бесчисленные племянники и племянницы наплодили внучатых племянников и племянниц, впрочем, не столько, чтобы он не смог чудесным образом их запомнить. Почти всех. Он умолкал на секунду пред маленьким человеком и говорил:

– Подожди-ка. Дай вспомнить. Ты... ты... – И не ошибался.

Но молодой человек, поучившийся в университете, выделялся среди всех как особая задача. Однако деда это не пугало. Он сам должен был бы поучиться в университете.

– Нам всем полагалось бы!

При всякой встрече старик испытывал потребность выдвинуть какую-нибудь мысль, нескладную идею, вынести мнение. Иногда он адресовался к внучатому племяннику, иногда ко всей компании, но взгляд его все равно останавливался на парне – как он к этому отнесся?

– Нет, тебе нельзя так много думать. Будешь много думать, навредишь правому полушарию. Ты это знаешь? Правое полушарие отвечает за логические вещи, а левое – за духовные. За чувства. То, что называется «душой», – за такие вещи. Надо, чтобы работали оба. Ты меня слушай, я не шучу. Б-г создал человека так, чтобы он работал правым полушарием мозга и левым полушарием тоже. И женщину, конечно. В наше время женщину надо учитывать. Больше, чем себя, а? Ты работаешь только правым полушарием. Во всем тебе логика нужна. Это тебе не полезно. А? Посмотрите на него! – Смеется и тычет в бок. – Он думает, я шучу. Я не шучу, между прочим. Нельзя все анализировать. Люди пробовали. Я пробовал. Может, у меня не такой большой мозг. Может, у тебя такой большой. Но сомневаюсь. Послушай меня. Знаю, я не специалист, но у тебя голова расколота. Прямо посередине. Вот! Он думает, я чушь несу. Посмотрите на его серьезное лицо. Прямо посередине. Одно полушарие – для науки, все, что можно доказать и сделать с фактами. Другое полушарие – для души, для того, что нельзя доказать. Ха-ха-ха!

Смех без причины.

В такие минуты он раздражал больше всего – ничего смешного он не сказал, однако смеялся и оглядывал слушателей, приглашая посмеяться вместе с ним. И, увидев, что они не смеются, а только снисходительно слушают, сменил тему, словно пожалев их.

– Кем ты будешь, когда вырастешь?

– Дядя Мартин, я уже вырос, но еще не знаю, кем буду, – прокричал он. – Это мучительный вопрос.

– Учителем? Ты будешь учителем? Вот что он решил? Очень хорошо.

– Я говорю, не решил пока.

– Мы все небогатые. А кто богатый? Если у нас стало на несколько шиллингов больше, разве мы стали богатыми? Он думает, я богатый. Я приехал на несколько дней к родственникам, – значит, я богатый? Дети дали мне несколько фунтов, чтобы я мог приехать на праздник. Ха! Ха! Богач!

Он смеялся, глядя на племянницу, мать молодого человека, а та улыбалась в ответ и вспоминала молодость – двоюродных братьев, его сыновей, огромных ребят с огромной энергией, и как их, вырвавшихся из дома, затянуло приволье лондонской улицы. Такого цветения, таких родительских радостей и страхов, как в то время, ее сыну уже не изведать. А теми, кто сохранился сам и сохранил любовь своих детей, как дядя Мартин, – ими надо только восхищаться и все им прощать. Да и сколько ему жить осталось?

Однако истину о левом и правом полушариях необходимо было высказать. Старик, помня, что будет гостить у той родни, которая считалась в семье более «мозговитой», усердно готовил эту теорию о мозге. Он представлял себе, как дождется подходящей минуты, а потом удивит компанию, неважно, в каком составе, своим открытием. То есть открытие, конечно, было не его, он просто слышал, как коснулись этой темы однажды вечером, когда он задремывал перед телевизором. Теория незаметно и не полностью осела в его памяти. В одно мгновение идея отпечаталась в его сознании, была понята, и принята, и растворилась в нем, когда сам он растворился в сне. Проснувшись, он уже не помнил ее, а теперь не помнил, что когда-то с ней встретился. Для него это была собственная мысль, счастливо родившаяся, когда он паковал свою одежду и настраивался на праздничный визит. Он был в восторге оттого, что едет так вооруженным в Лондон, в цитадель знаний. Но что же пошло не так? Не вовремя выступил? Неправильно выразился? Нескладно, как всегда? Он был раздосадован. Университетский умник никак не отреагировал. Видно, не такое уж вдохновенное открытие, как он думал.

2.

Тем не менее праздника никто не отменял. И ничто не могло притушить его удовольствие. Разочарование от неудачи забылось, когда сестра Сара стала таскать его по своим любимым местам «на Западе»^[3]. «Запад!» Это волшебное место прогулок и обедов, элегантных чаепитий и публики. Два места особенно привлекали ее и ее друзей: отель «Риджент-Палас» на Пиккадилли и «Корнер-Хаус» у Мраморной арки, два последних

больших ресторана, с их эдвардианской плюшевой пышностью, куда ходили жители Ист-Энда, чтобы час-другой недорого пожить на широкую ногу. Но увы! Красного бархата, венгерских оркестров и прежней роскоши не осталось: большие дома поделены на отдельные заведения с атмосферой организованности, но совсем не экзотичной. Скромному и радостному благоговению людей, ощущавших пребывание здесь как привилегию, пришло на смену скучающее самодовольство тех, кого научили, что мир принадлежит им по праву. Не должно было так случиться, и маленькая женщина, его сестра, закоренелая левачка, как ни парадоксально, сожалела об этой перемене; старик же, провинциал, все равно был доволен, вспоминая прежние дни.

В половине пятого Мартин и его проводница пришли в секцию самообслуживания, туда, где за двумя столами старики и старухи приветствовали их с шумной радостью людей, благодарных за то, что они сегодня еще живы. Старик ходил между незнакомыми женщинами и целовал каждую с чрезмерно бодрым «Здравствуй, дорогая», как будто все еще был коммивояжером, а они – замотанными, нерешительными домохозяйками, вяло открывавшими дверь его дешевым товарам. Сестра его сидела, устало и терпеливо улыбаясь подругам, и надеялась, что они поймут; а он, к недовольству другого старика, которого явно презрел, лавировал между стульями с твердым намерением не упустить ни одного поцелуя и возможности опьяниться всеми разнообразными духами.

– Глупый человек, – пробормотала его сестра.

– У тебя хорошие друзья, – сказал он ей, а потом спросил, что ей взять со стойки и не надо ли еще кому-нибудь принести.

– Я пойду с тобой, – решила она.

– Не надо. Я сам.

– Ты сам! – фыркнула она, оставив пальто и перчатки подруге. – Он сам! Такой деловой. Всегда найдет себе дело. Присмотри за ними, Сисси, я должна ему помочь. Он думает, что он еще молодой человек. Роняет вещи, натывается на людей... и не знаю, что еще. Ты хочешь еще чаю?

Когда все успокоились, возобновилась болтовня и старик повернулся к женщине по имени Сисси.

– Вы приходите каждый день? Очень хорошо! Прийти в такое место и знать, что найдешь здесь друзей – очень хорошо! Вы замужем? Ах, вы не замужем. Понимаю. Он умер. Мне горько это слышать. Желаю вам долгой жизни.

Сестра больше не могла терпеть.

– Ее муж двадцать девять лет как умер, а ты все еще желаешь ей долгой жизни? Глупый человек! Умер! Давно!

– Моя жена тоже умерла, – продолжал старик, не обращая внимания на сестру, и та сдалась, положившись на снисходительность подруги. Но она забыла, что подруга, при всей ее снисходительности, страдает собственной формой безумия, причиной которого было мучительное пребывание в польской тюрьме, куда ее посадили перед

войной как коммунистку, и гибель почти всей семьи, уничтоженной в лагерях. Сисси приняла вызов старика.

– После того как мой муж умер, все и случилось. Ты-то знаешь, правда, Сара?

– Что случилось? – встревожился старик, как будто о «случившемся» уже рассказали, а он упустил – иногда он понимал, как мешает приятному течению бесед его глухота.

– Все это дело тогда и началось, – сказала Сисси. – Ведь правда, Сара?

– У вас свое дело? – с уважением сказал старик.

Сисси посмотрела на него, недоумевая – то ли он насмехается над ее безумием, то ли состязается с ним.

– Он глухой, он глухой, – успокоила ее младшая сестра.

– А! Он глухой. Понятно. Но, к сожалению, я не могу кричать. Если буду кричать, они услышат.

– Кто вас услышит? – спросил Мартин, обводя помещение детски-бессмысленным взглядом.

– Кто меня услышит? Ха! Ты-то знаешь, кто меня услышит, правда, Сара? Они всюду. Моего мужа убило в Нормандии. В сорок четвертом. Под конец войны. Всю войну прошел – и вот! Рядовым. До конца рядовым, потому что отказался быть офицером и даже капралом. Не мог приказывать. И на его могиле в Нормандии я написала слова: «Погиб в борьбе с фашизмом». Тогда они и начали. Свиньи! Всюду! Я тебе говорила? Вчера вечером пришла домой – ты послушай, – пришла вчера поздно и думаю: «Я их обману!» Они побывали в квартире. Я поняла, что были, потому что, когда вошла, чайник был еще горячий, они пили чай. Но тогда вечером я подумала: посмотрим! Посмотрим, кто хитрее. Я к двери не подошла и ключи вынимать не стала, а тихонько прокралась по балкону. – Она повернулась к старику, который не разобрал ни слова, возмещая это поощрительными улыбками, и громко сказала: – Я на четвертом этаже. Муниципальный дом!

Старик кивнул и улыбнулся, довольный тем, что сидит с ними и вместе с тем показывая, что слышал, и она, уже нормальным голосом, продолжала:

– Я подкралась по балкону и постучала в дверь! Может быть, они решат, что это сосед, и они выдадут себя, если откроют – так я подумала. Но они хитрые. Наверное, один из них выглянул в кухонное окно и увидел меня, поэтому они ушли.

– Сисси, – сказала Сара, уже привыкшая к этим параноидным выступлениям, – Сисси, куда они ушли? Ты стояла перед своей дверью, ты на четвертом этаже, куда они ушли?

– Почему я знаю, куда они ушли? – ответила подруга и разгневанно, с несокрушимой логикой добавила: – А ты мне можешь сказать, как они туда попали?

В этом риторическом выпаде звучала еврейская мелодия с двумя ее постоянными нотами, слившимися в один звук, – вопроса и недоверчивого изумления. Изумления не перед фактом, а перед тем, что кто-то может усомниться в ответе, подразумеваемом в вопросе.

Этого торжества подруге Сисси вполне хватило. Дальше она вступила в совершенно разумную, остроумную и душевную беседу со стариком о его детях. Он достал бумажник и мурлыкал, пока все вокруг ритуально ахали и охали и восхищенно мычали. Посреди показа подошла дородная, черноволосая, в прошлом красивая женщина и скромно подождала приветствий. Они последовали незамедлительно.

– Тереза! – воскликнула Сара. – Как я тебе рада. Помоги мне. Я в затруднении. Здесь мой брат Мартин. Помнишь, я говорила тебе, что он приедет на Новый год? Вот он приехал. – Она показала на него головой и, отчасти понимая смехотворность своего затруднения, мило улыбнулась и добавила: – И он глухой!

Тереза улыбнулась в ответ и пожала плечами в подтверждение того, что такое бывает.

– Он глухой, – сказала она. – Сисси слепнет, у меня пухнут ноги, а что у тебя не болит?

– Мы с вами встречались, да? – спросил Мартин, который ничего не расслышал, но все равно тянулся к Терезе, чтобы поцеловать ее, самую красивую подругу сестры.

– Мы встречались. Он прав. Лет пять назад он приезжал сюда, тоже на Новый год.

– И не только, – сказал Мартин, продолжая свою фразу и все-таки сорвав поцелуйчик, – я помню еще, что она умная. Ученая женщина! Я прав? – Он кричал особенно громко, распутив хвост перед этой пестрой, единственной представительницей богемы в компании.

– Я имею это каждый день, уже три недели, – сказала Сара.

– Честное слово! – Мартин восхищенно откинул голову и сложил руки на животе, как Будда. – Какие глаза. Вот это, я понимаю, глаза. Только простите меня, дорогая, губы вы слишком сильно покрасили. И не тем цветом. Вы не обиделись? – Он засмеялся и посмотрел на сестру, заранее зная, что встретит ее раздраженный взгляд. И от этого опять рассмеялся. – Что поделаешь, – сказал он, – я очень прямой человек. Я не хочу обидеть, но если я должен что-то сказать, я должен это сказать. – И он вскочил, чтобы купить Терезе чай и бисквит.

Тереза снисходительно улыбнулась ему: ее живые глаза светились умом, она привыкла к тому, что мужчины увиваются около нее, делают комплименты, и не обращала на это внимания, сохраняя, впрочем, любезность. Вернувшись, старик сразу же вступил с ней в беседу, оборвав ее разговор с сестрой, которого он, конечно, не слышал и даже не подумал о том, что может им помешать.

– Вот вы умная женщина, позвольте у вас спросить. Это верно или неверно, что у людей есть две способности – думать и чувствовать и правое полушарие мозга заведует тем, как ты думаешь, а левое полушарие заведует тем, как ты чувствуешь?

Она дала длинный и замысловатый ответ – старик его не расслышал, да и не понял бы в любом случае. Эта женщина писала книги, издавала их за свой счет, а потом дарила друзьям и разговаривала, как они, без пауз, но медленно, с сильным славянским акцентом.

– Я попросила бы вас привести пример того, о чем вы говорите, но примеры сами по себе ничего не доказывают, не говоря уже о том, что научных проблем не решают, – а ваша как раз научная. Пример может послужить как в пользу какого-то тезиса, так и против него, и порой привести к весьма произвольным, нелепым и даже очень опасным решениям.

Мартин был в восторге; он гордым взглядом обвел притихший кружок и показал открытой ладонью на говорившую, словно это была фантастическая игрушка, которую он завел и заставил работать так, как никому не удавалось.

– Примеры, – снисходительно продолжала она перед своим классом вечерней рабочей школы, – примеры, подобно аналогиям – а пример и есть своего рода аналогия, – не имеют логического, а тем более диалектического значения. Они ненадежны, недоказательны, шатки.

Она забыла и про друзей, и сама забылась, но голос ее был красив, притягателен, заставлял себя слушать. Все почувствовали себя умными, и вечер прошел приятно, мило.

3.

Встреча с друзьями сестры пробудила в старом госте желание дальнейших встреч с прошлым. Через несколько дней он попросил отвезти его к Милли.

– Ты хочешь повидать Милли? – недоверчиво спросила сестра.

– Она еще может играть в вист? – Брат нетерпеливо передернул плечами, словно готов был тут же сразиться в карты. – Очень хорошая игра вист. Я помню, она всегда прекрасно играла.

– Ты не знаешь, что с Милли? Я тебе не говорила? Она выжила из ума. Она как младенец. Она тебя не узнает. И никогда она хорошо не играла. Каждый раз, когда она играла, это была катастрофа.

Но он настаивал, и однажды ранним вечером они взобрались на третий этаж муниципального дома около Клиссолд-парка – но лишь после того, как он протащил сестру по маленькому зоосаду, – и навестили старую приятельницу.

– Предупреждаю тебя, – сказала она, когда они, отдуваясь, поднимались по лестнице, – будь готов. У нее были инсульты и не знаю что еще. Прошлый раз она лежала лицом к стене и сама себе пела. А ты знаешь, какой у нее голос. Никакого голоса. Смех разобрал ее слушать. – Саре было безразлично, слышит ее Мартин или нет. В голове ее были живы воспоминания о старой подруге. – Дети одевают ее нарядно, гуляют с ней,

чтобы не залеживалась... иногда она ничего не понимает, а иногда понимает. Но нашей Милли больше нет.

Дверь открыла дочь Милли. Она сразу наклонилась и поцеловала Сару, а ее брата не узнала.

– Ты не знаешь, кто он? – Сара искренне удивилась.

– В чем дело? – засмеялся старик, относившийся к каждому событию как к шутке, чтобы оно не оказалось трагедией. – Она не знает, кто это?

– Дайте посмотреть, только я без очков. – Она внимательно посмотрела на старика и откинулась, как будто узнала его с первой секунды. – Да как же! Это дядя Мартин. Не может быть.

Старик вошел в квартиру и сразу, точно не желал терять ни минуты времени, расположился как дома и сказал:

– Так, где чай? Я не отказался бы от чашечки чаю.

Потом увидел маленькую согнутую старушку у окна, которая смотрела на него с бессмысленной, недоумевающей улыбкой.

– Милли! – Он взял ее за кукольную ручку, поцеловал и немедленно вступил с ней в беседу. – Я Мартин! Мартин! Брат Сары. Помнишь? Я жил по соседству с тобой на Брик-лейн, когда ты жила на Бейкон-стрит, сразу за арками, и жил на Грей-Игл-стрит. Смешное название – Грей-Игл-стрит. У пивоварни Трумена. Помнишь пивоварню Трумена? Наши дети ходили в одну школу. У меня были Стэнли, Натан, Рей и Эдит. Моя Эдит погибла. Попала под автобус. Да. – Даже тут он издал короткий смешок и украдкой взглянул на сестру – поняла ли она, почему ему пришлось засмеяться. – А у тебя были Сирил, Джек и Дебора и вот Белла. Твоего мужа звали Хенкель, а мою жену Ципора. Все ее звали Сиппи. А Сара ездила к ней и жила там во время войны. Я говорю про первую мировую войну, когда меня призвали в армию.

Он повернулся к Белле и снова издал короткий неуверенный смешок, предчувствуя, что она ему не поверит.

– В армию! Я воевал! Правда! Я скажу тебе, ты не поверишь, но когда мы уехали из Венгрии, кое-кто из братьев и сестер там остался. Большая семья! У нас большая была семья. И в первую мировую войну брата тоже призвали, только он был на другой стороне. Да! Мы воевали друг с другом! Брат мог убить брата. Что ты на это скажешь? Разве не странно? Это очень странно. И все равно...

Маленькая старушка растерянно забормотала что-то на идише, засмеялась, вслед за Мартином, от чего он встревожился, и беспомощно посмотрела на свою подругу Сару.

– Ты мне не поверил, да? – со вздохом сказала его сестра, как бы примиряясь с тем, что жизнь определила ей роль поводыря.

Вошла дочь с чаем.

– Раньше я могла угостить маму хлебным пудингом, а теперь должна обходиться готовым рулетом с джемом, хотя это гадость. Дядя Мартин, как ваши дети? Слышите меня? Дети! Все взрослые, сами, наверное, с детьми. И внуками даже!

Она разлила чай по чашкам, села и взяла мать за руку, как будто по капризу природы они поменялись ролями и младшая стала матерью старшей.

Эта картина немного огорчила его. Он пришел, чтобы предаться приятным воспоминаниям, и не готов был увидеть старую подругу в таком упадке. Смерть? Да! Она неизбежна. Но крохотная Милли, сидя, прильнула к дочери, бессмысленно гладила ее, и смотреть на это было грустно до невыносимости. А ведь были такими друзьями! Такими близкими, что их дети считали себя родственниками и звали старших дядей и тетей. Никакого виста тут ждать не приходится, это было ясно.

– Мне очень жаль видеть маму в таком состоянии, – сказал старик. – Потерять рассудок – это ужасно.

– Такое случается, – сказала Белла.

– И лучше ей уже не станет, я думаю?

– Она не мучается, более нет, – ответила заботливая дочь, – это единственное, что меня волнует.

– Ты весь день при ней?

– Нет, что ты! Днем за ней присматривают две женщины. Одна с утра, другая во второй половине дня. Я работаю. Иначе мы обнищаем.

– Да, я доволен чаем, – согласился старик.

– Он глухой, – объяснила его сестра.

– Честно говоря, – продолжала Белла, – если с ней весь день сидеть, тут сама с ума сойдешь.

– Ты думаешь, у нее пройдет?

– С ума сойдешь! – громче повторила Белла.

– А, она с ума сойдет?

– Нет, я. Я сойду, если с ней сидеть.

– Ах, ты. Понимаю.

Сестра глубоко вздохнула. Наконец-то куда-то вышли. Лучше, чем торчать дома и одной целый день ему кричать. Кажется, он услышал ее вздох.

– Что ж, моя дорогая. Мы должны довериться Б-гу, хотя пути Его трудно понять.

– Трудно, – подтвердила усталая дочь. Теперь она баюкала маму и гладила по голове – зрелище, довольно обескураживающее для независимого старика. Но он храбрился.

– Ты не обижайся, но я спрошу: по-твоему, это хорошо? Обращаться с ней как с младенцем – ты думаешь, это правильно?

– Она и есть младенец, – сказала любящая дочь, – утомительный младенец, но младенец, а, тетя Сара?

– Я хочу сказать, – не унимался прямой старик, – я хочу сказать, ты отпусти ее, пусть найдет себе дело, пусть работает. Нехорошо лишать человека воли. Отними у него волю, и он рассыплется. Я прав, Сара? Ведь прав же? Как я. Заставь мать вести себя как я. Восемьдесят два года, а я на ходу, я туда, я сюда. Сыновья говорят: «Смотреть на тебя – и то устаешь. Честное слово. Присядь ты, папа, черт возьми, – они говорят, – у нас голова от тебя кружится». У них от меня кружится. Ты не обижайся, но посмотри, как ты ее держишь. Как ребенка. Дети в этом нуждаются, но не взрослые, дорогая. Не старики. Старикам нужна независимость. Чтобы к ним не приставали. Гордость. Я очень гордый. Сыновья говорят, что чересчур гордый, – нехорошо быть чересчур гордым, они говорят. А я им говорю: вы идите своим путем, а я пойду своим, и увидите, даже вам будет приятней.

Тут, хотя он говорил вполне серьезно, старик опять издал странный смешок. Даже безумная Милли посмотрела на него с сомнением.

– Очень хороший чай, – слабым голосом сказал он, пытаясь переменить тему.

Все стали шумно отхлебывать, кроме старушки, которая наблюдала за ними, напрягая остатки ума, и чувствовала себя брошенной.

* * *

Мартин с сестрой спускались по лестнице муниципального дома; их старческие шаги гулко отдавались в каменной лестничной клетке.

– Эта женщина когда-то читала классиков на идише, – громким голосом глухого начал Мартин.

– Ш-ш, – предостерегла его сестра. – Тише говори.

– Эта женщина когда-то могла составить целую фразу, – продолжал он.

– Не кричи! – крикнула сестра.

– Я кричу! Я кричу! – сердито, с вызовом крикнул он. – Эта женщина кормила и обстирывала детей, играла с нами в карты и вела большие политические споры!

В гневе он зашагал быстрее, переваливаясь с боку на бок. Ей стало трудно поспевать за ним.

– Ничего в этом не смыслила, но вела большие политические споры!

Сара посмотрела на брата. Он плакал.

– Эта женщина могла пригласить тебя в гости, и ты чувствовал себя желанным, чувствовал себя человеком! – Он кричал как будто прохожим. – Это неправильно, что с ней такое случилось.

Оплакивал он Мартина.

– Какая была женщина!

Для такой беды рождается человек.

4.

Молодой человек, в чьих невеселых серых глазах отражались радости и горести его души, можно сказать, переживал кризис. Двадцать три года – возраст, готовый для кризиса, особенно если твои родители и времена не в ладу. И ты не в ладу со временем. И дисгармония отзывается в душе. Бедный молодой человек! Он жаждал действовать в динамичном мире промышленности и техники, разъезжать по земному шару с твердым сознанием ценности своей продукции, продавать ее, объяснять ее возможности, урезая прибыль до пугающего минимума в надежде на огромный, все окупающий заказ. Какой это был бы восторг! Привести в согласие множество разнородных факторов, человеческих и механических, и торговать. Торговать! Как же он хотел в мир бизнеса! Страницы «Файненшл таймс» вдохновляли его, экономические приложения газет опьяняли его, «Экономист» внушал благоговение. По крайней мере, это благоговение рождалось в одной части души.

А другая? Другая часть, сформировавшаяся под влиянием родителей? Ах! Она была подточена совестью. И даже не новой совестью, свежей, жесткой, рациональной совестью. Нет! Он унаследовал старую, заношенную. Она выработала свой ресурс на проблемах, которые для него уже ничего не значили, таких, как гражданская война в Испании, ядерное разоружение, смертная казнь, погоня за прибылью. Погоня за прибылью! А что неправильного в погоне за прибылью, черт побери? А самих-то родителей что побуждало к труду, кроме денег? Что? В этом сложном мире, где у больших человеческих сообществ стремление к прибыли четыре тысячи лет въедалось в плоть и кровь. Что, если не это? У них самих в крови! Что за вздор! Деньги такая же составная жизни, как секс и сон, они глубоко внедрены в сознание. Какого черта по милости родителей он должен совеститься из-за денег?

Но совестился – это было как генетическая болезнь. И ничего не мог с этим сделать. Это лишало его энергии, необходимой для завоевания богатства, которого он страстно желал, богатства, которое позволит ему выстроить цитадель комфорта, – а стремление к нему, он сознавал это, было такой же неотъемлемой чертой его характера, как противоположное ощущение тщетности такого благополучия. Будь проклята эта сторона души, унаследованная от родителей, с их еврейской мягкотелостью. Будь проклята их отзывчивость! И будь проклята их любовь к музыке и литературе и их нелепая вера в то, что без них человек не вполне человек, – ежели эта их любовь умеряла алчность, которую воспламеняли страницы экономических приложений. Отчего они не могли понять одну простую вещь: если бы ему не мешали еще немного раздуть в себе это пламя, он смог бы скупить столько искусства, сколько захотел. Ведь оно же товар? Есть рынки искусства? Оно покупается?

По правде говоря, вина была не только родителей. Эта часть его души, подточенная совестью, как ни странно, производила особую энергию, излучение которой привлекало особую породу девушек. Хотя они появлялись и исчезали, быстро и без осложнений, у всех была одна общая черта – ум, не стеснявшийся заявить о себе и на равных состязавшийся с его умом. Они были образованы, вооружены знаниями, видели насквозь его софистику и сами при надобности не брезговали такими же уловками. Только в одном отношении они от него отличались – впрочем, поскольку он всякий раз влюблялся в одну и ту же девушку, это и отличием не было – их укрепляла эта самая, будь она неладна, мягкотелая и глупая мораль его родителей, и когда он вынуждал их дать ей определение, ему отвечали: просто гуманистическая.

– Г-споди! Вон что! Да кого в наши дни нельзя назвать гуманистом? И что это вообще значит? Я что, предлагаю покончить со здравоохранением? Снова сократить обязательное обучение до четырнадцати лет? Отправить детей в шахты? А стариков – в богадельни? Я спрашиваю, что за ерунда насчет гуманизма? Определи свои термины!

Он выступал как персонаж нового голливудского фильма, о котором в рекламе пишут: «наконец-то подлинно интеллигентная картина для мыслящего зрителя». Он обладал интеллектуальной энергией, если не основательностью, и его напористые американские интонации, конечно, подкупали.

– Это значит, – отвечали ему в той или иной форме, – что, если встанет выбор между благополучием института, каковым можно считать любую разработанную идеологию, и потребностями отдельного человека, то гуманист выберет счастье человека.

– Сентиментальная чепуха! – резал он. – Ничего не значит. Пустозвонство. Примеры – дайте мне пример ситуации такого выбора, которая возникает чаще, чем раз в жизни.

И ему приводили приблизительно один и тот же список: производительность за счет досуга, спекуляция недвижимостью за счет бездомных, избыточность под лозунгом реорганизации, заключение без суда во имя порядка, цензура во избежание волнений, безработица для обуздания инфляции, безадресные убийства для достижения политических целей, избияния невинных, «сопровождающие» любую революцию – будь то во имя национальной независимости, равенства, чего угодно... Тогда Амос анализировал их список и доказывал, что реорганизация целесообразна, революционные жертвы неизбежны, а заключение без суда действительно способствует порядку. Спорили все выходные дни напролет, и симпатичные молодые женщины приходили, любили его, вздыхали и уходили. Кроме одной – она осталась, потому что не поверила ему!

Это была высокая девушка по имени Миранда. Не еврейка. Дочь фармацевта, не богача, но с хорошим доходом от патента на микстуру от кашля, которая гарантировала не излечение, но облегчение бронхита у пожилых. И честно обещанное выполняла, что подтверждали жители севера Англии в районе Манчестера, где жила семья.

Отец был человек немногословный, и Миранда унаследовала его молчаливость, частично утраченную за годы учебы в Килском университете, но все же достаточно сохранившуюся, чтобы внушать уважение молодому человеку и умерять его апломб. Даже физически они составляли интересную пару. Если другие его девушки, в той или иной степени миловидные, были меньше, толще, темнее или худее его, то Миранда была его роста – почти метр восемьдесят, стройная, как он, тоже темноволосая, тоже близорукая и нуждалась в контактных линзах. Но тогда как его глаза бегали, а тело порывисто двигалось во время объяснений, она сидела, спокойно откинувшись на спинку, и ее взгляд останавливался выборочно на двух-трех местах. Она производила впечатление молодой женщины, которой осталось совсем немного, чтобы обрести свое место. Амос же в какое-то место пытался себя затолкать, втиснуть свою жизнь в порядок.

Те полгода, что они были знакомы, он работал в адвокатской конторе, работал толково и четко, вел флирт с законом, выясняя, не здесь ли лежат его таланты. Миранда была его клиенткой в пустячном деле: с целью экономии она выписала партию колгот в посылочной фирме, а фирма их не прислала и, как выяснилось, была банкротом.

– Позволь подарить тебе пару колгот, – говорил он. – Скажем, в пятницу, в восемь – я знаю один греческий ресторанчик за магазином игрушек Хэмли. Там танцуют.

Это были его самые счастливые полгода. Они ходили в дискотеки, где он танцевал энергично, но плохо, и она пыталась его обучить. Он показал ей Оксфорд и свои любимые пабы, но категорически отказался посмотреть Килский университет.

– Есть только два университета, заслуживающих внимания, как бы чудесны ни были другие рассадники учености.

Но в Скалистый край^[4] она его все-таки заманила и познакомила с отцом, который вел себя так, как будто впервые в жизни встретился с евреем. Мать ее умерла.

Во время этого визита он остро ощутил, насколько плохо он знает Англию, и они решили, что проведут летний отпуск, разъезжая по стране. Это была идиллия. Они спорили о политике и литературе, и он постоянно требовал, чтобы она определила свои термины; она возражала, что у слов всегда должны быть точные значения. Иногда они отставляли главную тему спора и часами искали нужное слово.

Одна дискуссия началась на вершине горы Шугар-Лоуф в Уэльсе, и там, в сапожной мастерской в Абергавенни, она уговорила его сменить стоптанные мокасины на традиционные «пастушеские» полуботинки и объяснила, что на колодках дорогая обувь сохраняется лучше и в итоге обходится дешевле! У озера Дервент-Уотер в Камберленде их спор продолжался. На месте побоища в Гленкоу^[5] она продемонстрировала ему суровую силу поэзии, прочтя наизусть «Сожалею о сказанном сгоряча» Йейтса. «Я распинался пред толпой, пред чернью...»^[6] – распиналась она перед ним и широким зеленым лугом и купила ему галстук; а доводы в пользу присоединения к Европе он

изложил ей на северо-западном конце Адрианова вала. В бутике около замка Карлайла она заставила его выбросить дырявый джемпер и купить новый, цвета охры; потом, в самом замке, отстаивала национализацию банков; в Даремском соборе он отрицал существование Б-га. После чего была куплена простая белая рубашка – взамен клетчатой, которую он любил, а дед презирал. Когда они приехали к дому Бронте в Хауарте, она решила, что беременна; однако в Йорке выяснилось, что нет, и успокоенный Амос рассказал ей о том, как евреи Йорка в осажденном замке совершили коллективное самоубийство, повторив в 1190 году историю Масады^[7].

– Ха! Я обожаю такие выверты судьбы, – продолжал он, когда они смотрели на массивные стены Йорка, – одним из людей, угодивших в эту историю, был раввин Йом Тов из Жуаньи – из Франции! Вовсе не из Йорка! Он приехал руководить талмудической академией под патронажем богатого йоркца, раввина Иосифа. В те дни бизнесмены были учеными людьми – тебе и моим родителям жилось бы прелестно, и моя жизнь была бы проще – то есть, если бы я сумел увильнуть от резни. Ни один еврей не мог быть уверен, что любая его поездка закончится благополучно, по какому бы делу ни ехал. Что не нарвется на погром, не услышит крики о ритуальном убийстве, понимаешь? Опасные времена. А почему мне особенно нравится старина Йом Тов – помимо того, что он был эрудитом, он был остроумен – прекрасное сочетание, – и когда писал по вопросу о том, можно ли пользоваться печкой в субботу, заключил так: «Да разделю я участь тех, кто в тепле, а не тех, кто строго соблюдает правила»!

К тому времени, когда они прибыли в Кембридж, оба были так утомлены, что ознакомились с этим городом, наверное, подробнее, чем с предыдущими, и ей удалось освободить его от плохо сидевших полосатых брюк и не подходившего к ним пиджака в елочку и одеть в простой, но элегантный серый костюм, в тон его серым глазам и выгодно подчеркивавший его рост. Приехав в Лондон, Амос подумал с некоторой досадой, что не только избавлен от неряшливости, которая, на его взгляд, добавляла ему очарования, но, кажется, и впервые полюбил; Миранда же, к своему удивлению, обнаружила, что не может оставаться одна. В первый вечер после приезда она чуть не кричала, что с ней случалось редко, и вынуждена была вызвать Амоса, чтобы он провел у нее ночь, пока она снова привыкает к своим комнатам.

– Ты должен уходить от меня постепенно, – настаивала она по телефону, – или совсем не уходить. – И ждала его ответа.

Он слышал по проводу ее лукавую улыбку.

– Перестань предлагать мне руку, – сказал он, когда она открыла ему дверь. – Я слишком молод, чтобы жениться, слишком хочу разбогатеть и прекрасно понимаю, что ты чувствуешь, потому что ощущаю точно такие симптомы лишения, но мы уже почти взрослые, а потому должны овладеть собой, вернуться к нашим папам и мамам и работать дальше ради нашего будущего.

– Ты смешон, – сказала она, накладывая ему приготовленный на скорую руку селедочный паштет. – «Овладеть собой и вернуться к папам и мамам»! Это логическое противоречие.

– Ты прекрасно меня понимаешь. И кроме того... – продолжал он, когда за паштетом последовал толстый бифштекс, щедро нашпигованный чесноком, – ...никакое внимание к моему желудку не соблазнит меня остаться на ночь. – Он жевал быстро и энергично, но не без признательности.

– Перестань. – Она вздохнула. – Мы отлично знаем, что ты суров и абсолютно независим.

– Угу... Вовсе не так суров, если ты напрашиваешься на комплименты, – ответил он. – А что до независимости, то у нас у всех ее ни капли. К сожалению!

– Это зависит от того, что понимать под независимостью, – возразила она, закуривая сигарету, вместо того, чтобы присоединиться к трапезе.

– Независимость, – отвечал он, надевая плащ, купленный по ее настоянию в Йорке, – независимость – это независимость. Именно то, что это слово означает. Независимость ни от кого и ни от чего. Вполне недвусмысленное слово и абсолютно недостижимое состояние. Но уже поздно заниматься семантическими тонкостями, и я слишком устал, чтобы продолжать твоё образование. По крайней мере, сегодня. – Он поцеловал ее в дверях. – И не забудь про эти затвердения. Сходи в больницу. Сделай биопсию. Я не верю в бабушкины сказки насчет менструальных желваков. Опухоль есть опухоль есть опухоль. Я обследовался полностью. Сегодня век превентивной медицины, а не целителей.

Он согласился с ней, что месяц они не должны видеться и перезваниваться.

5.

Амос вернулся в свою комнату в доме родителей и к привычному оптимистическому рысканию по колонкам газетных объявлений о работе. Как же быстро становятся неблагодарными и безрадостными некоторые поиски: поиски квартиры, поиски дома, поиски супруга, поиски работы. В каких местах тебе предлагают жить! Какой работой заниматься! Сколько на свете гнусных углов и жалких занятий! Какая алчность проглядывает в квартплате, как не чувствуют люди своих раздутых эго, стелющихся, словно темный туман, над письменным столом во время собеседования при найме. Для молодых, для университетских выпускников времена были всё такие же неприветливые, как раньше.

Но в один прекрасный день совершилось чудо. Амос нашел работу. Нашел не на газетной странице, а – кто бы мог подумать? – благодаря знакомству. Американский клиент, подавший в суд на лондонскую фирму по производству аккумуляторов, громко сетовал на состояние британской промышленности.

– Не знаю, что у вас будет со страной, потому что у вас проблема. Ба-альшая проблема. – Он стоял в дверях, прощаясь с начальником Амоса. – Ваши рабочие не работают, у ваших менеджеров скудное воображение, ваши чиновники бестолковы. Я не мог себе такого представить. Ведь эта страна к началу века построила девяносто восемь процентов железных дорог на Земле. Что же случилось? Что испортилось? Ладно, вы потеряли империю...

– Распустили, – поправил начальник Амоса, пожилой фабианец^[8] раннего призыва.

– Распустили, потеряли, у вас ее отняли – неважно! Ее не стало. Наверное, это был тяжелый удар, утрата. Наверное, удар по вашей гордости. Сочувствую. Но Индия получила независимость в сорок седьмом году или около того. Четверть века прошло, ей-богу! Германия оправилась. Япония оправилась. Даже в Испании шахтеры зарабатывают

больше ваших. Вы знаете, что делают у вас рабочие на аккумуляторной фабрике? Работают по субботам и воскресеньям, чтобы выработать полторы ставки и получить двойные сверхурочные, а в понедельник и вторник не выходят!

Амос сардонически рассмеялся. Американец кивнул.

– Да, смешно. Не спорю. Очень ловко. Очень хитроумно. Должно быть, страшно довольны собой. Веселятся до упаду, когда получают свои конверты с жалованьем. Кивают, подмигивают, толкают друг друга в бок. На здоровье. Но не за мой счет, дорогие. Раз ты такой ловкий и смекалистый, пускай твои ловкость и сметка работают на твой карман. Даст Б-г, и стране заодно поможете. Но своими мелкими махинациями откусывать от моего капитала, заработанного горбом, – ни-ни. Мне хватает головной боли с проклятыми бюрократами, с интригами нефтяников и автостроителей – не хватало еще, чтобы муравьи от меня отщипывали. Да, я очень зол, джентльмены. Я жесткий человек, но я не плохой человек, – только терпение мое не беспредельно. Вы же меня изумляете. Ваше британское терпение, кажется, не знает границ. Я не понимаю.

Мягкий фабианец попытался объяснить, не смог и вовлек в разговор Амоса.

– Англичане, – сказал Амос, несмотря на свое образование сохранивший вкус к обобщениям, подходящим его резкой иронической манере, – англичане относятся к своей политике серьезно. Нет! Нет! Не сомневайтесь! Уверю вас! Вопреки видимости. Им сказали, что их дом – их крепость, и они, черт возьми, уверовали в это – пусть их дом непригодная для жизни руина или антисанитарная дыра. А почему бы и нет, в сущности...

– Почему бы и нет! Чушь! – взорвался американец, и Амос вздрогнул, сообразив, как должны звучать в ушах американца его самодовольные разглагольствования. – Чушь! Дыра и есть дыра!

Поклявшись себе больше никогда не говорить в таком тоне, Амос продолжал:

– Кроме того, им сказали, что все люди равны, поэтому они говорят друг другу: спокойно, не дергайся, живем только раз, погляди на бригадира, а он отворачивается, потому что тоже знает: живем только раз, все люди равны – так оно и идет.

Американец смотрел на непоседливого молодого человека с подозрением. Британский юмор всегда был для него загадкой. Как может народ так шутить с жизнью и смертью? Но этот непоседливый молодой человек ему запомнился.

Амос, со своей стороны, заинтересовался его делом. Феликс Домбровски из Чикаго был так же уверен в одном аспекте будущего, как старинные прорицатели, – бензиновый мотор уходит из города, приходит электромобиль. Иначе быть не может. Перенаселенность, загрязнение воздуха, растущие цены на нефть, неизбежное сокращение ее добычи – все эти факторы, по мнению мистера Домбровски, неопровержимо свидетельствовали о том, что будущее за автомобилем на аккумуляторах. Ввиду этого он открыл небольшой, но развивающийся завод по производству маленьких автомобилей и заключил контракт с английской фирмой на поставку батарей. Обычная история. Фирма предложила ему привлекательную низкую цену за свои изделия, как и многим другим заказчикам, и всё бы хорошо, но начались трудовые конфликты. За последний год они

возникали трижды, а в бюджете фирмы такие убытки не были предусмотрены, и она обанкротилась. Мистер Домбровски приехал, чтобы выручить то, что еще можно было вернуть, и собирался отбыть через пять дней.

Все произошло очень быстро. Во время его следующего визита в юридическую фирму Амос спросил американца, не нужен ли ему находчивый молодой человек с оксфордской степенью по философии, политике и экономике.

– Без отличия, но мой потенциал беспределен.

И американец, у которого сложилось об Амосе благоприятное впечатление, задал ему кое-какие вопросы, пригласил его на обед, задал еще вопросы и предложил двадцать тысяч долларов в год, должность личного помощника, находиться в его распоряжении двадцать четыре часа в сутки с перспективой роста до сорока тысяч по истечении трех лет. Приступить может сразу. Нужен не позже чем через две недели. На размышления – три дня.

Амос побежал сообщить Миранде. У Миранды тоже была для него новость. У нее нашли рак. Она послушалась его совета, поехала домой, в Манчестер, и прошла обследование. Затвердение в груди оказалось злокачественным. В течение месяца ей должны отрезать грудь.

Амос пошатнулся. Это был физический удар. Только в двух случаях он испытал подобное физическое потрясение. Он подумал о них, слушая Миранду, и почувствовал, что сейчас переживает то же самое. И тут же стал рассказывать о них. Ни словом не обмолвившись о нависшей над ней беде, он тяжело опустился на ее пестрый диван и стал рассказывать, как рассказывают сказку ребенку.

– Когда я был в Штатах, я поездил повсюду. Это огромная страна. До нелепости огромная. И я катался по ней, как перекасти-поле. Смотрел налево, смотрел направо, но большей частью думал только о том, чтобы попасть из одного места в другое, далекое.

Миранда, вытянувшись на диване и положив голову ему на колени, обнимала его за талию, плакала и слушала.

– И, как ты знаешь, я действительно ездил с места на место. Из многих мест во многие другие. Это было дико и чудесно, и я дивился бескрайним пустыням, кактусовым пустыням Аризоны, цветным пустыням Нью-Мексико. Красоте Сан-Франциско с его Золотыми Воротами, странному Солт-Лейк-Сити, с его вульгарной мормонской церковью. Но ничто не поразило меня так, как Большой каньон, когда я охнул, словно от сильного удара в грудь. Ты совершенно к этому не подготовлен. Ни фотографиями, ни широкоэкранными фильмами. Ничем! Ты выходишь из машины, перед тобой стена, цепь людей, на что-то смотрящих. На что? Никакого намека – ни звука, ни шевеления. Ты идешь туда, и вдруг – вот он! Огромное, глубокое каменное ущелье тянется сколько хватает глаз, и ты только вертишь головой, чтобы охватить его взглядом, со всеми его извилистыми притоками, разноцветными пластами породы, скалами-скульптурами, его отвесными гранитными склонами. Это было физическое ощущение. Я даже попятился. И может быть, даже поднял руки, чтобы отвести удар. Так мне помнится. Подобное случилось со мной только раз до этого.

Миранда беспомощно всхлипывала и втягивала слезы носом, стараясь делать это как можно тише. Амос вынул платок, устроился с ней посвободнее – трудная задача

для тела, которое может быть поднято по тревоге в любой час суток, – вытер ей слезы и продолжал.

– А первый раз, когда я был мальчиком – ну... лет, наверное, семи. И помню все очень живо. Меня послали в магазин. Надо было дойти до конца нашей улицы на главную дорогу, там повернуть налево и пройти еще несколько сот метров. Недалеко. Простое дело. Я побежал по нашей улице, помню, весело, может даже вприпрыжку, и перед тем, как повернуть, посмотрел направо – знаешь, по привычке, – и там, на правой стороне нашей улицы, где она выходила на главную дорогу, на углу, около грузовика стояла кучка людей. Они смотрели на внешнее колесо грузовика – под ним лежал и корчился маленький мальчик – его нога была прижата колесом. Не знаю, теперь мне кажется, что там вряд ли было что-то более серьезное, чем перелом или ушибы. Похоже было, что водитель и мальчик вовремя увидели друг друга, смертельного исхода удалось избежать. И произошло это, наверное, только что. За несколько секунд до того, как я вышел на угол. За эти несколько секунд водитель должен был понять, что произошло и что ему надо сделать – сдать назад. Но я застал как раз момент нерешительности: водитель в ужасе, любопытные прохожие, и мальчик корчится под колесом. Такая картина. И тоже я ощутил физический удар. Только в этот раз к нему примешивалось ощущение, как будто я стал свидетелем очень интимной сцены и должен отвернуться. Что я и сделал. Ясно помню: я увидел их, повернулся, пошел обратно к дому, сделал несколько шагов, снова повернулся, пошел к магазину, сделал несколько шагов в ту сторону, снова повернулся и пошел к дому, а потом совсем остановился. Замер. Лишился сил. Ноги отказались идти. Мне еще не приходилось справляться с такими переживаниями.

Она перестала плакать. Они долго молчали и не шевелились. Прошел почти час; в комнате стемнело; Миранда поднялась, включила лампу в соседней комнате, чтобы не сидеть под резким светом, налила ему и себе по бокалу вина и сказала:

– Они могли ошибиться.

– Не смей меня, – отозвался он с намеренной резкостью. – Специалисты не ошибаются. Успокаивает то, что они не сочли тебя безнадежной, не сказали, что он распространился.

– Они ничего не сказали – только то, что я почти наверняка лишусь груди. – И она опять заплакала.

– Но это не значит, – сказал он очень громко, заглушив ее плач, – что ты умрешь от рака.

– Амос! – запротестовала она, задетая его резкостью. – Я не техническая проблема, которую надо решить, и не юридический казус, который надо распутать. – Не говори со мной так враждебно. Я знаю, что ты не злой, но прямома не всегда помогает. Иногда она обижает, ранит. Не будь грубияном. Прошу тебя.

– Но это не отменяет сказанного, – продолжал он, хотя уже мягче. – Женщин убеждают обследоваться пораньше, тогда в большинстве случаев его можно остановить. Поэтому и я тебя уговаривал. Тебя еще не оперировали, а когда прооперируют, я почти уверен, выяснят, что захватили вовремя. Ты молодая, нет никаких оснований...

– Но мне отрежут грудь!

Амос сник.

– Я понимаю, – только и мог он вымолвить.

И они опять надолго замолчали.

К огорчению из-за Миранды прибавилась и отчасти заслонила его другая мучительная проблема. Миранда отлично понимала ее и, чем дольше они не решались заговорить о ней, тем тревожнее становилось Миранде. В конце концов молчание и мысли о том, какую внутреннюю борьбу он переживает, стали невыносимы. Она начала издали:

– Знаешь, ты не прав насчет страны.

– Не прав?

– По-моему, никто еще не почувствовал, что происходит на самом деле. – Амос не ответил. Дыхание ее немного успокоилось, и она продолжала: – Это уже не «бедная старая Англия», а «Англия воспрявшая». Поверить трудно, я знаю – знаю, что забастовки, что неумная алчность, но это только там и сям. – Она встала, чтобы наполнить бокалы. – Ты жалуешься, что рабочие не выкладываются, а подумал о том, что недовольные спекулянты не желают вкладывать в реальное производство?

В другое время он ответил бы. Но сейчас стиснул зубы и спрятал правую руку в карман, показывая, что спокоен. Однако его выдавала левая, ритмически постукивавшая по колоде карт. Миранда сделала вид, что он ждет продолжения.

– Да, есть и злонамеренность, она всегда будет, но, понимаешь, наконец-то дошел до людей простейший марксистский урок: что капитал рабочего – его труд. Да! Он тоже владеет капиталом, который можно инвестировать. Понимаешь, работать – это одно, это он использует свой труд, но труд – особая сущность, и рабочий хочет, чтобы он приносил прибыль. Что еще у рабочего есть? Больше ничего. И он только теперь осознал это. По-моему, это замечательно. Произошла решительная перемена. И с этим надо сжиться.

Он упорно не хотел отвечать и непрерывно постукивал пальцами по колоде. Стремясь убедить его, она вкладывала в свои рассуждения столько чувства, что они как будто поменялись ролями: казалось, это она утешает его в преддверии мрачной трагедии.

– И вот что еще. Смотри: ценность человека? Сколько стоит человек? Как оценить его труд? Не пора ли кому-нибудь заняться этой проблемой?

На этот раз он все же ответил ей – коротким уничтожающим взглядом.

– Ее нельзя игнорировать, Амос; рано или поздно ее должны будут осознать и управляющие, и рабочие. Что имеет большую ценность: семь лет, потраченные на изучение архитектуры, или постоянная угроза здоровью, подстерегающая рабочих в химической промышленности, неважно, квалифицированных или нет? Рано или поздно такие вопросы придется решить. Понадобится новый подход, иного рода менеджмент. Ты не думаешь?

Он думал – но по-прежнему молчал. В отчаянной попытке удержать его при себе или хотя бы удержать от отъезда она рискнула высказать еще одну мысль. Своего рода итог.

– Само понятие прибыли под вопросом!

Ей было стыдно, что она так неудачно выразила свою мысль. Чего еще можно ожидать при таком стрессе? Но он молчал, и в этом читалось презрение к ее доводам. И опять наступила долгая пауза. Потом, не ожидая хорошего, она спросила:

– Может быть, мистер Домбровски подождет несколько месяцев?

– А может быть, не подождет!

– Пожалуйста, не рывкай. Пожалуйста.

– У меня дилемма. Такая, о какой я меньше всего мечтал. Позволь мне рывкать.

– А что мне делать, Амос?

6.

И надо же, чтобы в эти дни печали и нерешительности, когда молодой человек сидел в меланхолическом раздумье, когда ему необходим был покой, чтобы собрать мысли, – надо же, чтобы из прошлого его родителей возник этот старик, двоюродный дед с подагрическими пальцами, этот «дядя Мартин», с такими же, как у него, глазами, глухой и являвший собой картину старческого распада, которого сам страшился, – надо же, чтобы именно теперь старик вторгся в их жизнь.

Как-то в конце дня бабушка с братом пришли к ним, чтобы убить время, и старик проследовал за молодым в ванную. Дед понаблюдал за ним, странно, по-боксерски поднимая и опуская плечо, что выражало его готовность ко всему, но при этом одышливо кряхтя, как кряхтят старики, от которых даже тик требует чрезмерных усилий, – и спросил:

– Что это?

– Зубная щетка, дядя.

– Зубная щетка? Жужжит, как бритва.

– Это электрическая зубная щетка.

– Электрическая зубная щетка? А она нужна – электрическая зубная щетка?

– Электрическая зубная щетка, дядя Мартин, чистит сверху вниз. Она правильно чистит.

– Когда у меня были зубы, я тоже чистил сверху вниз.

– Эта чистит сверху вниз быстрее.

– Я быстро чистил. Когда я был моложе, я очень быстро чистил.

– За минуту она совершает столько движений, сколько рука за двадцать пять минут.

– А двадцать пять минут надо чистить зубы?

Этот диалог рассердил Амоса еще и потому, что старик расслышал каждое слово.

– Очень старых, таких, как он, – буркнул он родителям, – надо держать подальше от молодых вроде меня. Это не здорово. Для нас обоих.

В другой раз старик завел странный катехизис.

– Ты образованный. Очень хорошо! Хорошо быть образованным. Ты много читаешь?

– Я много читаю, дядя.

– Ты много читаешь. Очень хорошо! Ты знаешь много слов и что они значат?

– Я знаю большинство слов из области финансов и политики, которые полагается знать образованному молодому человеку. – Амос слегка смутился, почувствовав, что ответ звучит напыщенно.

– И знаешь смысл большинства слов. Очень хорошо. Тогда... – Театральная пауза. – ...Ты думаешь, я могу назвать тебе такое слово, что ты не знаешь его смысла?

– Я думаю, это маловероятно, дядя. – Молодой человек ответил осторожно, желая сгладить впечатление от своей напыщенной реплики. – Но не буду категорически утверждать.

– Не будешь что? – спросил старик, вдруг решив снова сделаться глухим.

– Утверждать категорически! – выкрикнул молодой человек.

– Знаю ли я по-гречески? – Старик засмеялся над этим нелепым предположением.

– Я говорю, – крикнул Амос еще громче, чтобы старик не подумал, будто он застеснялся своей напыщенности, хотя теперь заподозрил, что хитрый старик как раз этого и добивается. – Говорю, что не могу утверждать категорически.

– Ах, категорически? Категорически. Очень хорошо. Хорошо, что не категорически... Тогда вот что мне скажи: как в словаре объясняется «еврей».

Старик был в восторге от того, что его вопрос привел молодого в замешательство: Амос заморгал и всерьез усомнился, что сам теперь правильно расслышал.

– Еврей?

– Еврей. В словаре. Что там сказано?

– Ну как, дядя Мартин, евреем будет называться человек, происходящий из племени Иуды, впервые появившийся тогда-то и там-то, и несомненно будет сказано о его связи с Библией, и...

– Еврей, – авторитетно, звучным голосом перебил его старик, – это жадный и бессовестный ростовщик. Торговец, который хитро ведет дела, выжига. Так сказано в словаре.

– Дядя Мартин! – внучатый племянник заговорил с ним как с упрямым ребенком. – У нас тысяча девятьсот семьдесят третий год. Ни один словарь на свете – по крайней мере, на Западе – не будет опираться на этот традиционный предрассудок в отношении к евреям.

– А я тебе говорю, – настаивал старик.

– А я тебя уверяю, – отвечал молодой.

– Я тебе говорю, – повторил старик, – быть евреем – значит жульничать. Так сказано. В словаре сказано. Ты можешь себе представить?

– Нет, не могу представить. Не могу, и больше того: это очень просто выяснить, поскольку у меня имеется «Сокращенный Оксфордский словарь» – я купил его пять лет назад за девять пятьдесят, нахожу его незаменимым и рекомендую тебе и каждому человеку приобрести в качестве инвестиции в английский здравый смысл и либеральную – в лучшем понимании – традицию, которая всегда была образцом и лучом света в окружающем темном и варварском мире. Подожди минуту. Сейчас мы убедимся в абсурдности твоих мифов.

Когда заметно упавший духом Амос поискал взглядом деда, старик, уверенный в том, что его правота подтвердится, уже покинул место спора и смотрел телевизор. Он оглянулся на внучатого племянника и рассмеялся, словно только что показал изумительный карточный фокус и был весьма доволен собой. Он кивнул на толстый словарь, в котором рылся Амос, и пожал плечами. В конце концов, не он его заставлял. Потом он снова повернулся к экрану и скоро забыл о споре.

Дядя Мартин приехал в Лондон на праздники Йом Кипур⁹ и Рош а-Шана, Новый, 5723-й год.

– Но если не возражаете, я останусь до конца Суккота¹⁰. Это будет, дайте посмотреть... – он полистал записную книжку, – это семнадцатое октября.

Кто бы возражал! Это значило, что он узурпирует кровать сестры в ее маленькой муниципальной квартире, а сама она будет спать и кряхтеть на диване. Но:

– Что я могу сделать? – сказала она дочери. – Увижу ли я его еще раз? Он самый старший брат. Он приехал домой. И знаешь что? Он сводит меня с ума, иногда я кричу на него, но, думаешь, я не буду по нему скучать? Я буду по нему скучать.

И вот наступил вечер, когда по инициативе бабушки молодого человека, младшей сестры старика, должна была собраться вся семья – скорее для того, чтобы увидеться друг с другом, чем для празднования еврейского Нового года, Рош а-Шана пятьдесят восьмого века. Она пришла со старшим братом в дом внука и принесла ошипанных цыплят, морковь, петрушку, лук, сельдерей, помидоры и все остальное, что требовалось для новогоднего ужина. Устроить его она решила здесь, у дочери, где комнаты были больше, а кухня лучше оборудована для приготовления многих блюд. Хотя до ужина еще было долго, старик пришел с ней. Он дремал в кресле. Нудно требовал чая. Слонялся между кухней и гостиной. Раскладывал пасьянс. Пыхтел, кряхтел, бормотал, не слышал. Невинно, не прилагая усилий, заставил весь дом крутиться вокруг него, кричать, упрашивать, раздражаться и вместе с тем смеяться над нелепыми его догадками относительно того, что ему говорили.

– Извини, дядя Мартин. Мне надо поторопиться.

– Ты готовишь пиццу? Сегодня?

Или:

– Дядя Мартин, я спешу. Вот-вот придут гости.

– Иосиф придет? Кто такой Иосиф? Иосиф? Иосиф. Дай подумать, Иосиф?

Или:

– Мартин. В дверь звонят. Открой! Открой, ну.

– Конечно, я помню войну!

Или смотрел телевизор. Здесь, на экране, был мир, непрерывно его изумлявший. Он побывал на Луне и плавал в море с рыбами фантастических форм и расцветок; он улыбался улыбчивым китайцам и хмурился с хмурыми вождями африканских племен; он дивился изобретениям, с которыми его ознакомили первым, и изумлялся зданиям, построенным со времен Адама.

Но больше всего – молодежи, странным молодым людям, очень симпатичным, уверенным и воспитанным. В особенности его заворожила одна молодая женщина, поп-певица; она сидела за роялем, сзади играла на гитарах и притопывала ее группа; по лицу ее скользила милая, легкая улыбка, движения ее были расслабленно-небрежны, взгляд лениво переходил с клавиш на камеру и обратно, на игривые пальцы на клавиатуре. Старик смотрел на нее с глубокой нежностью: она выглядела такой безмятежной. Обожание публики, успех, сознание своей красоты позволяли ей царить над всем, а ему внушали такое чувство, что он может целиком на нее положиться. Если в студии вспыхнет пожар, она сперва допоеет песню, а потом выйдет наружу сквозь пламя и выведет уцелевших, неторопливо, с улыбкой, напевая. Он был уверен в этом. После того как она закончила песню, он почувствовал себя старым как никогда.

Этот вечер был последним вечером, когда Амос должен был принять решение о переезде в Штаты. Атмосфера не благоприятствовала обдуманному выбору. Договорились, что он пораньше придет с работы – да, с работы! Старикам – соблюдать обычаи религии, молодым – работать; он должен был отвезти старика на вечернюю службу в синагогу поблизости, а потом забрать.

– Я тебе очень обязан. Ты очень добр. Забери меня в семь, самое позднее – в половине восьмого. Служба короткая.

Молодой человек сел в машину, пристегнулся ремнем и попросил старика не волноваться, он все сделает как надо. Дед забрался на свое место и, кряхтя, потянулся вбок, чтобы закрыть дверь.

– Пожалуйста, помоги мне с ремнем, – попросил он.

– Оставь меня в покое, дядя, – огрызнулся Амос. – Я пять лет вожу машину и ни разу не попал в аварию.

– Не понимаю, за что ты на меня сердишься, – сказал старик. – Я тебя обидел? Я был с тобой груб? Ты всегда сердишься и раздражаешься. Успокойся на пять минут.

Старик недоумевал. Он не обязан любить меня, не обязан даже уважать, но он должен задуматься на минуту, каково быть старым, неповоротливым и опасливым. Я что, слишком много прошу? От него нельзя слишком много требовать. Я понимаю. Но люди – недолговечные и встревоженные существа и в свой срок состариваются, поэтому они должны задуматься и немного пожалеть друг друга. Так просто! Очевидно! Надо ли об этом даже говорить?

Молодой человек застегнул на старике ремень безопасности и вырвался на дорогу, яростно переключая передачи и дергая удивленного пассажира, который вцепился в ручку двери и в сиденье под собой и переводил непонимающий взгляд с дороги на странного молодого человека рядом.

Но ничто не могло испортить ему удовольствия от посещения синагоги. Старик любил весь ритуал. Может быть, самой большой для него радостью было посещение незнакомых синагог. Его не волновало, какого они толка – ортодоксальные, либеральные, реформистские, хотя странно было видеть, как в реформистской синагоге женщины бесстыдно смешиваются с мужчинами. Это неприличие вызывало у него смущенный, нервный смех. В каждой синагоге была своя особая атмосфера. На людях сказывался характер раввина: положительно, если раввин был веселый, величавый или велеречивый. Или если раввин был слабый, в людях проглядывала агрессивная заносчивость, чванство – раввин не мог устоять перед их коллективным сомнением. Он шел у них на поводу!

Но какова бы ни была обстановка в синагоге, Мартин наслаждался любой. Ощущение близости, общности согревало душу, радость, которую доставляли людям их дети, действовала заразительно. Он ходил от человека к человеку, интересовался их биографиями, их особенностями, с гордым чувством, что он здесь свой. Старожил, прохаживающийся по знакомым территориям с чувством собственника. Он бывал здесь раньше, задолго до любого из них.

Перед синагогой собирались опрятно одетые мужчины и женщины, встречались с друзьями и родственниками. Извлекались для ежегодного употребления шутки, пропахшие нафталином, как праздничные костюмы.

– Спасибо Г-споду за Рош а-Шана, а то бы я думал, что ты умер!

– День уплаты долгов!

– Кажется, мы виделись всего год назад!

Все смеялись, разглядывали наряды друг друга, болтали о войнах, родах, бизнесе, непослушных детях, прощая друг другу скудость остроумия. Эта атмосфера так согревала душу старику, что он подходил к совершенно незнакомым людям, смеялся с ними над анекдотами, которых не мог расслышать, пожимал им руки, целовал их жен.

А молодой, хоть и поглощен был своими переживаниями, обмирал от стыда.

– Это мой двоюродный дед, – говорил он, старательно изображая беззаботность. – Из провинции, приехал на праздники. Никого не знает, ничего не слышит и не понимает, куда попал. Вы уж присмотрите за ним, если не трудно. Я за ним приеду, когда тут кончится.

Все говорили «конечно», в особенности толстые средних лет мамыши, чьи дети уже не требовали постоянной опеки, – они особенно привечали старика, который целовал их, как любимых сестер.

– Дядя, – шептал молодой человек, – ты же их в первый раз видишь.

Женщины смеялись, показывая, что это неважно. Они понимают.

– Из нее выйдет чудесная жена, – сказал старик о женщине, которую награбил исключительно долгим поцелуем, окончательно смутив племянника. – Я-то в этом понимаю! Поверьте! Чудесной будет женой!

«Старый дурак, – думал племянник, спасаясь бегством. – Половину времени не соображает, что делает, – проверю-ка я, когда на самом деле заканчивается этот помпезный ритуал. Кто-то тут должен знать, какие тут порядки. Приеду я в семь тридцать – и опять жди». Он нашел шамеса, служку – должность эта по традиции предоставлялась дурачку, но молодой человек не знал об этой традиции. Наоборот, он-то считал, что обратился к человеку, который годами наблюдал за приходом и уходом людей. Этот человек должен знать не только время начала и окончания служб, но и особенности своей синагоги, ее персональный характер. Он непременно знает, когда закончится служба, – именно он, а не дядя Мартин, мало того, что маразматик, но еще и не бывавший ни разу в этой синагоге. А шамес – как раз специалист.

– В девять часов она заканчивается, – сказал специалист.

– Вы абсолютно уверены? – спросил Амос самым внушительным, самым требовательным тоном.

Грубый шамес, доселе не удостаивавший Амоса взглядом, – как шеф-повар на кухне, или министерский чиновник, или медсестра в больнице, – глубоко убежденный в

своей бесконечной важности по сравнению с теми, кого он обязан обслуживать, на этот раз посмотрел на него. Взглядом, полным презрения.

– Абсолютно я уверен? А кто еще может быть абсолютно уверен?

– Я просто спросил. – В эту минуту Амосу открылось, как человек узнает жуткую правду о себе, узнав себя в другом.

– «Я просто спросил», – передразнил его старый шамес, который сыт уже был надутыми молодыми людьми, указывавшими ему, что делать, словно он был служкой в конторе их папаш. – «Я просто спросил!» Да, я уверен, что уверен! – гавкнул он. – Я так уверен, что уверен, что мне платят за то, что я уверен. Специалист! Открыть, закрыть, этот раввин, тот хазан¹¹, кто, когда, что – меня спрашивайте. Ну, ты доволен?

– Доволен, – сказал Амос. – Благодарю вас. – И он ушел, оставив служку подметать и передразнивать.

– «Благодарю! Благодарю!»

Полученная информация доставила Амосу удовольствие. Она его порадовала. Не только тем, что дядя Мартин перепутал время – этого следовало ожидать, но и тем, что даже в такой организации, как синагога, есть специалист, причем специалист не по Б-гу. На самом деле ему было приятно услышать, что время окончания – другое. Он слегка обеспокоился бы, если бы шамес подтвердил слова старика, – старик не мог правильно назвать время. Старики ошибаются, должны ошибаться, если они, конечно, не специалисты в чем-то. Хотя, по определению, возраст лишает остатков квалификации. Ведь суть специалиста – способность подпитываться новыми знаниями, а новые знания принадлежат молодым и молодых подпитывают, как и должно быть. Во всяком случае, не восьмидесятидвухлетних старцев с глупыми представлениями о мозге и разделении людей на логичных и интуитивных. Удобная теория, простая – но вздор.

7.

Теперь он мог без помех подумать о своем затруднении. Он подъехал на машине к дому, а потом решил походить по улицам. Вечер был не самый подходящий для прогулок – не ясный вечер с яркими звездами и бодрящим холодом, как полагалось бы предвестием зимы. Нет, это была осень, виновато уползавшая в сырой тоске. Унылый вечер, мутный от мельчайшей «водяной тли», как охарактеризовала ее Миранда, коварный, желтый вечер. И если Амос бродил по улицам, не замечая этого, значит, в самом деле выбор был для него мучителен.

Казалось бы, просто. Его образование, образ жизни, характер подвели его вот к чему: к возможности реализовать себя в прибыльном, несомненно перспективном деле, в стране, которой он восхищался. С другой стороны – девушка, с которой он знаком полгода, она ему нравится, какое-то время он воображал, что любит ее, и ей правда предстоит страшная операция, но все-таки не такая уж необычная. Почти наверняка ничего нового не обнаружат. А после этого они, скорее всего, постепенно отдалятся друг

от друга: она – потому что не захочет суррогатного чувства, отравленного жалостью, а он не простит себе, что отказался от шанса, единственного в жизни, как всем нам кажется, когда нам двадцать три года.

И ради чего? Чтобы утешать ее, быть рядом, просто присутствовать. Сентиментальные, парализующие соображения! Кто сказал, что первый наш долг – состоять при другом, с кем нас свел всего лишь случай? А сами мы, мы будущие? Они тоже требуют заботы и верности. Понятно, на них труднее сосредоточиться, потому что они – в будущем! И все же, рассуждал он, в тридцать пять лет Амос будет другим человеком, не таким, как Амос в двадцать три. Какое он имеет право обделить этого другого человека, не говоря уже о тех, кого этот другой обязан будет кормить? Нет! Непросто решить, перед кем ты в большем долгу. Тем более что на будущее смотрят как на шутку. Кто и когда относился к будущему серьезно? Двенадцать лет! За это время умереть можно! Мир будет совсем другим! Над ним будут смеяться, он это понимал. Но понимал также, что этот другой, пусть и призрачный сейчас, будет существовать, и обязательства перед ним несравненно важнее обязательств перед Мирандой.

Он шел в желтой мгле, обдумывая свое призрачное будущее, и его пиджак, а потом и белье постепенно сырели, пропитываясь назойливой изморосью, липли к нему, вяло, как его мысли. Не годится! Соберись, молодой человек! Он попробовал сызнова. Но хотя начал с противоположного конца, вывод получался прежний: остаться и утешать Миранду, пожертвовав исключительными перспективами работы в Штатах, – просто сентиментальность, неправильно понятый долг. Неопровержимо! Но хоть и неопровержимый, вывод не доставил удовольствия. Хуже того, сам организм ему противился. Суставы сделались тугими, он сразу устал – и от собственной персоны, и от ходьбы. Хватит!

До чего быстро становятся пустыми некоторые изыскания. Безрадостными, как построения силлогизмов: сухими и не питающими душу, не возвращающими энергии, затраченной на них, – вот так и эти выкладки опустошали Амоса. Отнимали адреналин. Отупляли. Почему? Не всякая логика на него так действовала. Чаще она взбадривала его. Он ощущал свой запах – не только сырой одежды, но и собственной затхлости. Миранда всегда говорила, что не верит его строгим рассуждениям, и теперь он сам чувствовал истину, как морось заползавшую в душу: он сам себе не верит. Он почувствовал себя черствым созданием. И он знал причину! Эти «хорошие» родители. От них никуда не деться. В двадцать три года он нехотя привыкал к мысли, что они оставили на нем свой неизгладимый отпечаток, и его будущая призрачная личность, как речной туман, меняла форму и спрашивала: а что, если решение покинуть свою девушку, когда он ей больше всего нужен, окажется настоящим предательством? А? Что, если будущий тридцатипятилетний Амос будет презирать, а не благодарить черствого Амоса двадцатитрехлетнего?

Г-споди Б-же! Он – нравственный! Открытие! Он изумлялся открытию, потому что до сих пор рассматривал себя как аморальную личность. «Странно, – подумал он, – я считал аморализм интеллектуальной позицией, состоянием ума, которое достигается через рассудок. А может быть, аморальность – что-то вроде органического изъяна? Как дислексия у некоторых или отсутствие музыкального слуха, так у других – аморальность?» Эта мысль позабавила его.

А потом возникло новое чувство, теплое и очень необыкновенное – может быть, он полюбил? Признать это было труднее всего. Полюбить, думал он, значит во

многом пожертвовать свободой передвижения, действия, мысли. Кто из его женатых друзей и друзей его родителей оставался счастливым по прошествии пяти лет?

Он посмотрел на часы. Восемь. Дядю Мартина забирать через час. Брр! Одежда влажная! Ноги мокрые, вялые, хлюпают. Как же он устал от этой сырости и безрадостных мыслей. Сколько можно бродить? У него родилась мысль. Ванна! Он возликовал. Остановился, будто встретив любимого друга, и громко произнес: «Да». Времени хватит. Только горячую – чтобы оттаяли кости, застучало сердце, бросило в пот, кровь побежала по жилам, чтобы ожить, расслабиться. Налить ароматического масла. Надышаться сладостными запахами. Побаловать себя. А потом – переодеться: в сухие носки, в свежую рубашку, выстиранный пуловер, брюки и куртку, которую он купил под руководством Миранды и только ждал случая обновить.

Словно ожидая награды за выполнение особого приказа, он ринулся домой обихаживать себя. Через несколько минут упругой походкой, взвинченный, но бесконечно веселый он вошел в дверь своего дома, полного родственников, собравшихся для праздничной трапезы по случаю Нового, 5723 года. В ответ на вопросы о том, где дядя Мартин, Амос ласково уверил всех, что у него всё под контролем, там задержка до девяти, а то и чуть дольше, объяснять некогда, промок до костей, чуть жив, надо в ванну. Он поцеловал Миранду, которая с нетерпением ждала его и да, – необъяснимо – выглядела в его глазах женщиной, которую он любит!

– С Новым годом, – сказал он, – и добро пожаловать на твою первую трапезу Рош а-Шана. Пусть она будет первой из многих. – Потом наклонился и шепнул: – Я остаюсь.

Он взбежал по лестнице, шагая длинными ногами через две ступеньки, и вскоре со вздохом погрузился в душистую ванну. Он все добавлял, добавлял горячей воды и напевал, отмокая.

* * *

В синагоге – модерновом зале с новенькими дубовыми панелями и латунной осветительной арматурой, напрочь лишенном изящества и церковной торжественности и, по замыслу строителя, отражавшем скорее зажиточность собравшихся, чем их религиозный пыл, – сидел старик и удивлялся, как изменилось все с тех времен, когда он жил в Лондоне.

– Переменилось, все переменилось, – шептал он людям вокруг. – Чудесно! Художественно! Как здесь стало красиво, как просторно, какая резьба, это новое дерево. Честное слово! А люди! Какие милые люди! Красивые люди в вашем районе. Прекрасно

одеты. Молодежь. Яркие расцветки. И в синагоге. Я думаю, теперь это модно, да? Яркие вещи, никаких костюмов?

Его пытались унять, но он не слышал. Он любовался пурпурными рубашками и замшевыми пиджаками – и что уж скрывать? – с завистливым восхищением.

– Я не скажу, что некрасиво. Красиво. Но совсем не то, что в мое время.

Он взял в руку молитвенник и энергично забормотал, раскачиваясь взад-вперед, с подлинным чувством, с жаром; потом, решив, что на эту минуту достаточно почтил Б-га, уселся спокойно в позе Будды, сцепив руки на животе.

И теперь, в благоговейном покое, он с удовольствием вспоминал свое пребывание в Лондоне. Накануне они посетили художественную галерею в Уайтчепеле.

– Талантливые люди, – сказал он сестре. – Я такого не видел. Новое поколение. Какое великолепие. И рядом с тем местом, где мы жили, в Ист-Энде. Кто бы мог подумать?

Тут, вспоминал он, в голове у него соединилось. У молодого человека эта мысль родилась бы мгновенно, с энергией озарения. У человека преклонных лет она возникла со старческой замедленностью – не четкий рациональный вывод, а, напротив, совмещение образов, как в двух трубках бинокля, наводимого на резкость: цвета тщательно выписанных форм на холсте соединились с цветами одежд, и в этом был смысл. Это был энергичный, яркий мир жизни, где он ощущал себя старым. В этих красках не было робости, а формы успокаивали своей гармонией. Он, конечно, не формулировал свои мысли в таких словах, но соединение и то, что соединилось, его радовало. В эту его поездку, может быть, последнюю, все как-то ладилось. Тут был покой. Никакого сомнения.

Он посмотрел вверх, на дам на балконе. «Наверняка многие из них не замужем, – подумал он. – Наверняка некоторые – вдовы, без мужей. Ужасно жить без мужа, в одиночестве». Он снова стал молиться, весело раскачиваясь взад-вперед, радуясь тому, что он здесь, среди приятных, ярко одетых и набожных соотечественников, в этом великолепном новом здании. К его восхищению не примешивалась зависть, и у него вырвался привычный смешок, в котором соседи должны были бы услышать довольство, но они с грустью приписали этот смех старческому слабоумию.

В половине восьмого служба закончилась, но внучатый племянник за ним не приехал. Люди потянулись из синагоги к своим машинам – некоторых ждали машины: понятно, потому что дождь, – и ему пришлось успокаивать толстых мамаш, которых он целовал на прощание и которые вились вокруг счастливого старика, обеспокоенные тем, что он остается один, без присмотра.

– За мной приедут. Конечно. Обо всем условлено. А вы отправляйтесь домой и будьте счастливы, и пусть у вас будет хороший ужин, чтобы вы были сильными и здоровыми – зима наступает, вы понимаете?

Один за другим гасли огни в синагоге. К нему подошел шамес, и старик еще раз объяснил:

– Сын моей племянницы, он должен быть здесь, я с ним договорился.

– Вы знаете телефон? – Шамес был озабочен. – Скажите, я позвоню.

– Телефон? Адрес? Зачем? Зачем мне все это? Он молодой человек, очень ответственный, он работает, он образованный и все такое. Он знает, что я здесь, что он должен приехать. Зачем мне адреса, телефоны?

Специалист отошел, убеждая себя, что между стариком и молодым человеком, с которым он говорил перед службой, никакой связи нет. Кроме того, разве его вина, что там передумали и отказались от полной службы? «Сегодня народу было мало!» Сегодня мало! А когда его было много? Должны были сказать ему до службы. Кто он им – украшение что ли? Ему платят, чтобы он дело делал, – так дайте ему делать! Ни на что нельзя положиться. Но сколько бы он ни ругал их, он не мог отделаться от подозрения, что старик застрял здесь из-за его, служки, неинформированности. Раздраженный, он тихонько удалился, чувствуя, что уже не получит настоящего удовольствия от новогоднего ужина.

Полтора часа под дождем и в холоде ждал старик, расхаживая перед синагогой; он боялся вернуться к дверям по гравийной дорожке: нетерпеливый молодой человек мог приехать, никого не увидеть и тут же уехать, а он не успел бы до него добежать. Он увидел, как во двор синагоги вошли две девушки, подошли к окну и положили на подоконник пакет. Странное дело. Что, если это бомба? Проверить он не мог – вдруг в это время Амос подъедет? Конечно, там может быть просто хлеб для птиц, а если правда бомба? Улицы были безлюдны, и ветер дул ему в лицо. К счастью, пальто было толстое и плотное и пока не промокло.

Он не мог понять: я же ему сказал! Сказал: в семь. Самое позднее в половине восьмого. Он меня слышал. Обещал: хорошо, не беспокойся, приеду. Что там случилось? Оставили старика мокнуть под дождем, а сами дома, в тепле, ужинают. Почему? Не знали? Как это не знали? Они уже не дети, взрослые ответственные люди, должны понимать такие вещи – договорились ведь. Их учили быть внимательными и заботливыми. Что это за человек, если он не внимательный, не заботливый, не серьезный? Ладно, они не религиозны – трапеза Рош а-Шана устраивается ради него. Большое спасибо, очень любезно с их стороны. Но где же их серьезность? Держать старика столько времени под дождем? Старик может простудиться в такую погоду. Что же там случилось? Где этот молодой человек, образованный молодой человек? Они там дома, в тепле, едят, а старик может умереть. Странное дело. Он ничего не понимал.

Ἰ ἀδελφὰ καὶ ἀδελφεῖς Ἀεὸ ἰδὼ Ἄϊεῦσάν

^[1] Долстон – район в центре Лондона.

^[2] Всеобщий еврейский рабочий союз Литвы, Польши и России, известный у нас как Бунд, основан в 1897 году. В 1906–1912 годах входил в РСДРП, действовал в Европе до 1930 года. Участвовал в польском Сопротивлении во время 2-й мировой войны. Остатки его сохранились в США, Канаде, Австралии и Великобритании. Входит в Социалистический интернационал.

^[3] Имеется в виду западная часть Лондона, более фешенебельная, – Вест-Энд. (Восточная часть – Ист-Энд – рабочий, промышленный и портовый район.)

^[4] Скалистый край – холмистый район и национальный парк в Центральной Англии.

^[5] В долине Гленкоу (Шотландия) в 1692 году 37 членов клана Макдональд были убиты правительственными войсками под предлогом того, что они не принесли вовремя присягу королю Вильгельму Оранскому и остались сторонниками свергнутого Якова II. 40 детей и женщин погибли от холода после того, как были сожжены их дома. Существенную роль в этом событии сыграла межклановая рознь.

^[6] Перевод Г. Кружкова.

^[7] Масада – крепость у Мертвого моря, ставшая последним оплотом повстанцев во время антиримского восстания 66–73 годов. После долгой осады, когда римляне проломили стену, защитники крепости убили жен и детей и покончили с собой, чтобы не стать пленниками.

^[8] Спасаясь от погрома, евреи Йорка укрывались в центральной башне замка. Когда возможности сопротивления были исчерпаны, Йом Тов убедил их покончить с собой – сдача означала пытки или крещение. Реальной причиной погрома было то, что крестоносцы влезли в долги и не хотели расплачиваться с евреями.

НЕМОЙ МИНЬЯН

בְּאֵי אֲדֹאָא

ХИРОМАНТ

В углу двора Песелеса, в малюсенькой нижней двухкомнатной квартире, живет хиромант Борух-Лейб Виткинд. Он может по линиям на ладони определить характер и предсказать судьбу. Этот хиромант – весьма Б-гобоязненный старый холостяк, высокий, с кривоватыми плечами, с длинным лицом, с длинным носом и водянистыми глазами. В той же квартирке, где он живет, жили и его родители. Рано оставшись круглым сиротой, Борух-Лейб Виткинд выучился легкому ремеслу стекольщика, чтобы ни от кого не зависеть. По книжкам, написанным наполовину на священном языке, наполовину на старинном идише, он изучил премудрость гадания по руке и понемногу прославился в качестве предсказателя. Борух-Лейб Виткинд молится с первым миньяном, завтракает в своей квартире, а потом ходит по городу и застекляет окна. Вернувшись с работы, он ест, а потом отправляется в молельню. Поскольку, будучи молодым пареньком, он не успел много выучить, он использует теперь каждую свободную минуту, чтобы посидеть над святой книгой. О том, что он не понимает, он спрашивает у вержбеловского аскета или у слепого проповедника. Посетители, приходящие к предсказателю, уже знают, что, если он не на работе и не дома, его можно найти в Немом миньяне.

Около одиннадцати часов вечера. Соседям на крылечках двора Песелеса надоедает болтать, и, сонно зевая, они расходятся по квартирам. Аскеты из Немого миньяна тоже расходятся по квартирам, и огоньки в окнах начинают гаснуть. Над двором, среди жидких облаков остается висеть луна с желтоватым, заостренным лицом, как у голого человека, который погружается в холодную, проточную воду среди пустых берегов. В круглых окнах молельни и в четырехугольных окошках квартир стыннут застекленные лунные лучи, как пятнышки света в глазах с бельмами. Тени от крылечек и

домишек неподвижно лежат на брусчатке. Только тень, падающая из освещенного окна хироманта, качается в ночном дворе. Борух-Лейб раскачивается над Талмудом, в котором мудрецы спорят, влияют ли звезды и созвездия на судьбу людей или нет. В этот поздний час он не ждет гостей. Но, к его раздражению, открывается дверь и входит Злата-Баша Фейгельсон, папиросница. Тем не менее Борух-Лейб не показывает своего недовольства. Он закрывает Талмуд и спрашивает женщину, как самочувствие ее больного мужа.

– Он выкашливает легкие. – Папиросница останавливается напротив него и говорит со вздохом и обидой: – Сколько бы я к вам ни ходила, вы не хотите говорить мне правду, будет ли жить мой муж.

– Я уже не раз вам говорил, что я не пророк и не врач. Тем не менее я пошел вам навстречу и посмотрел руку вашего мужа. Чем я могу вам помочь? Когда человек измучен, взволнован или болен, по линиям на его ладони ничего нельзя узнать, так же как нельзя разглядеть путь в тумане. Я сказал вам помимо этого, что для Б-гобоязненного еврея линии на ладони не приговор. Если еврей совершает покаяние и дает милостыню, Всевышний прощает его грехи и изменяет его судьбу к лучшему.

В чем же согрешил ее муж, что он должен совершать покаяние? – спрашивает Злата-Баша Фейгельсон. Может быть, в том, что он вынужден всю жизнь набивать табак в гильзы? И откуда ей взять деньги на раздачу милостыни? В прежние времена Борух-Лейб еще заходил к ним домой, но в последнее время не показывается. Может быть, он слышал, что ее дочери ведут себя недостойно? – задает папиросница еще один вопрос. Борух-Лейб сидит с закрытыми глазами, ему неудобно встречаться взглядом с этой женщиной. Он не считает неправильным, что мать хочет выдать замуж своих дочерей. Но его раздражает, что она хитрит и приходит под разными предложениями, хотя имеет в виду одно: вынудить Боруха-Лейба пообещать ее умирающему мужу, что он женится на их старшей дочери. Борух-Лейб не умеет и не хочет хитрить, как Злата-Баша Фейгельсон. Поэтому он говорит прямо и по делу, раздраженно выдирая волосы из бороды:

– Не знаю, пара ли мы с вашей дочерью. Пусть она подождет еще и встретит своего суженого.

Папиросница обиженно морщится. Пока она мелет и мелет без перерыва, как ветряная мельница слов, ее глаза спрашивают о впечатлении, производимом ее речами. Она без умолку мелет, что молодые люди с ума сходят по ее старшей дочери. Но Нисл не хочет простого ремесленника или рыночного торговца. Она хочет деликатного, тихого жениха; набожность для нее не является недостатком. У Нисл, правда, нет приданого, но кое-что у нее есть. Она не голая и не босая, не дай Б-г. Она не толста. Ну а девица с красной физиономией и большой задницей разве красивее? Дело во вкусе. Есть люди, которые не любят есть ложкой, а предпочитают хлебать прямо из тарелки. А есть такие женщины, которые, чтобы покрасоваться, запихивают под платье подушки сзади и спереди. Про Эльку-чулочницу с ее большим ртом говорят, что она в девичестве обкладывала себя подушками, чтобы ее жених Ойзерл Бас не понял, что она тощая чертовка.

– Почему вам надо, чтобы похвалить свою дочь, оговаривать других? – сердится Борух-Лейб, и ему даже стыдно смотреть на папиросницу, ведь он знает, что она с ним хитрит.

Он закрывает большой фолиант и открывает другую святую книгу, поменьше, книгу Зоар^[1]. Он начинает в нее напряженно всматриваться, чтобы папиросница знала,

что она ему мешает. Но Злата-Баша Фейгельсон не двигается с места. Она стоит, сложив руки на своем впалом животе, и пожимает плечами: кто оговаривает? Пусть у нее рот перекосит, если она кого-то оговаривает. Она имеет в виду только его, Боруха-Лейба, счастье. Она к нему как мать. У нее сердце болит, когда она думает, что он валяется тут один-одинешенек. Когда он наконец возьмет жену, кто бы она ни была, она будет поддерживать чистоту в доме, чинить его платье и следить, чтобы он не питался одной сухомяткой. Не говоря уже о том, что набожный молодой человек не должен сидеть без жены. Он ведь даже не знает, как заработать и как удержать честно заработанный злотый. Со своим стеклянным ящиком он человек обыкновенный, в Вильне нет нехватки в стекольщиках. Он неповторим в своем умении гадать по руке. Но у него странные манеры. Когда приходит состоятельный человек, он даже не смотрит, сколько тот оставляет. У него обманом выманивают его знания. Мужчина сам по себе не умеет устраиваться. Ему нужна умная, верная жена. Тогда он своим знанием заработает состояние.

Подобных разговоров и советов старый холостяк слышать не может. Он долго печально молчит, пока Злата-Баша Фейгельсон не замечает, что на сегодня она наговорила больше чем достаточно, и не уходит. Борух-Лейб вздыхает с облегчением и думает: такая мать – плохая сваха. Ее старшая дочь Нисл – тихая девушка, и при набожном муже она вела бы себя, как положено еврейке. О нем она не желала слышать, потому что он гадает по руке и ей из-за этого казалось, что он вроде знахаря, цыгана или татарина. Он, со своей стороны, понял, что, если гадание по руке кажется ей черной магией, она ему не подходит. Но теперь Нисл испугалась. Похоже, она боится засидеться в девках, а кроме того, ее отец умирает, вот она и согласна на это сватовство. Может быть, она сама все еще не согласна, но дала матери себя уговорить, и та убедила Нисл, что она будет жить с мужем спокойно и сможет на его деньги выдать замуж своих младших сестер. Жаль, конечно, папиросницу и ее дочерей, но он не должен из-за них себя ломать. Иначе, вместо того, чтобы молиться и учить Тору, сколько желает его сердце, ему придется очень много работать по стекольному делу и вырывать деньги у бедных людей, приходящих узнать свою судьбу. Недавно папиросница спросила его, в каком случае ему платят больше: когда он предсказывает добро или же когда предсказывает зло? А когда он ответил, что больше платят за добрые предсказания, она посоветовала ему всегда предсказывать добро. Так что, если он станет ее зятем, ему к тому же придется быть лжецом.

Борух-Лейб склоняется над книгой Зоар и медленно водит пальцем от строки к строке, словно исследуя карту потаенного мира, куда он собирается в долгое путешествие. Каждое слово, произносимое им шепотом, он повторяет с чувством единения с Б-гом. Поскольку арамейский язык труден для Боруха-Лейба, книга кажется ему еще более загадочной. В свете настольной лампы буквы искрятся золотом. Освещена только половина длинного лица хироманта: длинный нос и большой неподвижный глаз. Вторая половина его лица в тени и словно принадлежит другому миру – миру теней, застывающих на стенах и на полу комнаты. Хиромант изучает по книге Зоар искусство гадания по руке.

Он читает по-арамейски и переводит для себя: «На высшем небе внешнего мира, прикрывающем внутренние небеса, высечены знаки, открывающие сокрытое и тайное. Кожа людей тоже содержит тайные начертания, подобные звездам и созвездиям, чтобы мудрецы посредством этих начертаний и линий на коже могли распознать судьбу человека».

После полуночи снова открывается дверь и входит вержебеловский аскет, реб Довид-Арон Гохгешталт. Он потирает руки, словно бы летним вечером был мороз, и

принимается по своему обыкновению кружить по комнате маленькими осторожным шажками, говоря какие-то пустяки, прежде чем перейти к делу.

– Я спустился во двор и увидал, что у вас свет. Думаю, вы наверняка бьетесь над сложным отрывком из Талмуда и будете довольны, если я вам его разьясню. Не так ли? – прикидывается дурачком вержбеловский аскет.

– Не так, – сухо отвечает предсказатель.

Он знает, что аскет зашел спросить о будущем и что он тоже хитрит, как до него папиросница. Теперь, после полуночи, ему непременно нужно узнать, почему такой замечательный молодой человек, как Борух-Лейб, избрал для себя презренное ремесло стекольщика. Какой в этом смысл и как это выглядит, что он спускается в подвалы и карабкается на чердаки, чтобы вставлять стекла и закреплять их замазкой? Борух-Лейб Виткинд отвечает ему, что спускаться в подвалы и карабкаться на чердаки, вставлять там стекла и закреплять их замазкой как раз имеет смысл, потому что, когда стекла целы, через них проходит свет дня, за который люди благодарят Всевышнего, как сказано в молитве: «Освещающий землю и живущих на ней в милосердии». И хиромант щелкает пальцами, чтобы аскет показал ему свою ладонь.

– Ну что ж, давайте-ка посмотрим, знаете ли вы практически то, что постоянно рассказываете из книги Зоар про искусство гадания по руке, – дает ему руку вержбеловский аскет, втягивая голову в плечи.

– Я все еще не вижу на вашей ладони знака, что вы расстанетесь с одной и соединитесь с другой, – говорит хиромант.

– Вот как? Не видите? – передразнивает аскет и отдергивает свою руку, словно его пальцы запихнули в кастрюлю с кипятком. – Вот я вам уже и верю! Я только не уверен, что моя ведьма не пишет вам втихаря письмишек, чтобы вы ее поддерживали. А откуда я знаю, что вы сами не хотите жениться на Хане-Этл Песелес? Наша домохозяйка, владелица пекарни Хана-Этл Песелес вам нравится, а? Это зависть в вас говорит! Вы хотите у меня перехватить богатую вдову. Вот вы и говорите, что не видите на моей ладони второй свадьбы.

Реб Довид-Арон Гохгешталт так обижен, что теряет всю свою деликатность ученого из Литвы. Ему не спится в эту летнюю ночь в его однокомнатной квартире, что на этаже напротив женских хоров молельни. Вот он и спустился, чтобы немного поговорить с соседом, хотя этот сосед всего лишь ремесленник, да к тому же неуч, не способный разобрать ни единого листа Талмуда. И этот неуч еще дразнит его, как и прочие нечестивцы со двора Песелеса, говоря, что его проклятая жена не возьмет у него разводного письма. Реб Довид-Арон так разгневан, что тычет пальцем в предсказателя и громко смеется ему в лицо.

– А что, если я не уважаю жертвоприношений, так я поверю, что вы способны угадывать будущее по линиям на ладони и точкам на ногтях?

– Как это вы не уважаете жертвоприношений? Ведь в Торе сказано, что надо приносить жертвы, – растерянно смотрит на него Борух-Лейб.

– Я прямо удивлен, что это сказано в Торе, – радуется вержбеловский аскет тому, что может отомстить предсказателю.

И вот после полуночи, буквально на ступенях молельни аскет реб Довид-Арон Гохгешталт полностью отвергает жертвоприношения. В прежние времена, говорит он, люди были кровожадными, дикими. Их тянуло колоть и резать. Так вот для того, чтобы евреи, подобно другим народам, не приносили жертв идолам, Тора повелела приносить скот в жертву Б-гу. Но в наши дни электричества и поездов просто дико говорить о принесении жертв.

Как и другие соседи со двора Песелеса, предсказатель Борух-Лейб знает, что от многолетних скитаний на чужбине вержбеловский аскет малость не в своем уме. С другой стороны, он все-таки большой знаток Торы, и не ему, Боруху-Лейбу, пускаться в дискуссию с ученым. Тем не менее набожный холостяк чувствует, что после таких речей смолчать нельзя. Он спрашивает: как это реб Довид-Арон может быть против жертвоприношений? Ведь в Судный день евреи падают ниц и возносят молитву, чтобы Храм был заново отстроен для принесения в нем жертв. Так почему же евреи это делают?

– Вот и я спрашиваю, – откликается вержбеловский аскет, и его лицо при этом морщится, кривится, глаза жмурятся, как у большого насмешника и хитреца. Ладно, говорит он, что простаки падают ниц. По этому поводу у него нет вопросов. Они даже не понимают значения слова «ниц». Проблема с благородными, учеными евреями, которые во время молитв Судного дня плачут, почему они не удостоились узреть, как первосвященник режет быка острым жертвенным ножом, как он набирает кровь жертвы в миску и разбрызгивает ее своими пальцами во имя искупления. А чтобы не сделать при разбрызгивании ошибки, он еще и считает: один и один, один и два. Потом он бежит назад, этот первосвященник, и режет козочку и снова набирает кровь в миску. И снова макает пальцы в кровь и разбрызгивает ее, и снова считает: один и один. Кантор у бимы поет, а евреи в талесах и китлах^[21] подпевают ему. Получается, что даже те евреи, которые понимают значение слов, не имеют воображения, чтобы представить себе, как такое разбрызгивание крови выглядит в реальности. Этот слепец и проповедник реб Мануш Мац тоже сидит в своем уголке и учит наизусть главы святой Мишны, а понимает их, как сам себе придумает, на простом идише. Он учит, как приносят в жертву быков, овец, коров, белых голубей; как закалывают и как сворачивают головы, что делают с мясом и жиром, со внутренностями и с кровью. И с какой приятностью он все это выговаривает, этот милосердный праведничек, этот слепой проповедник, реб Мануш Мац! А его, вержбеловского аскета, все это ужасает и пугает, прямо дрожь на него нападает. Брр! – показывает реб Довид-Арон, как все это его ужасает и пугает.

Борух-Лейб обиженно молчит и смотрит на свои ногти, словно ища на них точки судьбы, о которых говорится в святой книге Зоар. Вержбеловский аскет уже раскаивается, что выболтал свои мысли о жертвоприношениях. Он не хочет, чтобы слухи о его еретичестве дошли до Ханы-Этл Песелес, но не знает, как раскрутить то, что он здесь закрутил. Он начинает чесать под мышками, крякать и хихикать: хе-хе-хе. Его совсем не пугает, что люди узнают о его сомнениях относительно жертвоприношений. В конце концов, и пророки бушевали по этому поводу. И его, конечно, не волнует, если люди узнают, что он далеко не уверен, что премудрость гадания по руке принадлежит к семи восхваляемым премудростям. В конце концов, и по поводу влияния звезд на судьбу человека есть настоящий спор в Талмуде. Он лично поддерживает ту сторону, которая утверждает, что звезды имеют влияние на все народы – кроме евреев. Евреями управляет Сам Всевышний. Так что, пожалуйста, пусть Борух-Лейб рассказывает о его сомнениях Хане-Этл Песелес и вообще кому хочет – так выкручивается аскет и кланяется, кланяется, и отступает мелкими шажками, пока не выходит из комнатки.

На следующее утро после молитвы и завтрака, когда Борух-Лейб уже готовился выйти со своим ящиком инструментов на работу, вошла Ентеле, дочь портного Звулуна. Вместе с ней вошла утренняя, нежная, летняя солнечность, словно Ентеле принесла большую скрипку с золотыми струнами, которые вздрагивают и гудят при каждом слове, напевно срывающемся с ее уст.

– Доброе утро, Борух-Лейб, – зазвенел ее голосок, и она протянула ему свою правую ручку с пухлой ладошкой, чтобы он предсказал, будет ли ее брак с Ореле Тепером счастливым.

– У девушек надо смотреть левую руку, – говорит хиромант.

– Что же вы раскачиваетесь надо мной, как над священной книгой? Я же пугаюсь, – щебечет Ентеле и протягивает ему левую ручку.

Борух-Лейб улыбается. Он носил Ентеле на руках, когда она была еще совсем крошкой, и сейчас она согревает его сердце, как родная сестренка.

– Твоя линия счастья, Ентеле, тянется долго и широко и не прерывается посередине. Это знак того, что ты будешь счастлива, покуда будешь жить. Это также знак того, что тебе не придется ходить по людям и что о тебе не будут говорить дурного.

– Спасибо вам, Борух-Лейб, за добрые слова. Но Элька-чулочница наговаривает на меня. Она говорит, что у меня есть жало и что после свадьбы мой муж будет у меня под каблуком.

Хиромант рассматривает подушечки на ладони, пальцы и ногти, потом предлагает ей показать ему правую руку, потому что есть мнение, что надо смотреть на обе руки. Он смотрит и сгибает ее пальцы, пока не провозглашает, что верхние фаланги пальцев Ентеле сильно выгибаются. А это знак, что она не лишена завистливости. К тому же ее столбовая линия тянется до второго и третьего пальцев, а это знак того, что втихаря она умеет и злиться. Но у нее нет линий, которые бы показывали, что она, не дай Б-г, распущенная.

– Я не святая. – Ентеле надувает губки, крутит головкой на короткой шейке, и ее круглое лицо сияет. Ентеле целуется с Ореле на ступеньках до полуночи, и ее ничуть не волнует, что скажут люди. Борух-Лейб поднимает свое длинное, осунувшееся лицо с водянистыми глазами и душит взглядом дочку портного Звулуна.

– Ты гневлива, Ентеле. Во время беременности ты должна остерегаться, чтобы от злости у тебя, не дай Б-г, не было выкидыша.

– Зачем мне заранее мучиться по поводу того, что будет потом, если мы с Ореле все равно пока не можем пожениться, потому что нам негде жить, – говорит своим певучим голосом Ентеле и уходит. Но ее нежный, свежий затылок все еще витает перед хиромантом, словно кто-то из укрытия направил на него зеркальце, в котором преломляются солнечные лучи.

После ухода Ентеле предсказатель остается сидеть на стуле и в его набожных, как у ягненка, глазах светится глубокая задумчивость. Он не уверен, что Ентеле хотела его ужалить своим жалом, о котором говорит Элька-чулочница. Но все равно его укололи ее слова о том, что она и Ореле не могут пожениться, потому что им негде жить. Борух-Лейб знает, что соседи по двору говорят: так как он один живет во дворце, в этой квартирке из двух крошечных комнаток, он хорошо уживается с аскетами из Немого миньяна и его не волнует, что другие обитатели двора задыхаются от тесноты. Предсказатель размышляет над этим, пока ему не приходит в голову, что и папиросница Злата-Баша Фейгельсон со своими дочерьми зарится на его квартиру. Но неразумно жениться только потому, что он один занимает две комнаты и кто-то этим недоволен.

Ентеле, впорхнув, как птичка, в дом Боруха-Лейба и выпорхнув из него, оставила у него в голове путаницу, в которой никак не разобраться. Сегодня у него уже нет желания идти стеклить и замазывать окна. Он поднимается в Немой миньян. Там, в уголке, ему всегда хорошо. Хотя он и не ученый, он знает все места в Талмуде, где говорится о премудрости звезд, и он изучает их. Вот и на этот раз он вынимает Талмуд, трактат Моэд катан, и раскрывает на отмеченной странице, где говорится о звездах и созвездиях. Набожный старый холостяк читает Талмуд вслух сладким голосом, подобно обгорелому дереву, изливающему соки на свою собственную кору.

«Омар Раба – сказал Раба, что жизнь, дети и доходы зависят не от заслуг человека, а от везения. Потому что Раба и рав Хисда были равны в мудрости и праведности, каждый из них мог своей молитвой добиться, чтобы пошел дождь. Несмотря на это, рав Хисда жил девяносто два года, а Раба – только сорок лет. В доме рава Хисды было шестьдесят свадеб, а в доме Рабы – шестьдесят похорон. В доме рава Хисды собака не хотела есть хлеба из крупчатой муки, а в доме Рабы у людей не было хлеба из ячменя».

Борух-Лейб упирается головой в раскрытый Талмуд и снова долго думает. Потом он оглядывается, кому из аскетов он мог бы задать вопрос о сказании, которое он учит. Он видит, что вержбеловский аскет загораживается от него пюпитром. Значит, он стыдится того, что говорил вчера ночью. Борух-Лейб идет к слепому проповеднику реб

Манушу Мацу, который сразу же узнает его по звуку шагов и перестает учить по памяти еще до того, как Борух-Лейб к нему подходит. Набожный старый холостяк стоит, склонившись над слепым проповедником, и пересказывает ему слова Талмуда, что наличие детей зависит от везения. Однако в другом сказании из Талмуда говорится: праотец Авраам пожаловался Всевышнему, что по звездам он видит, что ему не суждено иметь детей. Всевышний ответил ему, чтобы он не пытался определить своей судьбы по звездам. У него будут дети. Так какой же из двух рассказов Талмуда правильный?

– Оба! – отвечает реб Мануш Мац. – У каждого человека есть звезда, которая светит на него и руководит им. Однако человек может обладать таким внутренним светом, который делает светлее даже его собственную мрачную судьбу. И вот такую силу имел в себе праотец Авраам. В целом же, – продолжает реб Мануш Мац, – не следует мучиться, сводя и сравнивая слова мудрецов о звездах так, чтобы они состязались между собой. Если Борух-Лейб думает, что звезды управляют человеком, ему позволительно так думать, покуда он не забывает, что даже звездами, которые управляют людьми, управляет Всевышний. При этом не следует забывать, что подобно тому, как небо – не небо без двенадцати созвездий, земля – не земля без двенадцати колен.

Некоторое время проповедник раскачивается и вздыхает. Видно, он хочет еще что-то добавить и не знает, стоит ли. Наконец он решается.

– И не надо забывать, Борух-Лейб, что точно так же, как среди звезд на небе нет ненависти и зависти, – ведь сколь бы чудовищно велики они ни были, небо еще больше, так велико, что все звезды на его фоне – крошечные точки и им не надо ссориться из-за места, – точно так же нет ненависти и зависти среди настоящих мудрецов и праведников. Ах, мы видим на Синагогальном дворе среди аскетов, в бейс дине^[3] среди судей и просто среди знатоков Торы, что это не так? Объяснение таково: виновны люди Торы, а не сама Тора.

Реб Мануш Мац не хочет говорить попросту, что завистливые ученые не являются настоящими звездами. Борух-Лейб тоже не хочет предаваться злоязычию и не рассказывает слепому ребенку, что вержбеловский аскет против жертвоприношений. Но он рассказывает о Ентеле, дочери портного Звулуна, которая жаловалась ему, что она и ее Ореле не могут пожениться, потому что им негде жить. Его это очень расстраивает, он ведь один-одинешенек живет в двух комнатах. Проповедник вздыхает и отвечает, что

Ентеле была и у него и что он тоже чувствует себя виноватым, занимая уголок в Немом миньяне. Но Борух-Лейб получил свою квартиру от родителей, к тому же он холостяк, которому еще предстоит жениться. Он не должен чувствовать себя виноватым.

Предсказатель уходит от проповедника успокоенный, утешенный, и у него возникает желание успеть еще сегодня со своим ящиком инструментов и стеклом в пару домов. Он торопится к себе домой за инструментом, а потом быстро шагает по улице. При этом у него не выходят из головы слова проповедника о том, что человек может светить таким светом, что разгорится даже его звезда на небе. Почему же реб Мануш Мац не может сделать светлее свою собственную судьбу, чтобы ему не приходилось быть слепым на оба глаза и жить на подаяние?

Ī adāitā pēēēōā Āāēēā xādī ēī ā

В серии «Проза еврейской жизни» издательство «Книжники» в ближайшее время готовит к выпуску первое русское издание «Немого миньяна» Хаима Граде.

^[1] Буквально «Сияние». Основной текст мистического учения каббала, написанный на арамейском языке.

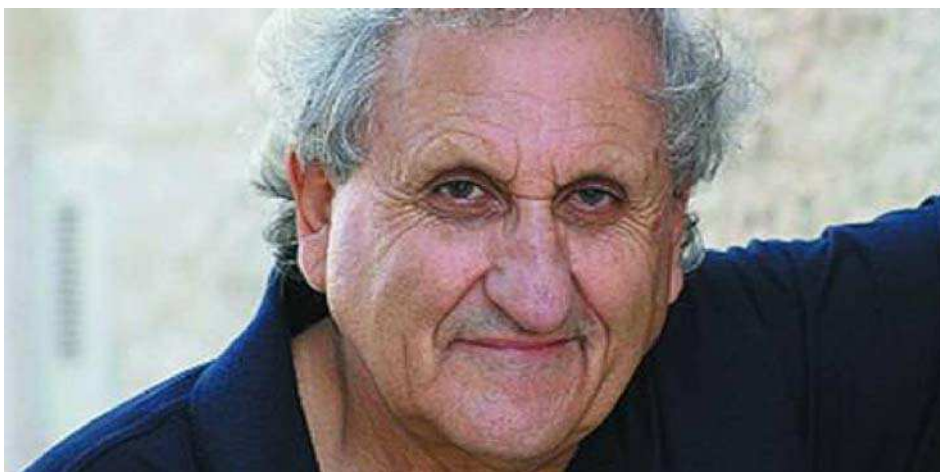
^[2] Традиционное белое праздничное одеяние.

^[3] Еврейский религиозный суд.

ЗАПАД ЕСТЬ ЗАПАД, ВОСТОК ЕСТЬ ВОСТОК

Áààèä Áàòò

Из девяти романов Авраама Б. Иегошуа (р. 1936), крупного прозаика поколения Амоса Оза и Аарона Аппельфельда, одного из самых читаемых в стране и за границей (переведен на 28 языков) и самых титулованных (премии Бялика и Альтермана, Джованни Боккаччо и Виареджо и др.) израильских писателей, на русский переведены четыре: «Пять времен года»^[1] (оригинальное название – «Молхо»; 1987), «Возвращение из Индии»^[2] (1994), «Путешествие на край тысячелетия»^[3] (1997), «Смерть и возвращение Юлии Рогасовой»^[4] (оригинальное название – «Миссия уполномоченного по кадрам»; 2004). Русские издания появились в ином хронологическом порядке, начиная с «Путешествия на край тысячелетия». Заметим шепотом, что, по нашему скромному мнению, на нем же следовало и закончить, но раз уж этого не произошло, поговорим обо всех четырех.

1.

Герой романа «Пять времен года», сефардский еврей Молхо, похоронив жену, безрадостно проживает следующий год, деля время между работой, тремя детьми и тещей, а попутно пытаясь завязать отношения с какой-нибудь женщиной. Дети продолжают расти и отдаляться, теща умирает, а жену себе он так и не находит – то медлит с этим, то, наоборот, спешит, то слишком критичен к женщинам своего возраста, то вдруг согласен на самые неподходящие партии, то пестует свои высокие ожидания, то берет потенциальную партнершу под гиперопеку. Так проходит год, и вновь наступает осень со статус-кво во всей его пожухлой желтизне. Главы книги так и называются: «Осень», «Зима», «Весна», «Лето», «Осень», – и как тут не вспомнить Ким Ки-дука, но сходство чисто формально: в романе Иегошуа смена сезонов никак не обыгрывается, а лишь фиксируется внутренним хронометром героя.

Герой романа «Возвращение из Индии», молодой врач Бенци, никак не может поставить на надежные рельсы свою карьеру, но страсть к медицине счастливо перевешивает в нем обиду и комплекс неполноценности. Тем временем он влюбляется в Дорит, жену директора своей больницы, женщину на двадцать лет старше себя, которая отвечает ему частичной взаимностью, но высказывает недовольство асимметрией их

семейных положений. Дабы исправить эту ситуацию и по некоторой еще трудноопределимой причине, не имеющей ничего общего с любовью, он женится и даже заводит ребенка. Через пару лет директор умирает вследствие неудачной операции на сердце, Бенци готовится соединить свою жизнь с освободившейся возлюбленной и под это дело практически разрушает свою семью, но Дорит отказывает ему и уезжает в Европу – наслаждаться то ли одиночеством, то ли романом с совсем другим мужчиной.

Герой «отменно длинного, длинного, длинного» исторического романа «Путешествие на край тысячелетия», магрибский еврейский купец Бен Атар (дело происходит в преддверии первого миллениума н. э.), отправляется из своего родного Танжера в плавание в далекий Париж, куда переселился его племянник и компаньон Абулафия. Поездка вызвана необходимостью восстановить торговое партнерство, расторгнутое по требованию новой жены Абулафии, ашкеназской еврейки, возмущенной двоеженством Бен Атара. (На тот момент бигамия и полигамия были распространены и вполне легитимны в восточной еврейской диаспоре и только-только запрещены евреям Германии и Франции.) И вот Бен Атар везет с собой обеих своих жен, чтобы наглядно продемонстрировать благополучие и прочность их тройственного союза, но цель его оказывается достигнута совсем не так, как он рассчитывал. Новые ашкеназские родственники Абулафии отнюдь не готовы признать законность двоеженства, и раввинский суд в Вормсе даже отлучает Бен Атара, тем самым объявляя его негодным не только для делового партнерства, но и вообще для общения, но в ходе тяжелого путешествия его вторая жена умирает, и, за исчезновением *casus belli*, конфликт заглаживается и партнерство восстанавливается.

Герой романа «Смерть и возвращение Юлии Рогаевой», начальник отдела кадров крупной иерусалимской пекарни, пытается загасить скандал, угрожающий репутации его предприятия. Иностранная работница Юлия Рогаева, служившая в пекарне уборщицей, погибла в теракте, и тело ее много дней оставалось никем не опознанным и не востребованным, пока один журналист, покопавшийся в сумочке убитой и обнаруживший там платежку из пекарни, не написал разгромную статью, обвиняющую руководство предприятия в бесчеловечности и наплевательском отношении к своим кадрам. По настоянию хозяина пекарни кадровик сопровождает тело Юлии Рогаевой на ее родину, в бедную и заснеженную христианско-мусульманскую страну с социалистическим прошлым, условную Татарию, где оно должно быть предано земле ее сыном и матерью. Кадровик недавно развелся и, несмотря на регулярные походы по ночным клубам, пока что не нашел себе постоянной женщины, а в ходе выполнения этого странного задания он не менее странным образом заочно, по фотографии, влюбляется в мертвую женщину и под конец уже превосходит в щедрости и тщательности своего начальника, хотя поначалу не видел в своей миссии ни смысла, ни необходимости.

При обсуждении этого романа принято акцентировать его социально-политическое звучание. Во-первых, Иегошуа затрагивает здесь злободневную тему иностранных рабочих, а также нелегальных иммигрантов (не очень, кажется, разобравшись в юридической сути вопроса); во-вторых, привлекает внимание к проблеме анонимной и массовой смерти. Примечательно, что все живые персонажи романа анонимны (Кадровик, Старик, Журналист и др.), по имени названа лишь погибшая женщина. Как заявляет сам автор в интервью порталу Nextbook.org, в израильском обществе со времен Войны за независимость научились чтить память героически погибших солдат, но до сих пор совершенно не развиты механизмы оплакивания, осмысления и мемориализации смертей гражданского населения, обычных людей, погибших в терактах. Саму проблему палестинского терроризма Иегошуа благоразумно не обсуждает. Впрочем, позиция его известна; ультрасионист, в этом вопросе он

исповедует левые взгляды, но еще более склонен к обвинениям и самообвинениям: «Палестинцы находятся в состоянии безумия, напоминающем безумие немцев в нацистский период. Палестинцы не первый народ, доведенный евреями до безумия».

2.

Определенный параллелизм этих четырех романов Иегошуа виден даже из вышеприведенных голых сюжетных контуров, но фабульным сходством, естественно, дело не ограничивается. Перед нами проза иногда совсем неприятная, иногда вдруг претенциозная, но все равно незамысловатая. Хотя комплиментарные отзывы, осмеливающиеся сравнивать Иегошуа с Кафкой и Агноном, твердят об «обманчивой простоте» его текстов, нам представляется, что никакая она не обманчивая, а самая что ни на есть натуральная. Сюжеты классически прямо- и однолинейны: мы всегда с одним, центральным, персонажем и без устали его интроспектируем. Это моноцентристское, последовательное изложение неизменно страдает гиподинамией, дефицитом событийности. Более того, автор крайне скуп на реализацию чего бы то ни было: чувств, отношений, замыслов. Мы все время зависаем в зыбком состоянии полутоновой модальности, где-то между изъявительным и сослагательным наклонениями. Если чему и суждено в романе реализоваться – два-три раза за все пятьсот страниц, – то прежде всех об этом догадается читатель, затем автор предварит событие обобщенными рассуждениями, потом герой будет так и сяк обдумывать эту возможность, прежде чем наконец она воплотится. Если вы не любите резких поворотов сюжета и прочих горных серпантинов на большой скорости, то вам сюда; Иегошуа никогда не огорошит вас неожиданным поведением персонажей: все их намерения прозрачны, а поступки предсказуемы.

Читателю нетерпеливому и с собственной фантазией в художественном мире Иегошуа находиться практически невозможно: по ходу чтения придумывается десяток сюжетных ходов – знакомств, подвохов, интриг и преступлений, но ничто из этого не реализуется, ни разу. Все боковые отростки сразу же увядают, все второстепенные персонажи и события сверх прожиточного для фабулы минимума обречены кануть в никуда: ружья не стреляют. Герои – случается – читают книги и смотрят фильмы, но не надо надеяться на переключки с реальностью и прочую интертекстуальность – ее нет. Вместо стройных геометрических конструкций или изящных кольцевых композиций нас засасывает вязкая жизненность с обилием лишних и никчемных деталей. Эта стабильность, если не сказать – болотистость, поддерживается также с помощью бесконечной повторяемости эпитетов. Каждый герой путешествует по книге со шлейфом из одной-двух не Б-г вещь каких оригинальных характеристик, и из раза в раз они проговариваются заново: «женщина со стройными ногами», «седая грива», «полные руки», «жизнерадостная улыбка», «венгерский акцент», «раскосые глаза» и т. п.

3.

Переходя от обсуждения писательской манеры к содержанию романов Иегошуа, нельзя не поговорить о гендерном аспекте.

Прежде всего, многих героев Иегошуа отличает несколько ущербная маскулинность. Как точно сформулировано в одной из рецензий на роман «Пять времен года», «Молхо – это воплощение того, чего мужчины ежеминутно боятся в себе самих. Боятся и ненавидят. <...> Он вообще настолько жалок, труслив, мелочно жаден, слаб и зависим, что поневоле начинаешь думать – каково было писателю четыре с лишним сотни страниц выворачивать этот мешок комплексов и страхов, которые любой нормальный самец вообще-то старается припрятать как можно дальше даже от себя самого». Добавьте сюда полное отсутствие внутреннего благородства, такого совсем простенького, зачаточного благородства, которое должно было бы препятствовать тому, чтобы безо всяких даже намеков на угрызения совести жениться на одной женщине в угоду другой, или хотя бы тому, чтобы во внутреннем монологе каждый раз отмечать мелкие дефекты внешности своей возлюбленной: морщинки у глаз или низкие бедра.

В центре всех четырех романов – распад брака, происходящий вследствие либо смерти одного из супругов («Возвращение...», «Путешествие...», «Пять времен года»), либо развода или полуразвода («Возвращение...», «Путешествие...», «Смерть и возвращение...»). Будучи постояннен в сосредоточенности на гетеросексуальной семейной проблематике, Иегошуа пытается разнообразить материал, обнаруживая пристрастие к нетривиальным комбинациям. Бигамный брак и брак, где жена заметно старше мужа («Путешествие...»). Влюбленность молодого человека в женщину замужнюю и годящуюся ему в матери («Возвращение...»). Попытка взять в жены жену друга, к тому же любящую своего мужа и расстающуюся с ним из-за бездетности («Пять времен года»). Влюбленность в мертвую женщину по фотографии («Смерть и возвращение...»). Нетривиальность эта, и без того довольно сомнительная, неоднократно подчеркивается («моя невозможная любовь» и т. п.), и чувство, которое, будучи намечено парой штрихов, могло бы в воображении читателя развиваться во вполне пристойную и красивую любовь, в результате этого мусоления сморщивается до уровня рутины, похоти и депрессии, в вольном чередовании.

Та любовь, что сильна, как смерть, Иегошуа удается не вполне, зато удается другая. Иегошуа – щедрый и преданный живописец мужского сексуального желания и его дефективной реализации: эрективных фиаско, поллюций, мастурбаций. Впрочем, мастурбация для Иегошуа понятие важное, вероятно, и в метафизическом смысле. Ультрасионист, он называет мастурбацией диаспорный иудаизм, причем высказывания подобного рода позволяет себе не где-нибудь, а на мероприятиях вроде празднования столетия американской еврейской общины. Здесь следует вспомнить, что эта тема как раз не чужда американско-еврейской литературе, начиная с раннего Филипа Рота, а также, как раз в метафизическом ключе, еврейской мистической традиции, полагающей каждый акт мастурбации моментом порождения нового демона. Но особенно нам тут подходит американский литературный критицизм, перепаханный психоанализом, с концептом *writing as masturbation*. Так что, если угодно, можно продолжить метафору и поговорить о всем творчестве А.Б. Иегошуа как о мастурбации, занятии не только не прокреативном, но в данном случае и не рекреативном, а лишь снимающем зуд и напряжение, безрадостном занятии, плохо помогающем от безрадостной жизни.

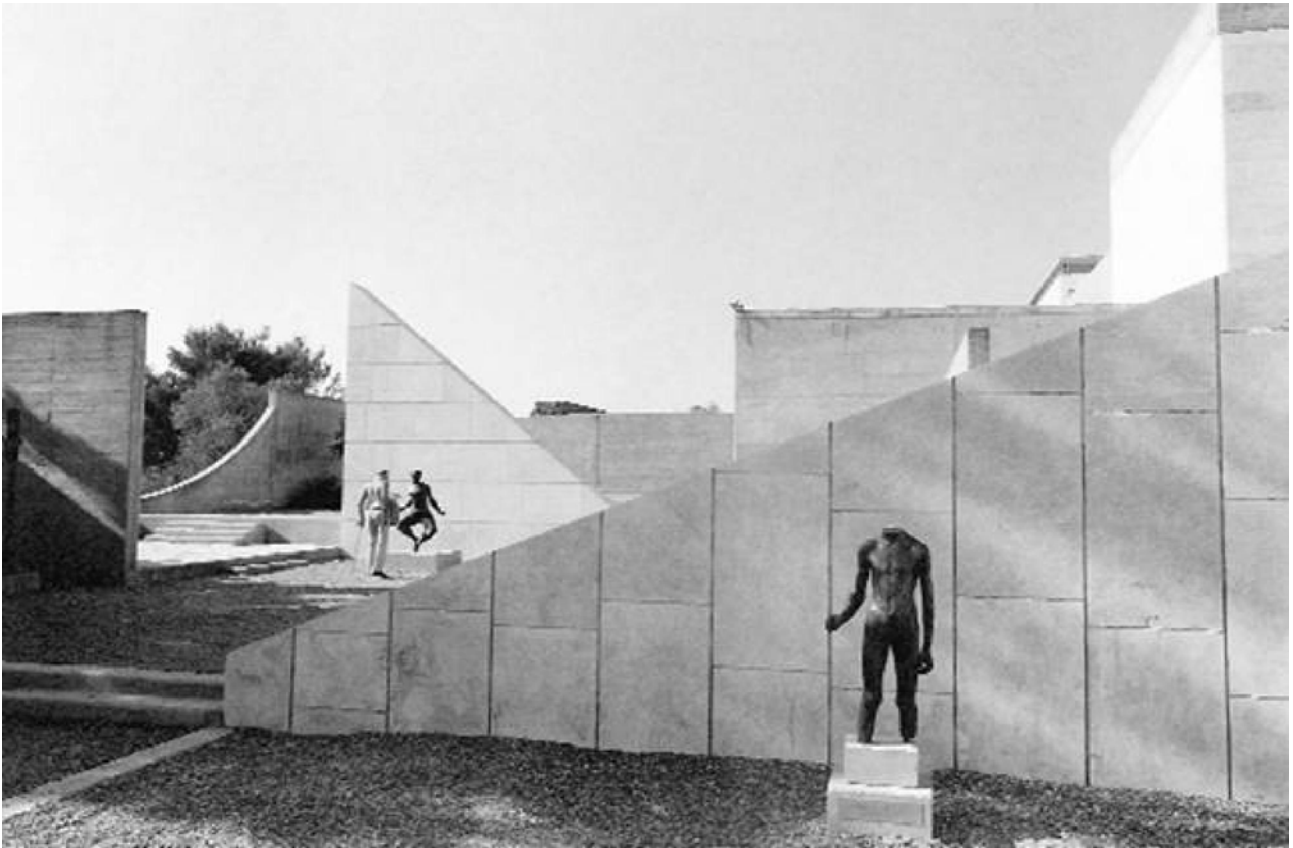
4.

Но мы поговорим кое о чем другом, а именно об этногеополитике.

В трех из обсуждаемых нами романов композиционным стержнем является путешествие, которое даже выносится в заглавие, да и в четвертом герой немало путешествует. Путешествие это всегда между Востоком и Западом или между цивилизацией и варварством. Симпатии автора всегда с цивилизацией и Израилем, даже если он оказывается Западом, как в «Возвращении из Индии», во всех же остальных случаях – с Востоком, ведь «сердце мое на Востоке...».

В романе «Смерть и возвращение Юлии Рогаевой» уютному Израилю с навязчивой контрастностью сохнутовской агитки противопоставляется совершенно inferнальная Россо-Татария, где темно, лютый мороз и опасные снежные бури, где люди грубы, несчастны и быстро спиваются, подростки грязны и развратны и готовы отдаться за деньги, где монголоидные тетки варят ядовитое зелье с тараканами и повсюду торчат рудименты Империи зла. «Своему», человеческому, благородному еврейскому Востоку – «чужой», бесчеловечный, непонятный христианско-мусульманский Запад.

В двух других романах конфликт Востока и Запада разворачивается на внутриэтническом уровне: сефарды (Восток)/ашкеназы (Запад). Авраам Б. Иегошуа – иерусалимский сефард в пятом поколении по отцу и магрибец по матери. Его отец, Яков Иегошуа, известный бытописатель израильской сефардской общины начала XX века, в своей книге «Детство в Старом Иерусалиме» воспевал, в частности, более чем гармоничное сосуществование сефардов с арабами («Мы были как одна семья»). И вот в романе Иегошуа-младшего магрибский сефард Бен Атар, одетый и говорящий по-арабски, двоеженец, как арабы, друг и компаньон арабов, богатый и предприимчивый, покидает свой любимый бело-синий, жаркий и солнечный Танжер и отправляется с красавицами женами и полным кораблем изысканных восточных товаров в Европу – в холодный и пасмурный Париж, где на грязных улицах копошатся в лужах куры и свиньи, и в нищий Вормс, где дорог сроду не мостили, а дома стоят на сваях. И в этой Европе живут ашкеназы, вроде как соплеменники и единоверцы Бен Атара, но люди совсем иные: бледные и бедные, и при этом высокомерные и суровые, не очень приятные, в общем, люди, одно слово – чужие.

Сад скульптуры Билли Роуза.

Музей Израиля. Иерусалим.

Сефард Молхо за пять сезонов романного времени тоже успевает несколько раз съездить в Европу: в Париж, Берлин и Вену, – но с немецкими евреями, йеке, он общается и дома. Эти йеке относятся к нему, сефарду, свысока: с жалостью слушают обывательскую болтовню его матери и его собственные тривиальные политические рассуждения, считают его бескультурным и недалеким.

«Что можно посмотреть в Вене утром? <...> Какой-нибудь музей, что-нибудь историческое, может быть даже еврейское, – сказал Молхо, демонстрируя этому вялому интеллектуалу свой пылкий израильский патриотизм. – Например, древнюю синагогу или, скажем, могилу Герцля». «Могилу Герцля? – умилился Шимони. – Могила Герцля находится в Иерусалиме, на горе Герцля. Вы, наверно, имели в виду дом Герцля? Там нечего смотреть, одна табличка. <...> – Он искоса посмотрел на Молхо, который сконфуженно покраснел. – Знаете, <...> поезжайте лучше всего в Венский лес – там вы сможете заодно побывать в зоопарке». – «В зоопарке?» Молхо почувствовал себя глубоко уязвленным. <...> Как будто сефарды не могут наслаждаться музеями и картинными галереями!

Сам он читает «Анну Каренину» (что, опять же, ложится мертвой деталью и никак не обыгрывается в сюжете), читает ее почти весь год, скучает и пролистывает страницы, но не может втянуться и оценить произведение. И вот это фиаско израильского сефарда при чтении «Анны Карениной» – «безнадежно махнул рукой и разочарованно закрыл книгу» – служит одним из символических барьеров между Востоком и Западом, барьеров – в художественном мире Иегошуа – непреодолимых: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут...»

Удивительно только, что сефард Игошуа, певец солнечного Востока, во всех своих романах создает такое эмоциональное пространство, что, казалось бы, камни – и те должны зачахнуть с тоски. Как будто писал он их, сидя не в жаркой приморской Хайфе, поедая пряную сефардскую еду и запивая ее турецким кофе, а где-то совсем на другом краю света, в зимних сумерках под лампочкой без абажура, сквозь мутное стекло поглядывая на слякотную улицу и с омерзением потягивая остывший бледный чай из шербатой кружки.

^[1] М.: Текст, 2007.

^[2] СПб.: Лимбус-Пресс, 2009.

^[3] Jerusalem: Gesharim; М.: Мосты культуры, 2003.

^[4] М.: Текст, 2008 («Проза еврейской жизни»).

МОЯ ЖИЗНЬ

איִתִּי אֶעֱד

Эту книгу сложно назвать новинкой – на иврите она вышла еще в 1970-х годах, довольно скоро появился и русский ее перевод, выполненный Руфью Зерновой. В этом переводе – образцовом для произведений подобного жанра – «Моя жизнь» Голды Меир неоднократно издавалась и переиздавалась. Однако в сознании сегодняшнего российского читателя мемуары одного из самых известных израильских политиков по сути дела отсутствуют – в России они были выпущены больше десяти лет назад случайным издательством-однодневкой и прошли практически незамеченными.

Новое издание этой замечательно интересной книги подготовлено солидным «Вагриусом» в престижной серии «Мой XX век». Надеемся, что теперь воспоминания Голды Меир займут подобающее им место в читательском сознании. Для публикации «Лехаим» выбрал фрагмент, где будущий израильский премьер рассказывает о своем приезде в Москву в качестве посла только что созданного Государства Израиль.

Похороны Андрея Жданова. 1948 год.

Мы прибыли в Москву через Прагу серым дождливым утром 3 сентября 1948 года. Первым делом чиновники советского Министерства иностранных дел, встретившие меня на аэродроме, сказали, что сейчас добраться до гостиницы будет непросто, поскольку хоронят Андрея Жданова, одного из ближайших сотрудников Сталина. Поэтому первым моим впечатлением от Советского Союза были продолжительность и торжественность этих похорон и сотни тысяч – а то и миллионы – людей на улицах по дороге к гостинице «Метрополь». Это была гостиница для иностранцев, и она казалась пережитком другой эпохи. Огромные комнаты со стеклянными подсвечниками, длинные бархатные занавеси, тяжелые плюшевые кресла и даже рояль в одной из комнат. На каждом этаже сидела строгая немолодая дама, которой полагалось сдавать ключи при

выходе, но, по-видимому, главное ее дело было доносить госбезопасности о посетителях, хотя вряд ли она была единственным источником информации. Мы так и не обнаружили микрофонов в своих комнатах, хотя систематически их искали, и старые аккредитованные в Москве дипломаты не сомневались, что каждое слово, сказанное в двух комнатах, которые мы занимали с Саррой и Зехарией, было записано.

Прожив в гостинице неделю, я поняла, что если мы немедленно не начнем жить «по-кибуцному», то останемся без копейки. Цены были невероятно высоки, первый гостиничный счет меня совершенно оглушил. «У нас есть только один способ уложиться в наш тощий бюджет, – сказала я членам миссии, – столоваться в гостинице только один раз в день. Я добуду продукты для завтраков и ужинов, а в пятницу вечером будем обедать все вместе». На следующий день мы с Лу Каддар купили электроплитки и распределили их по номерам, занятым нашей делегацией; посуду и ножи с вилками пришлось одолжить в гостинице – купить это в послевоенной Москве было невозможно. Раза два в неделю мы с Лу нагружали корзинки сыром, колбасой, хлебом, маслом, яйцами (все это покупалось на базаре) и клали все это между двойными рамами окон, чтобы не испортилось. По субботам я готовила что-то вроде второго завтрака на электроплитке – для своей семьи и холостяков, в том числе Эйги и Лу <...>

После того как с главными формальностями было покончено, мне страстно захотелось завязать связи с евреями. Я уже сказала членам миссии, что, как только я вручу верительные грамоты, мы все пойдем в синагогу. Я была уверена, что уж тут-то мы во всяком случае встретимся с евреями России; тридцать лет, с самой революции, мы были с ними разлучены и почти ничего о них не знали. Какие они? Что еврейского осталось в них, столько лет проживших при режиме, объявившем войну не только всякой религии, но и иудаизму как таковому, и считавшем сионизм преступлением, наказуемым лагерями или ссылкой? Но в то время как иврит был запрещен, идиш еще некоторое время терпели и даже была создана автономная область для евреев, говорящих на идише, – Биробиджан, близ китайской границы. Ничего из этого не получилось, и после второй мировой войны (в которой погибли миллионы русских евреев) советские власти постарались, чтобы большая часть еврейских школ и газет не были восстановлены. К тому времени, как мы приехали в Советский Союз, евреев уже открыто притесняли и уже начался тот злобный, направляемый правительством антисемитизм, который пышно расцвел через несколько лет, когда евреи преследовались широко и беспощадно и еврейские интеллигенты – актеры, врачи, писатели – были высланы в лагеря за «космополитизм» и «сионистский империализм». Положение сложилось трагическое: члены миссии, имевшие в России близких родственников – братьев, сестер, даже родителей, – все время терзались, не понимая, можно ли им увидеться с теми, о встрече с которыми они так мечтали, ибо если откроется, что у них есть родственники-израильтяне, это может закончиться судом и ссылкой.

Трудная это была проблема: бывало, мы несколько дней подряд взвешиваем «за» и «против» – должен ли Икс встретиться со своей сестрой, надо ли передать продукты и деньги старой больной матери Игрека – и, как правило, приходили к выводу, что это может причинить им вред и ради них же лучше не предпринимать ничего. Были, конечно, исключения, но я и сегодня не решаюсь о них написать, потому что это может быть опасно для евреев, все еще находящихся в России. Теперь весь цивилизованный мир знает, что случается с советскими гражданами, если они игнорируют извращенные правила, с помощью которых руководители стремятся их себе подчинить. Но был 1948 год, время нашей, так сказать, «первой любви», и нам было очень трудно понять и принять систему, в которой встреча матери с сыном, которого она не видела тридцать лет,

да который к тому же член дипломатического корпуса и «персона грата» в Советском Союзе, приравнивается к государственному преступлению.

Как бы то ни было, в первую же субботу после вручения верительных грамот все мы пешком отправились в главную московскую синагогу (другие две – маленькие деревянные строения); мужчины несли талиты и молитвенники. Там мы увидели сто – сто пятьдесят старых евреев, разумеется и не подозревавших, что мы сюда явимся, хотя мы и предупредили раввина Шлифера, что надеемся посетить субботнюю службу. По обычаю в конце службы было произнесено благословение и пожелание доброго здоровья главным членам правительства – а потом, к моему изумлению, и мне. Я сидела на женской галерее, и когда было названо мое имя, все обернулись и смотрели на меня, словно стараясь запомнить мое лицо. Никто не сказал ни слова. Все только смотрели и смотрели на меня.

После службы я подошла к раввину, представилась, и мы несколько минут поговорили. Остальные члены миссии ушли вперед, и я пошла домой одна, вспоминая субботнюю службу и тех немногих, бедно одетых, усталых людей, которые, живя в Москве, все еще ходили в синагогу. Только успела я отойти, как меня задел плечом старый человек – и я сразу поняла, что это не случайно. «Не говорите ничего, – шепнул он на идише. – Я пойду вперед, а вы за мной». Немного не доходя до гостиницы, он вдруг остановился, повернулся ко мне лицом, и тут, на прохваченной ветром московской улице, прочел мне ту самую благодарственную молитву – «Шегехияну», ту самую, которую прочитал рабби Фишман-Маймон 14 мая в Тель-Авиве. Я не успела открыть рта, как старый еврей скрылся, и я вошла в гостиницу с полными слез глазами, еще не понимая, реальной была эта поразительная встреча или она мне пригрезилась.

Голда Меир.

Несколько дней спустя наступил праздник Рош а-Шана – еврейский Новый год. Мне говорили, что по большим праздникам в синагогу приходит гораздо больше народу, чем просто по субботам, и я решила, что на новогоднюю службу посольство опять явится в полном составе. Перед праздником, однако, в «Правде» появилась большая статья Ильи Эренбурга, известного советского журналиста и апологета, который сам был евреем. Если бы не Сталин, набожно писал Эренбург, то никакого еврейского государства не было бы и в помине. Но, объяснял он, «во избежание недоразумений»: Государство Израиль не имеет никакого отношения к евреям Советского Союза, где нет еврейского вопроса и где в еврейском государстве нужды не ощущается. Государство Израиль необходимо для евреев капиталистических стран, где процветает антисемитизм. И вообще, не существует такого понятия – «еврейский народ». Это смешно, так же, как если бы кто-нибудь заявил, что люди с рыжими волосами или с определенной формой носа должны считаться одним

народом. Эту статью прочла не только я, но и все евреи Москвы. И так же, как я, поскольку они привыкли читать между строк, они поняли, что их предупреждают: от нас надо держаться подальше. Тысячи евреев сознательно и отважно решили дать свой ответ на это мрачное предостережение – и этот ответ, который я видела своими глазами, поразил и потряс меня в то время и вдохновляет меня и теперь. Все подробности того, что произошло в тот новогодний день, я помню так живо, как если бы это было сегодня, и волнуясь, вспоминая, ничуть не меньше, чем тогда.

В тот день, как мы и собирались, мы отправились в синагогу. Все мы – мужчины, женщины, дети – оделись в лучшие платья, как полагается евреям на еврейские праздники. Но улица перед синагогой была неузнаваема. Она была забита народом. Тут были люди всех поколений: и офицеры Красной Армии, и солдаты, и подростки, и младенцы на руках у родителей. Обычно по праздникам в синагогу приходило примерно сто-двести человек – тут же нас ожидала пятидесятитысячная толпа. В первую минуту я не могла понять, что происходит, и даже – кто они такие. Но потом я поняла. Они пришли – добрые, храбрые евреи – пришли, чтобы быть с нами, пришли продемонстрировать свое чувство принадлежности и отпраздновать создание Государства Израиль. Через несколько секунд они обступили меня, чуть не раздавили, чуть не подняли на руках, снова и снова называя меня по имени. Наконец они расступились, чтобы я могла войти в синагогу, но и там продолжалась демонстрация. То и дело кто-нибудь на галерее для женщин подходил ко мне, касался моей руки, трогал или даже целовал мое платье. Без парадов, без речей, фактически без слов евреи Москвы выразили свое глубокое стремление, свою потребность – участвовать в чуде создания еврейского государства, и я была для них символом этого государства.

Я не могла ни говорить, ни улыбнуться, ни даже помахать рукой. Я сидела неподвижно, как каменная, под тысячами устремленных на меня взглядов. Нет такого понятия – еврейский народ! – написал Эренбург. Евреям Советского Союза нет дела до Государства Израиль! Но это предостережение не нашло отклика. Тридцать лет были разлучены мы с ними. Теперь мы снова были вместе, и, глядя на них, я понимала, что никакие самые страшные угрозы не помешают восторженным людям, которые в этот день были в синагоге, объяснить нам по-своему, что для них значит Израиль. Служба закончилась, и я поднялась, чтобы уйти, – но двигаться мне было трудно. Такой океан любви обрушился на меня, что мне стало трудно дышать; думаю, что я была на грани обморока. А толпа все волновалась вокруг меня, и люди протягивали руки и говорили «наша Голда» и «шалом, шалом», и плакали.

Две фигуры из всех я и теперь вижу ясно: маленького человека, все выскакивавшего вперед со словами: «Голделе, лебн золст ду, Шана това!» (Голделе, живи и здравствуй, с Новым годом!) и женщину, которая только повторяла: «Голделе! Голделе!» – улыбаясь и посылая воздушные поцелуи.

Я не могла бы дойти пешком до гостиницы, так что, несмотря на запрет евреям ездить по субботам и праздникам, кто-то втолкнул меня в такси. Но такси тоже не могло сдвинуться с места – его поглотила толпа ликующих, смеющихся, плачущих евреев. Мне хотелось хоть что-нибудь сказать этим людям, чтобы они простили мне нежелание ехать в Москву, недооценку силы наших связей. Простили мне то, что я позволила себе сомневаться – есть ли что-нибудь общее между нами. Но я не могла найти слов. Только и сумела я пробормотать, не своим голосом, одну фразу на идише: «А данк айх вос ир зайт геблибен иден!» («Спасибо вам, что вы остались евреями!») И я услышала, как эту жалкую, не подходящую к случаю фразу передают и повторяют в толпе, словно чудесное пророчество. Наконец, еще несколько минут спустя, они дали такси уехать. В гостинице

все собрались в моей комнате. Мы были потрясены до глубины души. Никто не сказал ни слова. Мы просто сидели и молчали. Откровение было для нас слишком огромным, чтобы мы могли это обсуждать, но нам надо было быть вместе. Эйга, Лу и Сарра рыдали навзрыд, несколько мужчин закрыли лицо руками. Но я даже плакать не могла. Я сидела с помертвевшим лицом, уставившись в одну точку. И вот так, взволнованные до немоты, мы провели несколько часов. Не могу сказать, что тогда я почувствовала уверенность, что через двадцать лет я увижу многих из этих евреев в Израиле. Но я поняла одно: Советскому Союзу не удалось сломить их дух; тут Россия, со всем своим могуществом, потерпела поражение. Евреи остались евреями.

Кто-то сфотографировал эту новогоднюю толпу – наверное, фотография была размножена в тысячах экземпляров, потому что потом незнакомые люди на улице шептали мне еле слышно (я сначала не понимала, что они говорят): «У нас есть фото!» Ну, конечно, я понимала, что они бы излили свою любовь и гордость даже перед обыкновенной шваброй, если бы швабра была прислана представлять Израиль. И все-таки я каждый раз бывала растрогана, когда много лет спустя русские иммигранты показывали мне эту пожелтевшую от времени фотографию или ту, где я вручаю верительные грамоты, – она появилась в 48-м году в советской печати, и ее тоже любовно сохраняли два десятилетия.

В Йом Кипур (Судный день), который наступает через десять дней после еврейского Нового года, тысячи евреев опять окружили синагогу – и на этот раз я оставалась с ними весь день. Помню, как раввин прочитал заключительные слова службы: «Ле шана а баа б'Ирушалаим» («В будущем году в Иерусалиме») и как трепет прошел по синагоге, и я помолилась про себя: «Г-споди, пусть это случится! Пусть не в будущем году, но пусть евреи России приедут к нам поскорее!» Но и тогда я не ожидала, что это случится при моей жизни.

Толпа у синагоги в Москве во время приезда Голды Меир. 1948 год.

Некоторое время спустя я удостоилась чести встретиться с господином Эренбургом. Один из иностранных корреспондентов в Москве, англичанин, заглядывавший к нам по пятницам, спросил, не хочу ли я встретиться с Эренбургом. «Пожалуй, хочу, – сказала я, – мне бы хотелось кое о чем с ним поговорить». «Я это устрою», – обещал англичанин. Но обещание так и осталось обещанием. Несколько недель спустя, на праздновании Дня независимости в чешском посольстве, он ко мне подошел. «Господин Эренбург здесь, – сказал он, – подвести его к вам?» Эренбург был совершенно пьян – как мне сказали, такое с ним бывало нередко – и с самого начала держался агрессивно. Он обратился ко мне по-русски.

– Я, к сожалению, не говорю по-русски, – сказала я. – А вы говорите по-английски?

Он смерил меня взглядом и ответил: «Ненавижу евреев, родившихся в России, которые говорят по-английски».

– А я, – сказала я, – жалею евреев, которые не говорят на иврите или хоть на идише.

Конечно, люди это слышали и не думаю, чтобы это подняло их уважение к Эренбургу.

Гораздо более интересная и приятная встреча произошла у меня на приеме у Молотова по случаю годовщины русской революции, на который всегда приглашаются все аккредитованные в Москве дипломаты. Послов принимал сам министр иностранных дел в отдельной комнате. После того как я пожала руку Молотову, ко мне подошла его жена Полина. «Я так рада, что вижу вас наконец!» – сказала она с неподдельной теплотой, даже с волнением. И прибавила: «Я ведь говорю на идише, знаете?»

– Вы еврейка? – спросила я с некоторым удивлением.

– Да! – ответила она на идише. – Их бин а идише тохтер («Я – дочь еврейского народа»).

Мы беседовали довольно долго. Она знала, что произошло в синагоге, и сказала, как хорошо было, что мы туда пошли. «Евреи так хотели вас увидеть», – сказала она. Потом мы коснулись вопроса о Негеве, обсуждавшегося тогда в Объединенных Нациях. Я заметила, что не могу отдать его, потому что там живет моя дочь, и добавила, что Сарра находится со мной в Москве. «Я должна с ней познакомиться», – сказала госпожа Молотова. Тогда я представила ей Сарру и Яэль Намир; она стала говорить с ними об Израиле и задавала Сарре множество вопросов о кибуцах – кто там живет, как они управляются. Она говорила с ними на идише и пришла в восторг, когда Сарра ответила ей на том же языке. Когда Сарра объяснила, что в Ревивим все общее и что частной собственности нет, госпожа Молотова заметно смутилась. «Это неправильно, – сказала она. – Люди не любят делиться всем. Даже Сталин против этого. Вам следовало бы ознакомиться с тем, что он об этом думает и пишет». Прежде чем вернуться к другим гостям, она обняла Сарру и сказала со слезами на глазах: «Всего вам хорошего. Если у вас все будет хорошо, все будет хорошо у всех евреев в мире».

Больше я никогда не видела госпожу Молотову и ничего о ней не слышала. Много позже Генри Шапиро, старый корреспондент Юнайтед Пресс в Москве, рассказал мне, что после разговора с нами Полина Молотова была арестована, и я вспомнила тот прием и военный парад на Красной площади, который мы смотрели накануне. Как я позавидовала русским – ведь даже крошечная часть того оружия, что они показали, была нам не по средствам. И Молотов, словно прочитав мои мысли, поднял свой стаканчик с водкой и сказал мне: «Не думайте, что мы все это получили сразу. Придет время, когда и у вас будут такие штуки. Все будет в порядке».

Министр иностранных дел Израиля М. Шарет с супругой встречают Голду Меир после ее возвращения из Москвы. 1949 год.

Но в январе 1949 года стало ясно, что русские евреи дорого заплатят за прием, который они нам оказали, ибо для советского правительства радость, с которой они нас приветствовали, означала «предательство» коммунистических идеалов. Еврейский театр в Москве закрыли. Еврейскую газету «Эйникайт» закрыли. Еврейское издательство «Эмес» закрыли. Что с того, что все они были верны линии партии? Слишком большой интерес к Израилю и израильтянам проявило русское еврейство, чтобы это могло понравиться в Кремле. Через пять месяцев в России не осталось ни одной еврейской организации и евреи старались не приближаться к нам больше.

МЕЖДУ АНГЕЛОМ И БЕСОМ

Григорий Канович

Очарованье сатаны

М.: Текст; Книжники, 2009

(серия «Проза еврейской жизни»). – 320 с.

Почти культовый писатель для советских евреев 70-х (один из немногих, дерзнувших в эпоху государственного антисемитизма затрагивать ту самую проблему), Григорий Канович в своей новой книге продолжает художественное исследование предвоенного литовского еврейства.

Уже сама композиция романа, действие которого стартует с иудейского кладбища в крохотном литовском городке и на нем же финиширует, указывает на неизбежность трагической развязки. Кладбище – точка соприкосновения жизни и смерти, начала и конца. Здесь трудятся престарелая Данута-Гадасса, унаследовавшая титул хранительницы этого места от свекра, и ее сын Иаков. Сюда рано или поздно попадают все. А в такие тревожные времена – в начале второй мировой войны, в преддверии Великой Отечественной – скорее рано, чем поздно. Немцы уже заняли Польшу, а в местечке Мишкине никто и думать про войну не думает: «Сталин и Гитлер – друзья», – разъясняют простодушному сплетнику Брегману, предрекшему нападение немцев, в НКВД.

Подчас сокрушаясь, подчас иронизируя, Канович открывает читателю сложный, естественным ходом скользящий к пропасти, смешной и страшный в своем абсурде мир: «Через некоторое время сыщики, как и подобает настоящим большевикам, не ждущим милостей от природы, поднялись на поверхность не с пустыми руками, а с двумя банками засоленных на зиму белых грибов и двумя бутылками сваренного Ломсаргисом впрок отборного пшеничного самогона».

«Время вселенской ненависти и противоборства» наступило задолго до начала войны. И если евреи могут ждать от прихода нацистов лишь гибели, то литовским жителям Мишкине, замученным сталинским режимом, новая диктатура только на руку. Они и на свинец не посядут, лишь бы убрать с флагштоков красные знамена. Вот и бывший подмастерье Юозас приходит к своему опальному хозяину-портному с винтовкой в руках. «Хорошему портному везде хорошо, а плохому и в раю плохо», – считает Банквечер (который в такт пулеметным очередям строчит на «Зингере» костюмы) и потому берет с собой в «ссылку» только самое необходимое: нитки да иглу.

Не все так безмятежны, как Банквечер: большинство евреев бегут из города следом за Красной Армией. Тех, кто остался, ждет один конец: быть расстрелянными в Зеленой роще своими же согражданами – если не закадычными друзьями, то знакомыми с детства.

«Эленуте силилась понять, почему сатане, который всякий раз прикидывается Мессией, удастся заманить человека в свои сети и сделать прислужником зла? Чем он его подкупает и очаровывает? Может, тем, что в отличие от Г-спода Б-га, он требует от человека не жертвенности, а жертв, обещая в награду не призрачное Царство Небесное, а земное, немедленное счастье, и находит виновников во всех его бедах и напастях?» Очарованная жизнью Эленуте, внутренне протестуя, принимает навязываемые фермером Ломсаргисом новое имя и крещение. Очарованный Эленуте Ломсаргис прячет ее от враждебных глаз новой власти на хуторе.

Канович помещает персонажей в условия тихого, как кладбище, существующего и развивающегося по своим законам местечка, куда вторгается инородное тело войны. И как результат: Мишкине раздроблено на полюса – литовцы и евреи, живые и мертвые, убийцы и жертвы, Каин, Авель... Между тем, «земля добрей и справедливей нас. Она прибежище для всех и не допытывается у мертвого, откуда он пришел и какой веры». Вот и вьется нить сюжета вокруг кладбища, которое, невзирая на разгулявшихся мародеров, продолжает хранить «первозданную тишину».

Мировой конфликт отдается в каждом персонаже внутренней, персональной войной добра со злом. Вечной войной ангела и беса, где исход битвы определяет человек. Даже предателя Юозаса, смело отконвоировавшего хозяина с дочерью на расстрел и поселившегося в их доме, терзают ночные кошмары и угрызения совести. Ждавший прихода немцев Ломсаргис, рискуя жизнью, укрывает еврейку в своем доме. Принявшая христианство Эленуте, узнав о смерти родственников, жаждет подобной кончины.

Смерть духовная в романе «Очарование сатаны» опережает физическую. А уж за первой неминуемо следует и вторая. Когда – вопрос времени. Непослушно, как бы изо всех сил сопротивляясь автору и судьбе, герои подходят к неизбежному концу, а читатель – к не оставляющему надежды, вторящему кладбищенским воронам завершающему повествование жутковатому авторскому: карр, карр, карр...

Ī àèrèì Áóðàèì

МОЛОДОГВАРДЕЙЦЫ ИЗ ТУЛУЗЫ

Марк Леви

Дети свободы

Пер. с фр. И. Волевич

М.: Иностранка, 2008. – 464 с.

«Прокурора ведь не убьешь просто так, посреди улицы. Этого представителя закона наверняка охраняют, и передвигается он, конечно, на машине с шофером; кроме того, мы не могли допустить, чтобы во время акции пострадали невинные люди...»

Первая реакция – оторопь. Уж от кого-кого, а от Марка Леви читатель ничего подобного не ожидал. Преуспевающий автор глянцевого бестселлера, издаваемых во всем мире миллионными тиражами (на русском языке вышли, к примеру, его романы «Между Небом и Землей» и «Каждый хочет любить») и легко становящихся материалом для голливудских мелодрам с патентованными блондинками вроде Риз Уизерспун, вдруг рискнул выйти за отведенные ему имиджем рамки.

Свою седьмую по счету книгу писатель посвятил юным героям Сопротивления – мальчишкам и девчонкам из Тулузы. Вступив в схватку с фашистами, почти все они в итоге либо были расстреляны по приговору военного трибунала, либо погибли в концлагерях.

Упомянутого выше прокурора, по фамилии Лепинас (он отличался особым рвением и любил выносить смертные приговоры), подпольщики сумели казнить. Еще они охотились на немецких офицеров, взрывали казармы с полицейскими, пускали под откос составы с немецким оборудованием, портили технику, предназначенную для фронта...

Хотя роман Леви не документальная хроника, книга основана на реальных фактах, а прототипами главного персонажа романа и его брата послужили отец писателя Реймон и его дядя Клод. «Я стал лишенцем без всяких прав, статуса, документов в стране, которую еще вчера считал своей, – печально констатирует герой. – У меня украли жизнь просто потому, что я еврей, и одного этого множеству людей достаточно, чтобы желать мне смерти». Оставшись без родителей (они сгинули в концлагере), оба мальчика нашли таких же отверженных, как и они сами, и взялись за самые рискованные дела. Избежать смерти юношам удалось чудом: в 1944 году они были в числе немногих, кому посчастливилось сбежать из «поезда смерти», увозившего заключенных в Дахау уже без возврата.

Немаловажный для сюжета нюанс: большинство героев этой «Молодой гвардии» – на галльский манер – были жителями Франции, но вовсе не этническими французами. Против оккупантов и их петеновских прихвостней в книге сражается подлинный интернационал: итальянцы, испанцы, немцы, евреи. Они спасают честь Республики, преданной коллаборационистами, и они же становятся «расходным материалом». В книге есть жутковатый эпизод. 1944 год, высадка союзников – уже дело ближайшего будущего. Тем временем жандармерия выследила юных подпольщиков и вот-вот они будут схвачены. Об этом становится известно крупному функционеру Сопротивления и...

И ничего. Предупреждать об опасности героев не стали, позволив жандармам сделать черное дело. Почему? Ответ прост. «Через какое-то время страна воспрянет, очнется от войны, – с циничной откровенностью объясняет свое бездействие майор-голлист. – Победа просто обязана быть нашей. Как ни прискорбно, но Франции понадобятся герои-французы, а герои-иностранцы ей не нужны!..»

Книга модного писателя, увидевшая свет в 2007 году, вызвала во Франции немалый резонанс. Он бы, вероятно, оказался меньшим, когда бы Леви дебютировал этой книгой, а не прославился ранее на поприще коммерческой беллетристики. Если это был расчет, он оправдался: известность автора – залог того, что и «неформатная» книга будет замечена публикой и прочитана. В конце концов, и знаменитый «Список Шиндлера», быть может, не прозвучал бы так мощно на весь мир, не окажись его создателем режиссер популярных блокбастеров Стивен Спилберг.

Đĩ àí Áđàè ò ì àí

ЦАРЬ МИДАС В САНДАЛИЯХ НА БОСУ НОГУ

Михаил Левитин

Школа клоунов

М.: АСТ; Зебра Е; Владимир: ВКТ, 2008. – 656 с.

К чему бы ни прикоснулся царь Мидас, все превращалось в золото. А все, до чего дотрагивается Михаил Левитин, становится театром. Сами слова-актеры – пляшут, меняются масками, волнами набегают одно на другое. Тесно, ведь автор стремится втиснуть в них весь свой театр со звуком, светом, жестом, да мало ли чем там еще. Эх, друг Аркадий, не говори красиво! А упрекните-ка фейерверк: не гремел бы так, братец...

Театр – магия? Священнодействие? Пыльные драпировки! Всего-навсего человек – палка, палка, огуречик – со всеми его нелепицами: телом, любовями и изменами, смертью. Человек пристаёт к Б-гу с дурацкими вопросами, человек высовывает язык, человек утверждает свое право быть несерьезным. Легко ли? Снова и снова строить башню из кубиков, еще один – а вдруг возьмет и не рухнет? Вот оно, в траве под ногами, чудо, посмотри – учит обэриут по духу Левитин в своей «Школе клоунов». И шлепая пятками босыми, бежит вдогонку за карнавалом.

А если по-скучному, то художественный руководитель Московского театра «Эрмитаж» и писатель Михаил Левитин выпустил новую книгу. Это сборник, в который вошли повести, рассказы, статьи и пьесы – все, что было в разное время написано о театре и для театра. Потому порой сложно пробираться через этот концентрированный раствор. Потому так похожи лирико-драматические герои, потому и в публицистике – то же свободное глубокое дыхание, что и в художественной прозе. Здесь Левитин и его театр ракурса, сдвига сплетены и слиты и торопятся выговориться до самой точки, до последней откровенности.

Здесь нет «Еврейского Б-га в Париже», но есть в одной из пьес жуткий двойной агент, революционер-осведомитель Евно Азеф. И есть роскошная россыпь имен: Бирман, Глизер, Михоэлс, Дунаевский. Да и тот же Таиров... О Камерном, загадочном и с детства любимом театре, – отдельный раздел книги, от наивно-одесской повести «Витя Куза в сандалиях на босу ногу» до тяжелых раздумий зрелого режиссера. Слишком тяжелых для заветной смеющейся невесомости еще одного любимого левитинского героя, эксцентрика, поэта и режиссера Игоря Терентьева (о нем – «одна жизнь в комментариях и сносках» «Меня не было» и вошедшая, кстати, в 2005-м в шорт-лист «Букера» повесть «Сплошное неприличие»).

Читайте, учитесь. Потому что быть клоуном – значит вернуться к самому себе.
И своей незащитной нежностью – победить.

Àcà Nîèí àí èí

ПО ВОЛНАМ ПАМЯТИ

Эдуард Шульман

Еврей Иваныч

М.: Art House media, 2008. – 432 с.

Есть род литературы, которая, не притязая на особые художественные достижения, тем не менее оставляет след в душе читателя. Это происходит в тех случаях, когда авторское слово резонирует с душевным строем того, к кому оно обращено. Думается, что сказанное в полной мере можно отнести и к книге Эдуарда Шульмана.

В книгу, как сказано в анонсе, входят «рассказы, повести, маленький роман, эссеистика». На самом деле жанровые отличия разных частей книги не слишком бросаются в глаза: вся книга Шульмана – это воспоминания-размышления о жизни своей и чужой. Впрочем, тоже не чужой – еврейской. История еврея в контексте семьи, страны, мира. Она очень типична, поскольку автором подмечены тысячи характерных черточек еврейского уклада жизни и еврейской психологии, и вместе с тем очень индивидуальна, поскольку каждый еврей (как и вообще каждый человек) – это особый, сложный и богатый мир. Поэтому не столь уж важно, существовал ли в самом деле некий гражданин Хайфы Райхлин, публиковавший мемуары в Интернете, или же он является плодом воображения автора, одним из его многочисленных воплощений в книге. Но этот мир потихоньку рассеивается, уходит от нас, поскольку уходят населяющие его люди.

И мы знакомимся с полузабытым миром, то трогательным и трагическим, то радостным и комическим – через слово истории, шутки, анекдоты, частушки, даже междометия. Эти слова неповторимы, поскольку в них, как в зеркале, отражаются конкретные события, происходившие с конкретными людьми. По прошествии времени плоть и кровь этих словесных слепков с выхваченных из потока времени событий начинают куда-то исчезать – ибо время текуче и смысл событий ускользает от нас. В самом деле, многие ли молодые читатели смогут оценить иронию частушки:

Í á èàò ààò ã èóáü ñèçúé

Í à ÷ óè á è í ó ã áçà à è ò ü

Àõ, í á ñò à í à ì í í è á í ã-èèçó

Í ú À ì à ò è é á í è à ò è ò ü

Еврей в книге Шульмана полнокровен – он живет не сам по себе, а глубоко укоренен в русской почве, дышит тем самым несравненным «еврейско-русским

воздухом». И ты вдруг проникаешься этой насыщенной, противоречивой и странной жизнью, начинаешь сочувствовать жене Молотова Полине Жемчужиной, когда в пору комсомольской молодости (у каждого она своя) она распевает частушки:

Āīēīē, āīēīē ī īīāōīā

Dāāāēīīāē īīīīā!

Ī ū īā īāīī çāēāçāī,

Dāçāīēī āīōō āīāā!

– чтобы потом бормотать у гроба Михоэлса на идише и по-русски странную религиозную смесь: «Царица небесная! Рахиль-заступница!»

Автор ничего не приукрашивает. Он не слишком заботится о политкорректности, в результате чего нам даруются настоящие фонетические шедевры:

Āō, óĒīāāō

Āō, óĒīāāō

Ā çāāēōōōēāō ēīā

Āīā īī īōōāē āū,

Āīā īī īōōāē āū,

Ī ā īāīā

Читайте эту книгу, дорогие читатели, и запоминайте разбросанные в ее пространстве элементы еврейской жизни и еврейского характера. Это помогает сохранить память, а значит, и остаться евреем.

Ɔōēē Ōāāāē

ВИЛЬНО – ВИЛНЭ – ВИЛЬНЮС

Валентина Брио

Поэзия и поэтика города:

Wilno – ווילנע – Vilnius

М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 264 с.

Вильнюс отразился во множестве литературных произведений, в записках путешественников и воспоминаниях на разных языках, и книга о литературном образе бывшей столицы Великого княжества Литовского и нынешней столицы Литвы давно ожидалась. Первым опытом на русском языке стала книга Валентины Брио, сотрудника Еврейского университета в Иерусалиме, в прошлом жительницы вильнюсского предместья Ерузале, «Иерусалима» по-литовски.

Город в судьбах писателей, писатели в судьбах города и становление литературных обличей Вильно – Вилнэ – Вильнюса составляют главные проблемно-тематические узлы книги. Польскому Вильно отдано больше половины общего объема, что естественно вытекает из роли польской культуры в городе XIX и первой половины XX столетий, а пуще того – из масштаба таких знаменитостей, как Мицкевич, Словацкий, Милош. Разные стороны города и жизни его пестрого населения осваивали проза Крашевского, «гавенды» И. Ходзько, женский взгляд мемуаров княжны Г. Гюнтер-Пузыниной, записки краковского профессора С. Тарновского, удачно подсвеченные отрывком из воспоминаний о 1860-х годах Полины Венгеровой.

Прослеженная в сочинениях Крашевского, Сырокомли, Галчиньского тема еврейского Вильно развернута в разделе о Литовском Иерусалиме. Его составили две главы о поэзии на иврите (Мане и З. Шнеур) и две – на идише: Э. Гольдшмидт, С. Рейзен, А. Гродзенский, Л. Стоцкий и отдельно М. Кульбак, в главе о котором виленские страницы биографии вводят в детальный анализ лейтмотивной структуры и цитатно-аллюзивного плана поэмы «Вилнэ». После войны тема Вильнюса стала плачем по погибшему Литовскому Иерусалиму, городу-сну, отстроенному по чужим воспоминаниям Григорием Кановичем.

Межвоенный литовско-польский спор породил не только горы меморандумов, резолюций и дипломатических нот, но и разновидность литовской поэзии «нашего Вильнюса». Она развивала мотивы романтической литовской поэзии, закрепляя статус города как мифологизированного средоточия национальной жизни и столицы национального государства, без которой бытие народа представлялось ущербным. Разнообразие вариаций вильнюсской темы в новейшей литовской литературе представлено творчеством двух ровесников – Юдиты Вайчюнене и Томаса Венцловы.

Поливариантность имени города и названий его локусов вряд ли намеренно продолжилась разнобоем в передаче имен в тексте и в указателе (И-Фу-Туан и Йи-Фу Туан, Чарторыйский и Чарторыский). Именной указатель, к сожалению, из-за фатального сдвига страниц мало полезен. Странны превращения Юлиуша Клосса в Яна Клосса, Манфреда Кридля – в Кридла. Не обошлось без «виленского имброглио», двусмысленно воспетого Галчиньским. Например, придирчивый знаток Вильнюса оспорит именование Замковой горы горой Гедиминаса, как называют холм в Заречье, по преданию курган с могилой князя. Не только специалиста, но и рядового свидетеля новейшей истории Литвы удивят сведения о том, что площадь у памятника Мицкевичу с 1988 года «стала местом собраний литовского национального союза “Саюдис”»: не 1988, а 1987, не собрания, а митинг (как оказалось, исторический), не «Саюдис», а Лига свободы Литвы.

Знакомя читателя с обширным массивом разноязычных текстов, большей частью на русский язык не переводившихся, Брио приводит стихи, очерки и воспоминания польских и литовских поэтов, «Словарь виленских улиц» Милоша, поэмы Шнеура и Кульбака, многие другие тексты в своих переводах. Они небезупречны, но ценности проделанной работы это не снижает, тем более, что переводы стихотворных текстов сопровождаются комментированной цитацией на языке оригинала. А это позволяет и не знающему языка оценить если не словесную игру, то анаграмматические серии в стихах о городе в долине Вильни и Вилии, воем волка приснившемся князю Гедимину.

Валентина Брио воздержалась от выстраивания очерка «вильнюсского текста», несмотря на то, что в разнородных сочинениях поэтов и писателей, принадлежащих к различным национально-культурным традициям, обнаруживаются одни и те же пространственные и архитектурные мотивы, легендарные сюжеты, исторические и литературные аллюзии, те же смещения и взаимопроникновения времен. Интерпретация Вильнюса как мифопоэтического пространства, генерирующего свой собственный текст, потребовала бы иного исследовательского аппарата и отчасти другого материала. Если же понимать «вильнюсский текст» как образ города в литературах польской, еврейской, литовской (а также русской и белорусской, чего Валентина Брио едва касается), то книга все-таки о нем, – и без нее уже нельзя будет обойтись, трактуя о Вильнюсе адмирала Шишкова и офицера Глинки, Саши Черного и Брюсова, Рейна и Бродского.

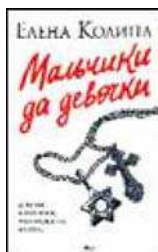
Ī āāīē Ēāādeī āō

СТРАСТИ ПО ЕЛЕНЕ КОЛИНОЙ

Елена Колина

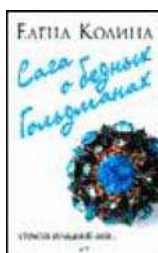
Мальчики да девочки

М.: АСТ, 2008. – 320 с.

Сага о бедных Гольдманах

М.: АСТ, 2008. – 320 с.

Есть еврейская литература. Ей свойственны искренняя интонация, горьковатый юмор и несчастливый финал. Есть женский роман. И есть писательница Елена Колина, которая решила их объединить. Получилось плохо.

Название романа «Мальчики да девочки» отсылает к стихотворению Блока, предусмотрительно вынесенному в эпиграф – а то вдруг читатель не увидит, насколько автор начитан. «Сага о бедных Гольдманах» перекликается с «Сагой о Форсайтах» Голсуорси (ну кто будет вспоминать, что изначально сага – жанр скандинавский и рассказывает историю родовой мести?) Первый роман – о послереволюционном времени – по сюжету неумолимо напоминает «Доктора Живаго»: две сводные сестры, мальчик-еврей, влюбленность, интеллигенция при большевиках, надрыв, душевные метания и проч. Второй закручен более лихо: большая семья Гольдман, одна из ветвей которой хранит верность еврейским традициям, а другая «русует». Надо признать, Колина очень постаралась в «генеалогической» части романа – не сразу понимаешь, кто кому кем приходится в большом семействе Гольдман.

Одна часть семейства, как несложно вычислить, богата и преуспевает (линия Наума Гольдмана), другая (линия Мони Гольдмана-Бедного) – бедные. Во всех смыслах. Тонкой красной линией сквозь весь текст проходит история о брошке, из-за которой на несколько лет ссорятся братья Наум и Моня и которая кочует от героя к герою все тридцать лет, на протяжении которых разворачивается действие романа, в результате оказываясь у выросшей Мониной правнучки. Вот тут-то роман, окончившись ничем (хотя нет, простите, это называется «открытый финал»), и обрывается. Почти на полуслове.

Читать и разбирать это, честно говоря, скучновато. Интереснее остановиться на паре моментов.

Во-первых, забавно, как автор навязывает читателю (точнее – читательнице) образ еврейской семьи. Момент общежитийский: у женатого мужчины есть любовница, да и не одна. Колина делает это моментом исключительно еврейским, пытаясь подчеркнуть характерные черты сытого еврейского образа жизни. И тут же рядом ставит бедную, лишенную всяческих радостей «русскую» семью, давая понять, что при подобной жизни любовница невозможна как класс. Контраст бросается в глаза.

Роман рассчитан на дамочек, желающих «окунуться» в еврейскую культуру. Но не честнее ли было создать продукт, отвечающий запросу потребителей, но не претендующий на «глубину», «психологизм» и «интеллектуальность»? Все это имитирующее искренность описание еврейской жизни в советское время производит впечатление гораздо более тягостное, чем обыкновенный женский роман. Основная характеристика текста Колиной – претенциозность.

В арсенале автора имеется пара «фишек». Во-первых, название, «Сага о бедных Гольдманах», как видно невооруженным глазом, заключает в себе игру слов, особенно если помнить, что значительную часть повествования составляет рассказ о ветви Гольдманов – совсем не евреях, а русских крестьянах Бедных (Мария Бедная вследствие наступившей войны, утраты паспорта и понимания того, что лучше в новой, послевоенной жизни записываться русскими, передает свою фамилию мужу-еврею). Так что «непереводимая игра слов» здесь двойная.

Во-вторых, Колина использует момент «перекрестного повтора» судеб героинь. Дочь Мурочки Дина рождает Аню от Кости (который является Лизиним отцом). При этом Дина выходит за своего двоюродного брата Давида, который полагает, что ребенок его. Лиза, выросши и уже будучи замужем, беременеет от жениха Ани Олега и рождает дочку Ксению, а Олег, равно как Аня и муж Лизы, остается в счастливом неведении...

Видимо, этот поворот составляет кульминацию романа, когда несчастная читательница, с трудом распутав хитросплетения сюжета, может гордиться своей проницательностью. Такое вот «сюжетостроение». Или сюжетоплетение. В общем, домашнее рукоделие.

Анна и Аня

РЕВОЛЮЦИЯ И ЕВРЕИ

The Revolution 1905 and Russia's Jews («Революция 1905 года и евреи России»)

Ed. by Stefani Hoffman and Ezra Mendelsohn

Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008. – 320 p.

За последние десятилетия историки российского и восточноевропейского еврейства заметно расширили тематические, хронологические и географические рамки своих исследований. Это произошло под непосредственным влиянием пионерской работы Йонатана Френкеля «Пророчество и политика. Социализм, национализм и русское еврейство: 1862–1917» (1981), русский перевод которой увидел свет в 2008 году. Френкелю и посвящен рецензируемый сборник. В основу большинства статей легли доклады, прозвучавшие четыре года назад на конференции в Иерусалимском университете.

Споры о значении первой русской революции начались еще до того, как рассеялся дым на баррикадах. Одни видели в ней окончательное крушение надежд на эмансипацию евреев при царизме и доказательство необходимости активного участия в политической борьбе. Другие, напротив, расценивали все происшедшее как смертельный удар по социалистической и националистической идеологии, под влиянием которого еврейская молодежь обратится к эстетизму и декадансу. Третьи эмигрировали в Америку или в Палестину...

Сборник состоит из пяти разделов: «Переоценка революции 1905 года», «Старый режим и “еврейский вопрос”», «1905 год как поворотный момент для евреев империи», «Отражения революции в культуре» и «Заокеанские отклики: 1905 год и американское еврейство». Поскольку объем рецензии не позволяет рассмотреть все статьи сборника, остановимся подробнее на некоторых из них.

Ричард Вортман («Николай II и революция») показал, что царь воспринял события 1905 года как подтверждение своей веры в «естественный союз» государя и православного народа, по сути не оставлявший места для евреев и других неправославных.

Семен Гольдин («“Еврейский вопрос” в царской армии в начале XX века») констатировал, что армейское командование считало евреев не только плохими солдатами, но и неблагонадежным элементом. Преобладало мнение о необходимости прекращения набора евреев в армию, то есть под угрозой была даже та ограниченная интеграция еврейства в российское общество, которая началась при Николае I.

Дмитрий Эльяшевич (единственный российский исследователь среди авторов сборника), исследуя цензуру еврейской печати, отметил, что в результате Манифеста 17 октября еврейские издания были уравнены с остальными и освобождены от предварительной цензуры, что привело к бурному развитию еврейского книгоиздательства и прессы в послереволюционный период.

Брайан Хоровиц продемонстрировал, что Общество просвещения евреев, предложив новое понимание национальной идентичности и внутреннего самоуправления, превратилось в либеральную «фракцию» российского еврейства, поставившую de facto в повестку дня вопрос о культурной автономии.

Владимир Левин («Еврейские политические партии в России в период реакции») и Джефри Вейдлингер («Еврейские культурные общества после 1905 года») выделили то общее, что присутствовало в деятельности как российских (эсдеки, эсеры), так и еврейских (бундовцы, сионисты различных направлений) партий после пятого года. Все они оказались в некоей растерянности в новых, непривычных для них условиях. Разнообразные еврейские общества, получившие возможность действовать легально, совершили нечто вроде внутренней еврейской революции. Еврейские социалисты всех оттенков, столкнувшись с угрозой потери влияния в массах, пошли на сотрудничество не только с «буржуазными» политиками, но и с традиционными общинными структурами, которые прежде бойкотировали. По сути дела, обстановка, создававшаяся в России в ту пору, способствовала «нейтрализации» мессианских настроений «через инъекцию прагматизма в еврейскую политическую культуру» (наблюдение Бенджамина Натанса, высказанное в предисловии к сборнику).

Ребекка Кобрин показала, что эмигранты из России привезли с собой за океан специфическую разновидность русско-еврейского либерализма, включавшую стремление к образованию, уважение к индивидуальному финансовому успеху и социальной интеграции, а Эли Ледерхендлер отметил, что русско-еврейские иммигранты под влиянием революционного кризиса осмыслили свой переезд через океан в категориях судьбы и предопределенности...

Сам Френкель не рассматривал революцию 1905 года как поворотное историческое событие, повлекшее за собой переоценку ценностей. В его концепции 1905 год имел лишь «дополнительное значение» и находился между двумя знаковыми датами еврейской истории: погромами 1881–1882 годов и всеобщим кризисом, вызванным мировой войной и революцией 1917 года. Вошедшие в книгу статьи, кажется, позволяют найти для революции 1905 года более весомое место в историческом процессе.

Àëäîñí äð Èíéøéí

СКАЗКИ ДЕРЕВНИ ПЕРЕМИЛОВО

Аאאא אע אבאאעאע

Нечасто в залах Третьяковской галереи устраивают персональные выставки современных художников. Владимиру Любарову повезло. Недавно в Третьяковке прошла его ретроспектива: «Страна Перемилово. Провинциальные картинки».

Суббота. 1998 год.

Владимир Любаров давно уже рисует «сказки взаправду». Персонажи этих сказок – люди, не похожие ни на кого, но сколь же при этом знакомые: уж больно рельефно проступают в них узнаваемые черты, которые будто под лупой рассматривает художник. Пьяные, задумчивые, загадочные, дерущиеся и щедрые – они схвачены за каким-то действием, поглотившим их без остатка, но в любой момент готовы сойти с картинки и пойти жить как жили, в ближайшем городке или в полузабытой деревеньке. Эти люди ни за что не смогут жить «нормальной» городской жизнью, большой город засосет их как пылесос, не оставив о них даже воспоминания. Они хрупкие, несмотря на то, что выглядят такими крепко сбитыми мужиками и женщинами, очень даже телесными. Они ранимы гораздо сильнее, чем жители столиц. Любаровские герои искренни и непосредственны, словно дети, потому, наверное, и «цепляют». Рассматриваешь эти картинки – что-то в тебе отзывается: кажется, такой человек живет в каждом из нас, только пришлось его сильно уменьшить – иначе не выжить. А Васи, Коли и Пети Любарова бродят себе по всей России. Не случайно художник дал своей выставке именно такое название: момент, который Любаров выхватывает из жизни, – то мимолетное, на что мы часто не обращаем внимания, – он делает сюжетом, и вот уже из этого сюжета вырастает маленький мир со своими законами, известными только художнику да его персонажам.

Люди на его картинах живые, простодушные, разве что с налетом какой-то ностальгии и горечи. Они только кажутся наивными и чуть примитивными, на деле же за кажущейся простотой – личности, сложные, многослойные, хоть и характеры их доведены художником до абсурда.

До того как Любаров резко изменил свою жизнь, он был человеком преуспевающим. Еще бы, главный художник журнала «Химия и жизнь». Проработал там

более одиннадцати лет. В те годы журнал был одним из самых независимых в советской прессе и писал больше про жизнь, чем про химию. Достаточно сказать, что первая публикация В. Пелевина появилась именно в нем.

В перестройку Владимир Любаров в содружестве с Аркадием Стругацким и Кириллом Булычевым организовал первое в России частное издательство «Текст», где и проработал до 1992 года, также в качестве главного художника. Но любая благая идея (а идея была хоть куда: издавать хорошие книги современных авторов, которые в нашей стране не издавались) выдыхается. Меняется время, люди. Что-то такое произошло с идеей, которая была в начале того проекта. Хотя, казалось бы, 1992 год – время, которое еще было временем обещаний.

Любой творческий человек в какие-то моменты жизни переживает кризис, он может быть более острым или наоборот, но, так или иначе, кризис этот требует разрешения. Любаров, по его собственным словам, устал от графики и не понимал, куда двигаться дальше. Все уже было. Ему казалось, он начал повторяться и не получал от работы такого удовольствия, как прежде. Сыграл тут свою роль и бешеный темп жизни, и его однообразие. Тогда-то Владимир Любаров и совершил поступок, кардинально изменивший его дальнейшую судьбу. Он купил дом во Владимирской области, в деревне Перемилово, переехал туда из Москвы и начал работать совершенно в другом жанре. Оставил на время графику и, вспомнив, что еще в юности писал маслом, вновь взялся за кисть, чтобы живописать людей, живших в Перемилово. Таким образом появилась серия «Деревня Перемилово», потом и «Город Щипок» (последнее название, кстати, выбрано не случайно: Любаров родился и до четырнадцати лет жил на улице Щипок, в Замоскворечье). Он вдруг увидел: люди, среди которых провел свое детство, поразительно похожи на жителей деревни Перемилово, на жителей городков Юрьев-Польский и Переяславль-Залесский, что рядом с той деревней.

Суд раввина. 1999 год.

Любаров – собиратель историй. Они рано или поздно находят отклик его работах. Улица Щипок и рассказы его бабушки о местечке, в котором она жила, будучи еще юной, навели Любарова на мысль написать серию «Еврейское счастье». Главным толчком к желанию рисовать сценки из еврейской жизни стал эпизод, случившийся с художником в 1992 году. Любарова пригласили на книжную ярмарку, проходившую в Антверпене, и он впервые попал за границу, а там, «культурно отдохнув» вечером, с утра

он, неожиданно для себя, оказался в еврейском квартале, который произвел на него столь сильное впечатление, что по возвращении на родину художник решил заняться еврейской темой. Идея эта отложились на несколько лет, так как Любаров не мог решить, как писать то, что он хочет. Все попытки приводили к тому, что люди получались неживыми. Решение было найдено, когда еврейское местечко появилось в «воображаемом» пространстве деревни Перемилово. Тут-то евреи и зажили своей собственной жизнью. Картины Любарова – это всегда история, рассказанная в деталях. Это каждодневный быт с его особым строем, с его тихими радостями, почти философской задумчивостью, жизненной размеренностью. Евреи Любарова как будто знают что-то недоступное пониманию остальных жителей Страны Перемилово. Они не столь бесшабашны, как герои серии «ФизкультПривет!» (те же жители деревни Перемилово, занимающиеся спортом). Они все время двигаются, но неторопливы – хотя это отличительная черта всех любаровских персонажей. Никто никуда не торопится! Это как воспоминание об ушедшей эпохе. Как это непохоже на тот мир, в котором люди живут сейчас.

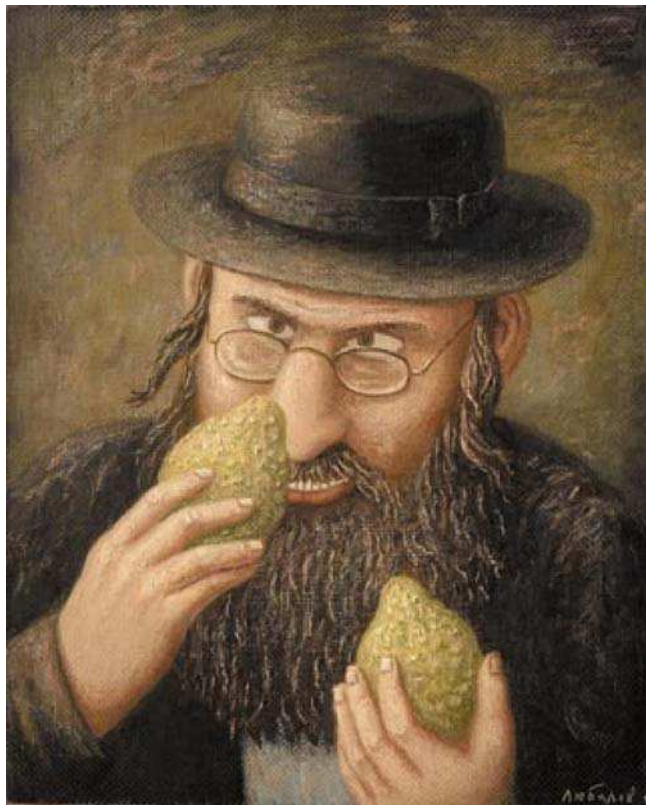
Эндшпиль. 1999 год.

Художник как губка впитывает и пропускает через себя не только окружающую действительность, но и действительность, созданную его «собратями». Это как сообщающиеся сосуды, при том что каждый из них самобытен и неповторим в самовыражении. Просто какие-то общие моменты в творчестве неизбежны, и зависит это не только от человека, но и от времени, в котором ему приходится существовать. И тут можно провести параллель между творчеством Владимира Любарова и Самуила Адливанкина. Ведь, по сути, обоим пришлось творить во время становления нового государства: Адливанкину – в 1920-х годах, Любарову – в 1990-х. Есть в том, что они делают, одна яркая черта, объединяющая их, хотя способ выражения у каждого свой: это снисходительность по отношению к изображаемым персонажам и, вместе с тем, отстраненность от происходящего. Будто оба художника держат своих героев на расстоянии, относятся к ним доброжелательно, но сами не участвуют в процессе «жизнь-бытья» своих героев. Их картины особенно привлекательны для зрителя той самоиронией, что присуща немногим.

Легкое отношение к жизни вообще – явление редкое, а если это отношение удастся привнести и в картину, то это просто удача. Вот, например, картина Любарова «Этрог к празднику»: ортодоксальный еврей поверх очков пристально рассматривает этроги, причем умудряется оценить оба сразу. И серьезно он явно относится к этрогам, а

не к себе. Будто важнее этого выбора нет ничего на свете. Вот эта вдумчивость в нем и ценна, а не то, какой из предложенных он все-таки выберет и выберет ли вообще.

Или спокойная, медленная, ритмичная, как молитва, и печальная «Бессонница», которая на самом деле не бессонница, а поминки. У евреев существует обычай после смерти родственника в течение семи дней читать молитвы сидя на полу с босыми ногами.

Этрог к празднику. 2006 год.

Еврейская серия – это почти что попытка художника «вырастить» себе корни. Ведь, когда ты крепко стоишь на земле и за тобой история твоих предков, жить гораздо теплее. Вот Любаров и ищет эту теплоту, да еще делится ею. Так и живут в деревне Перемилово – тесно, дружно и счастливо.

РЕЙД ОБРЕЧЕННЫХ

Алекс Рапопорт

Режиссер Ю. Малюгин

Список Киселева

Россия, 2008

История эта более шести десятилетий не привлекала общественного внимания, а свидетели событий рассказывали о них скупно и только в узком кругу. Когда в 2005 году телекомпания АБ-ТВ начала работу над фильмом, продюсером которого выступил почетный кинематографист Яков Каллер, в живых оставалось 14 участников рейда, из них в России находился лишь один человек. Сегодня эти четырнадцать, разбросанные по разным странам, – голос пяти тысяч белорусских евреев, погибших в местечке Долгиново с августа 1941-го по июнь 1942 года.

Осенью 1941 года, вместе со своим соединением пробиваясь из окружения, ротный командир Николай Киселев был ранен, контужен и попал в плен. Ему удалось бежать из поезда с военнопленными, шедшего по территории Белоруссии, и отыскать партизан. Со временем он возглавил отряд, который по распоряжению командира партизанской зоны создал из ушедших в лес местных жителей.

К июню 1942 года рядом с местами дислокации отрядов «Борьба» и «Мститель» находились сотни беженцев из гетто, и такая концентрация людей создавала опасность. Руководство движения связалось с Москвой, откуда поступил приказ: собрать в лесах еврейских беженцев, не способных к службе в отрядах, и вывести на «большую землю». Приказ казался невыполнимым: до линии фронта более тысячи километров, по пути – немецкие патрули... От поручения можно было отказаться, и двое командиров так и сделали, а Николай Киселев согласился. Вместе с шестью бойцами ему удалось, преодолевая ночами по 30–40 километров за переход, перевести в ноябре 1942 года группу из 218 человек, евреев местечка Долгиново, через линию фронта. В группе было 35 детей, остальные – женщины, старики и боеспособные молодые евреи, которых не взяли в партизанские отряды. Пеший рейд по оккупированной территории длился более месяца и стал беспрецедентным в истории XX века актом спасения мирных граждан. Такова вкратце фабула, лежащая в основе документального фильма «Список Киселева».

Кажется, многое уже знаешь о Холокосте, но, слушая рассказы тех, кто был тогда ребенком и чудом избежал смерти, узнавая новые, невероятные для обычной жизни подробности, каждый раз воспринимаешь все заново. Детские воспоминания стариков, уроженцев Долгинова, – самые сильные, самые эмоционально заряженные кадры этого фильма. Сняты они в Израиле, в России и США, где живут участники рейда, спасенные отрядом Киселева, их дети и внуки, общее число которых на сегодня – более 2200 человек. Воспоминания участников рейда перемежаются военной хроникой, советской и германской, что создает дополнительное напряжение. Постановочные кадры удачно вписаны в общее повествование. В фильме участвует – рассказывает об отце – дочь главного героя Татьяна, родившаяся вскоре после войны.

Название «Список Киселева» отсылает к широко известной картине Спилберга. Но психологически, по типу личности, Шиндлер и Киселев диаметрально противоположны. Оба во время войны спасали и спасли евреев, оба признаны в Израиле Праведниками народов мира – на этом сходство заканчивается.

Оскар Шиндлер, 1908 года рождения, сотрудник Абвера с 1935 года, с 1939-го – член Национал-социалистической партии, фабрику в Кракове (бывший владелец – еврей) получил в подарок от оккупационных властей. Ему была выгодна сложившаяся ситуация, выгодно использовать труд нескольких тысяч рабочих, для которых единственной альтернативой работе у Шиндлера был Освенцим. Николай Киселев, 1913 года рождения, в 1941 году окончил Институт внешней торговли в Ленинграде и ушел добровольцем на фронт. Этот его поступок, как и согласие, рискуя собственной жизнью, вести по лесам и болотам людей, спасая от гибели, продиктован отнюдь не выгодой.

Киселев мог бы отказаться от рейда; Шиндлер в конце войны уже не мог отказаться от «своих евреев» – их спасение было спасением и для него самого. После войны он пытался наладить свое дело, но, лишившись исключительных условий, в которых его «бизнес» процветал, разорился. Николай Киселев после войны успешно работал во Внешторге. В рейде Киселева сопровождала разведчица, девушка из отряда, на которой он женился в 1946 году. Брак Шиндлера после войны распался. И наконец, Киселев после ноября 1942 года уже не встречался ни с одним из спасенных им людей, не упоминал о рейде в служебных автобиографиях, а разорившийся Шиндлер ставил спасение себе в заслугу, получал деньги от еврейских организаций и часто гостил у «своих евреев». Оскар Шиндлер – игрок, авантюрист, Николай Киселев – человек долга, их несходство разительно, но в коллективной памяти им суждено «бок о бок» стоять в ряду праведников.

Премьера «Списка Киселева» состоялась в конце мая 2008 года в Московском доме кино. Менее чем за полгода фильм, снятый при поддержке Федерального агентства по культуре и кинематографии, получил звание национального фильма и шесть призов на международных фестивалях документальных фильмов. Награды эти в равной мере дань таланту съемочной группы и подвигу Н. Киселева и бойцов его отряда.

ДАГЕРРОТИП РАСПАДА

אי אײן אײען עײס אײ אײ

Режиссер Алексей Балабанов

Морфий

Россия, 2008

Алексей Балабанов умеет взболтать общество. После его «Брата» все говорили о ксенофобии режиссера, опираясь на цитаты из фильма: «Евреев я как-то не очень» и «Не брат ты мне, гнида черножопая». После «Груза 200» кричали о том, что у режиссера нет любви к родине. Теперь, после «Морфия», холодного и прозрачного фильма о распаде и неизбежной смерти, все эти разговоры пошли по второму, третьему, девятому кругу. Балабанов, видимо, как-то так устроен, что вызывает желание поговорить о национальном вопросе и об отношении к родине. Тем более, что в «Морфии» есть и «жидовские твари» (точная цитата), и заснеженная глушь, где живут неграмотные люди. Они выманивают младенца на свет, вложив роженице сахар во влагилице, а к врачу не идут, пока смерть не встанет совсем близко.

Так вот, новый фильм Балабанова если и повод говорить о чем-то, то о жизни, смерти и кинематографе. «Морфий» поставлен по сценарию Сергея Бодрова-младшего, по ранним рассказам и отчасти дневникам Михаила Булгакова. Бодров-младший наложил автобиографическую повесть «Морфий» на цикл «Записки юного врача», притупив всю страсть «Записок», а заодно и весь кошмар революционной зимы. Молодой врач Поляков (Леонид Бичевин) приезжает куда-то в далекую провинцию работать и подсаживается там на морфий – прозрачные белые кристаллы, навевающие золотые сны. Вместе с ним морфинисткой становится акушерка Аннушка (Ингеборга Дапкунайте). Вокруг маленькой больницы воет метель, в окрестных деревнях болеют люди, и Поляков пытается спасти хотя бы тех, кого можно спасти. Себя он спасти не может.

Главное отличие булгаковского «Морфия» от балабановского – не в сюжете и не в персонажах, а во времени. В книге слухи о первой – Февральской – революции следуют сразу за описанием действия морфия, в каком-то смысле Февральский переворот

становится частной галлюцинацией доктора Полякова. Вторую революцию («стрельбу и переворот») доктор пересживает в лечебнице, где пытается справиться со своим морфинизмом. То есть революция – просто один из симптомов ломки. У Балабанова все иначе, в начале фильма революция уже случилась, и морфий – способ притупить боль.

Одна из центральных сцен фильма – вечер у помещика (Сергей Гармаш) в деревне Кузьево, куда герой попадает, заблудившись в метель. В повести Булгакова этой фантазмагии нет. Здесь поют романс «Кокаинетка», неприятный врач Лев Аронич Горенбург (Юрий Герцман) признается, что он член РСДРП, некрасивая институтка поднимает юбку перед зеркалом, пока доктор Поляков трясется в морфиновой ломке. Это своеобразная отвальная перед тем, как сойдет на воду неповоротливый Ноев ковчег новой истории. Здесь, в Кузьево, собраны представители всех классов, от помещика до будущего комиссара-еврея, и от развратной вдовушки до мужика-пожарного, но корабль окажется «Титаником». Помещика сожгут свои же крестьяне. Комиссар-еврей с полными морфия карманами нарвется на пулю. А главный герой, сторчавшийся врач Поляков, пойдет стреляться в синаматограф, – для Балабанова главным наркотиком, конечно, является кино.

Когда режиссера в интервью журналу «Empire» спросили, зачем вообще в «Морфии» появился Лев Аронич Горенбург, «инородец, несущий горе», он ответил: «А революцию кто сделал? Идея была еврейская». Позже, правда, Балабанов объяснял, что Горенбурга придумал Сергей Бодров-младший. За «жидовских тварей» Балабанова еще долго не простят, хотя в дневниках Булгакова эти «еврей-комиссары», «сделавшие революцию», присутствовали. На самом деле в фильме нет никакого особенного антисемитизма: режиссер просто показывает физиологию распада. Запечатлеть момент бесконечно длящегося перехода из одного небытия в другое – вот что лучше всего ему удается. И в «Грузе 200», и в «Про уродов и людей», и в «Замке» он предьявляет публике дагерротип распада с искренней надписью: «Привет из вечности». А какая может быть в вечности ксенофобия, когда там все – одинаково чужие, одинаково не приспособившиеся к жизни?

Главный герой фильма – не врач Поляков, и даже не история, а именно морфий, и каждому он навевает свои сны. Кому-то, как Горенбургу, революционные, кому-то, как Полякову, кинематографические, кому-то из зрителей – патриотические, а кому-то – антисемитские. Спите, метель скоро стихнет, и дом наш накроет белыми кристаллами снега.

ТАМ, ГДЕ ЕСТЬ КОКА-КОЛА

Аאֵ-ֹי אָעִי עֵאִי אָעֵעִי

Американцы говорят, что Хабад есть везде, где есть кока-кола, а поскольку кока-кола в Интернете есть (записывайте адреса для проверки – <http://www.coca-cola.com> и <http://www.cocacola.ru>), следовательно, должен быть и Хабад. И он таки есть. Пишите – <http://www.chabad.org>.

Именно по этому адресу расположен самый главный хабадский сайт. Всем он хорош: и адрес понятный, и дизайн вполне, и содержимое («контент», как говорят интернетчики) отличное, только вот беда – штаб-квартира Хабада расположена в США (знаменитый «Севен севенти», дом по адресу: Нью-Йорк, Бруклин, Истерн Парквей, 770), там же (Истерн Парквей, 784) располагаются создатели сайта и многие другие хабадники. И все они, не будучи неграми преклонных лет, увы, не в курсе, каким языком разговаривал Ленин. Поэтому контент доступен на английском, иврите, французском, испанском и даже немецком, но никак не на языке Пушкина, Бабеля и читателей «Лехаима».

Что делать? Выхода три. Первый: ждать; в планах создателей сайта значатся русская и португальская версии. Второй: выучить английский и начинать читать уже, благо, как и на всяком хабадском сайте, здесь половина слов на еврейском, поэтому нужно выучить не весь английский, а только половину. Третий выход: набрать адрес <http://www.ru.chabad.org> и попасть на почти русскоязычную версию этого сайта («почти» относится не к языку, вполне литературному, а к контенту, сильно урезанному).

Дизайн. Ну что дизайн... Так выглядят все неанглоязычные версии, посему тонким эстетам нужно либо помочь авторам в улучшении дизайна, либо учить английский.

Навигация. Навигация на сайте не то чтобы сложна, тут как раз все просто, но, мягко скажем, не на высоте. Некоторые рубрики дублируются, несколько рубрикаторов в разных местах одновременно... Впрочем, пользоваться можно.

Самый важный вертикальный рубрикатор (в левой части сайта) предлагает разделы «Журнал», «Недельная глава Торы», «Праздники», «Университет иудаизма», «Каббала и хасидизм», «Эра Машиаха», «Хасидские истории», «Библиотека», «Любавичский Ребе», «Календарь», «Центры Хабада», «Пожертвуйте онлайн». Большинство названий пояснений не требуют, разве что уточним: раздел «Журнал» (в английской версии – «Magazine») не содержит внутри никаких печатных хабадских изданий, это скорее подборка материалов на животрепещущие темы плюс майсы, хасидут (учение хасидизма), беседа о недельной главе Торы и т. д., но при желании все это можно распечатать.

В таком же духе и остальные рубрики. Справа можно увидеть несколько интересных ссылок: на ежедневные уроки Торы и на определение алахического времени (зманим) для вашего конкретного города. Зачем? Если вы бывали в синагоге, то, наверное, слышали, как бородатые люди в кипах уточняли друг у друга, когда сегодня «алот а-шахар», «нец а-хама», «хацот а-йом», «плаг а-минха», «цейт а-кохавим» и т. д. Под этими еврейскими словами скрываются определенные моменты времени, ограничивающие период чтения утренней, дневной, вечерней молитв, произнесения определенных благословений и т. д. – в общем, все, что нужно для занятий «религиозным фанатизмом». Времена эти зависят от положения Солнца и звезд над линией горизонта. Их вполне можно вычислить самостоятельно, это все-таки не бином Ньютона, надо всего лишь выучить некоторые разделы небесной механики и астрономии, математики и еврейского законодательства. Либо воспользоваться специальными программами (большинство компьютерных еврейско-календарных программ умеют это делать). Но в тех программах список городов, как правило, очень ограничен: самая известная программа – «Kaluah» – из всех городов СНГ знает только российские Санкт-Петербург и Москву да украинскую Умань. Так что вам, скорее всего, придется самостоятельно задать координаты вашей малой родины да еще выбрать параметры расчетов из пяти-шести вариантов, принятых в разных общинах мира. А тут все уже готово и список городов гораздо больше...

А еще на этом сайте, в соответствующем разделе, можно узнать, где расположены центры Хабада по всему миру (заодно узнаете, где продается кока-кола), записать адреском с телефончиком на случай поездки и узнать время зажжения свечей для вашего города.

В разделе «Календарь» можно ознакомиться с предполагаемыми мероприятиями местной общины и воспользоваться ссылками на несколько очень удобных инструментов, с помощью которых можно пересчитывать даты с еврейского календаря на гражданский и наоборот. Здесь же можно выяснить еврейскую дату своего (и не только) дня рождения, даты бар/бат мицвы и йорцайта (годовщины ухода из этого мира).

Ну и напоследок. Надпись в самом низу страницы напоминает о «раввине Й.-И. Кейзине, первопроходце Торы, иудаизма и еврейского просвещения в Интернете». Раввин Йосеф-Ицхак Кейзин, да будет благословенна его память, «отец еврейского Интернета», создатель Chabad.org, ушел из этого мира 1 декабря 1998 (12 кислева 5759) года.

УТКА, ФАРШИРОВАННАЯ ФРУКТАМИ

Ī ādē Āōēi ĩā

Согласно поговорке, утица плоска с носка и бывает дикая и дворовая (домашняя), «газетная» и «хромая» (о политике, терпящем неудачи) и еще, что она чрезвычайно умна, и поэтому говорят: «вумный как вутка».

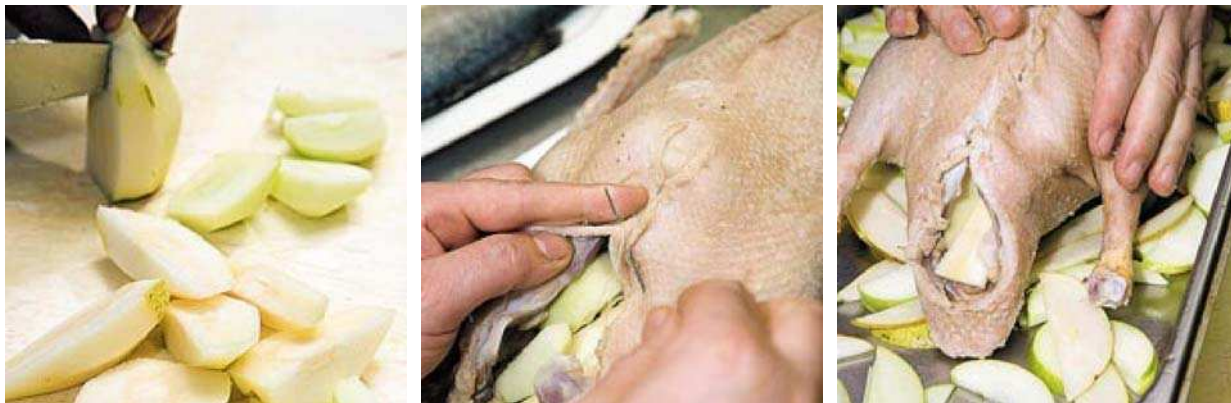
Домашняя порода уток произошла от речной кряквы и сохраняет с ней внешнее сходство. Есть свидетельства, что греки и римляне разводили уток еще до нашей эры. Стрелять диких уток – серьезное мужское занятие, ему отдали дань многие, включая авторов «Записок охотника» и пьесы «Утиная охота». Для охоты необходима ученая собака, иначе в болотных сапогах да с ружьишком за спиной так по грязище набегашься – к концу дня уже и утки не захочется. Тем более что мяса у нее гораздо меньше, чем рассчитываешь. Предприимчивый барон Мюнхгаузен, помнится, обходился без ружья и собаки – охотился на стаю уток с мотком бечевки и привязанным к ее концу куском сала. Разумеется, такие способы добывания пищи для верующего еврея неприемлемы.

В книге Левит содержится список птиц, которых нельзя есть, в основном хищных или питающихся падалью, – утка в нем не упомянута, а что не запрещено, то разрешено. Домашних голубей жители Земли обетованной разводили еще во времена Первого храма. Блюда, приготовленные из водоплавающей птицы, стали частью еврейской кухни уже в диаспоре, и особенное распространение получили в Средние века, когда евреи поселились на территории Северной и Восточной Европы.

К кошерной птице относятся куры, утки, гуси, голуби, фазаны, перепелки и индюки. Но и тут есть особенности: если птица умерла от болезни или старости, если

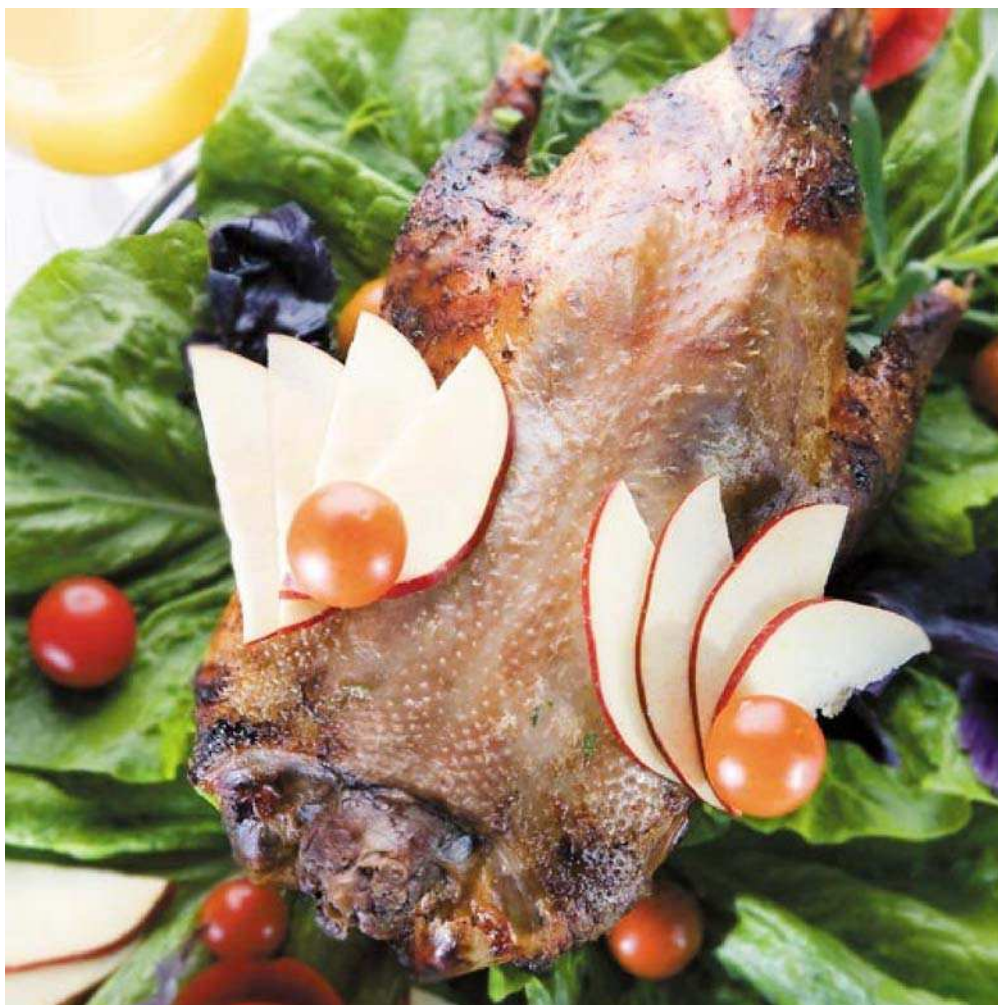
была убита хищником и стала тареф (букв. «растерзанной», тот же корень, что и в слове «трефное»), если у нее есть нарушения внутренних органов, она не является кошерной.

Птица должна быть заколота одним движением и обескровлена. За выполнением правил в ресторане, соблюдающем кашрут, следит человек, которого называют машгиах. Фаршированная утка, которую вы здесь видите, приготовлена под наблюдением шеф-повара ресторана «Йона» при МЕОЦе Петра Слабодника.

Вам понадобятся выпотрошенная с отделенной шейей, лапами и окончаниями крыльев тушка весом 2–2,5 кг, 0,5 кг яблок антоновка, 0,5 кг твердых груш, 50 г густого меда.

Яблоки и груши очистить от семян и кожицы, нарезать крупно дольками, нафаршировать тушку и зашить стежком через край. Кожу утки смазать медом. Противень смазать очищенным подсолнечным маслом. Положить утку на противень животом вверх и при температуре 180–200 градусов запекать в духовке в течение двух часов. Правильно приготовленная фаршированная утка покрыта поджаренной хрустящей корочкой ровного темно-золотистого цвета.

Достав блюдо из духовки, удалите нитки, выньте яблочные и грушевые дольки, разрежьте утку на части и разложите на тарелки вместе с фруктами. Вкус утиного мяса в сочетании с вкусом печеных груш и яблок создает ощущение незабываемого контраста.

Это праздничное блюдо, популярное у евреев-ашкеназов, входит в кухни многих народов Европы.

Январь

Агдәһ Ваәтә

1.1.1919

90 лет назад в фешенебельном квартале Манхэттена, в богатой семье нью-йоркского коммерсанта, специализировавшегося на импорте кошерного сыра, и его супруги-ирландки родился Джером Дэйвид Сэлинджер, американский писатель, завоевавший всемирное признание повестью «Над пропастью во ржи» (в оригинале «Catcher in the Rye», «Ловец во ржи» – по строке из Роберта Бернса). Книга, увидевшая свет в июле 1951 года, охватывает всего двухсуточный временной промежуток. Написана она от лица Холдена Колфилда – нескладного подростка из состоятельной семьи, излагающего свои предельно критические взгляды на окружающую американскую действительность. Восторженный читательский прием произведения во многом был связан с тем, что повесть воспринималась как художественный документ, увековечивший свое время, как своего рода прорыв в иное «литературное измерение», являющее новый, специфический тип сознания. Книга была переведена практически на все языки мира, общий ее тираж, проданный с 1951 года, перевалил за 65 млн. В СССР повесть была опубликована в 1955 году журналом «Иностранная литература» в великолепном переводе Р. Райт-Ковалевой и также имела поистине сногшибательный успех. Ее влияние на умы было беспрецедентным. Известно, например, что в 1980 году убийца Джона Леннона Марк Чепмен, выпустив пять пуль в своего кумира, в ожидании полиции уселся под уличный фонарь перечитывать «Над пропастью во ржи». После 1965 года Сэлинджер практически перестал писать, многие годы он живет отшельником в глуши Нью-Хэмпшира. Удивительно, но до сегодняшнего дня знаменитая повесть остается неэкранизированной. Ее автор отверг массу предложений, в том числе от таких гуру кинематографа, как Марлон Брандо, Джек Николсон, Стивен Спилберг, Леонардо Ди Каприо. Лишь один раз, в начале 1950-х, Сэлинджер согласился было на экранизацию, но с условием, что он сам, тогда почти сорокалетний, будет играть своего 17-летнего героя.

11.1.1929

80 лет назад в своей московской квартире тремя выстрелами из пистолета был убит Яков Александрович Слащев (р. 1885), бывший белый генерал, в 1920 году руководивший обороной Крыма и удостоенный за это титула «Крымский» (до него подобный титул получил – от Екатерины II – только генерал-аншеф князь Василий Михайлович Долгоруков, сыгравший ключевую роль в отторжении Крыма от Турции). Убийца – красноармеец Лазарь Львович Коленберг мстил за родного брата, повешенного

в 1919 году в Николаеве по приказу Слащева, и за учиненные генералом жестокие репрессии и бесчинства в отношении еврейского населения города. В годы первой мировой войны Слащев получил чин полковника, был награжден Георгиевским оружием и орденами, в годы Гражданской войны произведен в генерал-лейтенанты. Вскоре после Крымской кампании из-за неподчинения начальству Слащев был отстранен Врангелем от командования, а после эвакуации в Константинополь предан суду чести и разжалован в рядовые. В ответ Слащев опубликовал брошюру, в которой уличал Врангеля в несостоятельности как военачальника и политического деятеля. Чекисты сагитировали взбунтовавшегося против «своих» генерала вернуться на родину, где он по личной просьбе Михаила Фрунзе был амнистирован и зачислен преподавателем тактики курсов состава «Выстрел». Медицинская экспертиза признала убийцу бывшего генерала психически неполноценным, и уголовное дело против него было прекращено. Слащев стал прообразом генерала Хлудова из булгаковской пьесы «Бег» (в ее одноименной экранизации роль Хлудова-Слащева была великолепно исполнена Владиславом Дворжецким).

11.I.1949

60 лет назад, в преддверии антисемитской по своей сущности кампании по «борьбе с безродным космополитизмом», в СССР было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О журнале “Знамя”. (Проверка выполнения редакцией журнала постановления ЦК ВКП[б] о журналах “Звезда” и “Ленинград”»». Имелось в виду принятое ЦК в августе 1946 года (и отмененное в октябре 1988 года как «ошибочное») постановление с уничтожающим разнесом Михаила Зощенко, Анны Ахматовой и «им подобных». В новом постановлении суровой критике были подвергнуты две небольшие военные повести – «Двое в степи» Э. Казакевича, уже завоевавшего признание вышедшей годом ранее замечательной военной повестью «Звезда», и «Редакция» Н. Мельникова (Наума Мельмана). Последовали «оргвыводы»: главным редактором журнала вместо Всеволода Вишневского был назначен верный «оруженосец» партийной номенклатуры писатель Вадим Кожевников, сразу же ринувшийся в бой. В журнале вышла статья Николая Грибачева «За новый подъем советской поэзии», в которой тот обрушился на «космополитствующего критика» Даниила Данина (Плотке), много писавшего тогда о советской поэзии. В вину Данину ставилось, в частности, то, что он «не желает развенчивать Пастернака» и «молчит об Ахматовой», критику которой следует наращивать. Недобрым словом поминал Грибачев также Маргариту Алигер и Павла Антокольского. В этом же номере журнала была опубликована пьеса Константина Симонова «Чужая тень», которой тот впоследствии стыдился, осуждающая «космополитизм» советских ученых, публикующих свои статьи в иностранных научных журналах. А спустя полмесяца «Правда» поместила отредактированную И.В. Сталиным печально знаменитую передовицу под маловыразительным заголовком «Об одной антипатриотической группе театральных критиков». Статья стала сигналом к развертыванию широкомасштабной и густо окрашенной в антисемитские тона кампании против «космополитизма», сопровождавшейся тотальной этнической чисткой политических, административных и общественных структур – от Политбюро до домоуправлений. Известные только в узком театральном-писательском кругу, семеро театральных критиков, почти все с узнаваемыми еврейскими фамилиями, были обвинены в том, что, критикуя отечественную драматургию и превознося западную, они «утратили свою ответственность перед народом, являются носителями глубоко отвратительного для советского человека, враждебного ему безродного космополитизма».

18.I.1974

35 лет назад, спустя три месяца после окончания – фактически «вничью» – так называемой арабо-израильской войны Судного дня, на 101-м километре шоссе Каир – Суэц представители Египта и Израиля при американском посредничестве подписали соглашение о разъединении египетских и израильских войск. Израильтяне отходили на 32 км от канала, египтяне соглашались на существенное сокращение численности своих войск и вооружений на его восточном берегу. Таким образом был открыт путь к возобновлению судоходства по Суэцкому каналу. Советский Союз, военными угрозами и дипломатическими усилиями которого Египет был спасен от разгрома (23 октября 1973 года перед израильскими танками открылась шоссейная дорога к Каиру), унижительным образом был оставлен в стороне от переговоров.

19.I.1884

125 лет назад в городке Кириллове Новгородской губернии в семье военного врача родился видный советский дипломат, академик (1946) Иван Михайлович Майский (Израиль Ляховецкий). В предреволюционную пору видный меньшевик, с 1908 года до апреля 1917-го политэмигрант, живший сначала в Швейцарии, Германии, с 1912 года в Англии, в период Гражданской войны министр труда в антибольшевистском правительстве Самарской директории. В 1921 году он вступил в РКП(б) и с 1922 года стал советским дипломатом, в 1929–1932 годах работал полпредом СССР в Финляндии, в 1932–1943 годах – послом в Англии. В 1941–1947 годах – кандидат в члены ЦК ВКП(б), в 1943–1946 годах занимал пост заместителя наркома иностранных дел. В период работы в Лондоне, после нападения фашистской Германии на СССР, Майский стал самым популярным среди англичан иностранным дипломатом. В этот же период он, с санкции Москвы, поддерживал тесные отношения с Хаимом Вейцманом, будущим первым президентом Израиля, а тогда президентом Всемирной сионистской организации. В 1943 году, возвращаясь из Лондона в Москву, Майский три дня провел в Эрец-Исраэль, где встречался с Давидом Бен-Гурионом, Голдой Меир, Моше Шаретом и другими еврейскими лидерами. В представленной затем Вячеславу Молотову памятной записке Майский сообщал: «Это все очень приятные люди, окончившие русские реальные училища или гимназии, мы вели беседы на классическом русском литературном языке, но думают они на английском с американским прононсом». И советовал не полагаться на готовность сионистов стать союзниками СССР. За две недели до смерти И.В. Сталина, в феврале 1953 года, Майский был исключен из КПСС, арестован и «признался» в том, что он агент английской, а также целого ряда прочих западных разведок. Его выпустили на свободу через два с половиной года. Историки полагают, что за арестом Майского должен

был последовать арест его бывшего шефа В.М. Молотова, утратившего доверие «Хозяина». Но смерть вождя расстроила этот план.

20.I.1909

100 лет назад ЦК партии эсеров выпустил листовку с сенсационным разоблачением «короля провокаторов» Евно Фишелевича (Евгения Филипповича) Азефа, состоявшего в эсеровской партии с самого ее основания, неоднократно избиравшегося в центральные органы партии, возглавлявшего ее Боевую организацию. Параллельно с партийной работой, информировала листовка, Азеф с 1893 года состоял агентом департамента полиции. Более того, по мере роста доверия к Азефу в партии эсеров повышался и его статус в полиции. А совсем уж безграничный авторитет у товарищей-революционеров провокатор завоевал блестящей организацией потрясших всю страну убийств: министра внутренних дел Вячеслава Плеве (1904) и московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича (1905), родного дяди императора Николая II (к тому же женатого на родной сестре супруги Николая). Царское правительство в лице Петра Столыпина, в ту пору министра внутренних дел, признало связь Азефа с полицией, однако отрицало его роль как организатора терактов. Эсеры, скомпрометированные предательством Азефа, расправиться с ним не смогли. В июне 1915 года он был арестован в Германии как подданный враждебной страны, до декабря 1917 года просидел в камере берлинской Моабитской тюрьмы, где тяжело заболел и уже на свободе, в апреле 1918 года, распрощался со своей многогрешной земной жизнью.

24.I.1994

15 лет назад в Москве, на Волхонке, 14, в качестве отдела Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина открылся Музей личных коллекций. В церемонии открытия приняла участие Н.И. Ельцина. Основу музейного фонда составило уникальное, переданное музею личное собрание его основателя, крупнейшего московского искусствоведа, литературоведа, культуролога и коллекционера, лауреата Государственной премии СССР (1979) Ильи Самойловича Зильберштейна (1905–1988), насчитывающее более чем 2300 произведений русского и западноевропейского искусства. С юных лет одержимый любовью к русской классической литературе и к русскому изобразительному искусству, Зильберштейн на первые заработанные деньги приобрел два рисунка замечательного художника Бориса Григорьева, что положило начало страстному увлечению коллекционированием, не покидавшему его до конца 83-летней жизни. С момента основания Музея от отечественных и зарубежных дарителей в его фонды поступили десятки замечательных коллекций, и в настоящее время музейное собрание приближается к 12 тыс. предметов искусства. Это живопись, графика, скульптура, прикладное искусство, художественная фотография. Коллекция самого Зильберштейна занимает в экспозиции четыре зала. Это работы высочайшего уровня, исполненные в различных техниках и жанрах, представляющие творчество как отдельных мастеров, так и некоторых художественных объединений. В апреле 2005 года зильберштейновский Музей личных коллекций переместился из дома № 14 по Волхонке в соседний дом № 10, увеличив свои экспозиционные площади до 23 залов.

25.I.1914

95 лет назад в Париже умер Лазарь Соломонович Поляков (р. 1842), самый богатый из братьев Поляковых – банкиров-предпринимателей, происходивших из семьи кустарей, обитавшей в небольшом местечке под Оршей Могилевской губернии. Поляковы сказочно разбогатели на строительстве железных дорог и снабжении армии

продовольствием и амуницией. Это произошло после того, как в 1859 году император Александр II утвердил закон, разрешивший богатым еврейским купцам (с семьями и помощниками из соплеменников) – как российским, так и иностранным – жить и заниматься бизнесом за пределами черты оседлости, не исключая столичных городов. Поляков в начале 1870-х годов основал в Москве банкирский дом, ставший вскоре управляющим центром большого числа акционерных банков, железнодорожных, промышленных, торговых и страховых обществ. Операции велись с огромным размахом и зачастую весьма авантюрно. При этом Поляков выступал как щедрый благотворитель: учредил стипендии почти во всех высших и некоторых средних учебных заведениях Москвы, содержал ремесленные классы в Орше, учредил особый зал своего имени в московском Музее изящных искусств (тогда Музее имени императора Александра III), состоял членом Московского отделения Русского технического общества, благотворительного Тюремного комитета, Братолюбивого общества и т. д. На протяжении 35 лет он возглавлял московскую еврейскую общину. Власти Полякову благоволили: в 1906 году он был произведен в действительные тайные советники (гражданский аналог военного чина генерала), имел ордена Св. Анны, Св. Владимира, Св. Станислава. Однако уже к 1900 году его финансовое положение пошатнулось. В конце 1901 года император Николай II согласился с мнением большинства членов Финансового комитета и призвал министра финансов Сергея Витте к тому, «чтобы торговый дом Полякова был в конце концов отстранен от дел». По существу правительство, в попытке спасти многочисленных вкладчиков, приступило к санации «империи» Полякова, введению внешнего управления. Но этот процесс оказался малоэффективным и затянулся на долгие годы, на которые пришлось и отставка Витте, и уход из жизни самого Полякова, и отречение императора. Проблема поляковских долгов обсуждалась вплоть до октября 1917 года, и точку в этом деле поставил большевистский переворот, после которого все разговоры о том, кто, кому и сколько должен, лишились всякого смысла.

Авторы номера

Роман Арбитман (р. 1962) литературный критик, пишущий о проблемах массовой культуры. Автор «Истории советской фантастики» (под именем доктора филологии Р.С. Каца) и нескольких детективных романов (под маской Льва Гурского). Член жюри АБС-премии. Лауреат премий фантастов «Интерпресскон-93», «Странник-93», премии им. Бориса Стругацкого «Бронзовая улитка-93».

Семен Гехт (1903–1963) писатель, переводчик с идиша, журналист («История переселения Будлеров» [1930], «Сын сапожника» [1931], «Ефим Калюжный из Смидовичей» [1931], «Пароход идет в Яффу и обратно» [1936], «Поучительная история» [1939]). В годы второй мировой войны – военный корреспондент газеты «Гудок». В конце 1940-х годов репрессирован, реабилитирован в 1956 году.

Михаил Горелик (р. 1946) эссеист, публицист, литературный критик. Автор книги «Разговоры с раввином Адином Штейнзальцем» (2003).

Самуил (Шмуэль-Аба) Городецкий (1871–1957) историк еврейского мистицизма и хасидизма («Хасиды и хасидизм», «Еврейский мистицизм» [1931–1958]).

Хаим Граде (1919–1982) один из крупнейших еврейских писателей XX века. Писал на идише. Получил светское и традиционное еврейское образование. Дебютировал как поэт в 1932 году, был членом литературной группы «Юнг Вильне». Автор нескольких сборников стихотворений, рассказов и романов «Безмужняя жена», «Цемах Атлас», «Немой миньян».

Галина Зеленина историк, литератор, переводчик. Доцент РГГУ и ИСАА при МГУ, редактор сайта «Booknik.ru: Еврейские тексты и темы». Автор монографии «От скипетра Иуды к жезлу шута. Придворные евреи в средневековой Испании», переводов и статей по средневековой еврейской истории, истории Испании, гендерной проблематике.

Берл-Шмуэль (Болеслав) Капулкин (р. 1969) журналист. Печатается в газете «Шомрей шабос» и в журнале «Мигдаль Times» (Одесса).

Илья Карпенко (р. 1961) филолог, литературовед, журналист.

Борис Клин (р. 1970) журналист, обозреватель газеты «Известия». Лауреат премии ФЕОР «Человек года» – 2006. Зам. главного редактора журнала «Человек и закон». Работал спецкором газеты «Коммерсантъ», журнала «Профиль», телевизионной программы «Время».

Зоя Копельман филолог, переводчик с иврита (Ш.-Й. Агнон, И. Амихай, Й.-Х. Бреннер) и английского, доктор философии. Автор работ по ивритской литературе, преподаватель русскоязычного проекта Открытого университета Израиля.

Евгений Левин (р. 1973) журналист, переводчик, автор пособий по еврейской традиции.

Александр Локшин (р. 1950) историк. Автор статей и публикаций по истории и культуре евреев России и СССР.

Афанасий Мамедов (р. 1960) прозаик, журналист. Автор романов «Хазарский ветер» и «Фрау Шрам». Финалист Букера-2003, премии «Книга года» (2004), премии им. Ивана Бунина (2005), Льва Толстого (2005), лауреат премии им. Казакова (2007).

Давид Маркиш (р. 1938) писатель, сценарист, журналист. Автор романов «Стать Лютовым», «Белый круг» и других, сборников рассказов. Лауреат израильских и международных литературных премий: Британской книжной лиги, Литературной Украины, Литературной Грузии, премии имени Арье Дульчина, премии имени Рафаэли, премии газеты «Маарив» и других.

Голда Меир (Меерсон, урожд. Мабович; 1898–1978) израильский государственный и общественный деятель, премьер-министр Государства Израиль (1969–1974). После провозглашения Государства Израиль посол в Москве (1948–1949). Деятельность Голды Меир отмечена Государственной премией Израйля (1975). Автор мемуаров.

Дмитрий Прокофьев (р. 1951) журналист, специальный корреспондент газеты «Едиот ахронот».

Леонид Радзиховский (р. 1953) журналист («Российская газета», «Еврейское слово», интернет-издание «ЕЖ»), радиостанции «Эхо Москвы» и «Маяк»).

Александр Рапопорт (р. 1960) поэт (сборники «Образ жизни», «Имя и число») и журналист. Составитель антологии «Одесса в русской поэзии» (2009).

Арнольд Уэскер (р. 1932) английский драматург и прозаик. Трилогия «Куриный суп с перловкой» (1959), «Корни» (1959), «Я говорю об Иерусалиме» (1960), историческая драма «Caritas» («Милосердие», 1981). Пьесы Уэскера шли на разных сценах мира, многие экранизированы. На русский язык переведены пьесы «Корни», «И ко всему картошка», «Кухня».

Михаил Эдельштейн (р. 1972) филолог, литературный критик, заведующий редакцией биографического словаря «Русские писатели». Печатается в «Русском журнале», «Политическом журнале», «Новом мире», «Знамени», «Новом литературном обозрении», газетах «Русская мысль», «Ведомости» и др.

Борис Явелов (р. 1940) автор научных и научно-исторических статей и книг.